

Г. Веков

ФИЛОСОФИЯ
МИРОВОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Москва
2018

Автор приносит извинения за отсутствие корректуры текста

ШКОЛА РАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Рациональные коммуникации — условие существования мировой цивилизации

Чем является массовое общество, которое нас окружает и, в частности, чем является массовый человек, который выражает его активность? Для нас, людей разумных, очевидно, что речь идет о почти полностью иррациональной системе коммуникаций и о человеческом существе, почти полностью лишенном разума, однако проявляющем исключительную активность в этой системе иррациональных коммуникаций. Причем вся эта иррациональная коммуникационная система построена на отработанной взаимосвязи мифологических представлений массового общества, которые принято определять в этой мифологии как существование «цивилизации». Нашей задачей является понять, чем в действительности является цивилизация за пределами этой массовой системы мифов, исключаящих разум человека. А для этого необходимо понять отличие между разумным и мифологическим, по существу.

Мы полагаем, что человеческая масса, выражающая активность современной псевдоцивилизации, является продуктом национальных анклавов всех народов мира. Это исторический феномен периодической утраты контроля разумным человеком над внутренними процессами цивилизации, неизбежно приводит к появлению псевдоцивилизации. Принципиальное отличие между человеческой массой и человеческой расой, строителем цивилизации, состоит в том, что человеческая масса — это всегда «гробовщик» рациональных коммуникаций, а раса, наоборот,

их инициатор и основа существования. Под человеческой расой мы понимаем не определенные биологические признаки различий людей, а способности человеческой души вырабатывать разумные импульсы воли, то есть субъективные начала разумной индивидуальности человека в мировой истории.

***

Если искать причину исторического возникновения человеческой массы, то мы найдем ее в активизации анклавов различных народов и наций, когда они переживают процесс деградации и вырождения, вызванный определенными историческими причинами. В первую очередь, речь идет об окончании одного рационального проекта развития цивилизации и формировании нового проекта. Именно в эту группу людей, в человеческую массу, постепенно сливаются национальные анклавы, то есть люди, начинающие разрушать традицию народа, когда в ней значительно ослабевает патриархальный элемент жизни. В дальнейшем, множество национальных анклавов структурируются в целое, то есть в массовое общество.

Современная массовая псевдоцивилизация — это политическая организация национальных анклавов народов мира, которая сложилась в такую политическую систему, в которой не предусмотрено присутствие разумного человека. Причины исчезновения национальной элиты народов мира из политической жизни следует видеть в историческом феномене расовой катастрофы, то есть в факте тотального обрушения рациональных коммуникаций в системе мировой цивилизации. Чтобы понять, почему массовое общество является продуктом национальных анклавов, необходимо понимать, что вкладывал Ницше в понятие «морали рабов». Во-первых, объективно, очевидно, что культ свободы, доминирующий в западноевропейской цивилизации в последние века, активизировал рабские инстинкты всех народов мира, которые восстали и ликвидировали свою национальную элиту. Очевидно, что национальная элита складывается веками, тогда как ликвидировать ее можно в течение несколько десятилетий. Инстинкт раба всегда высшей ценностью будет рассматривать свободу, поскольку этот инстинкт пронизывает собой несколько

поколений рабов. Поэтому разговоры о «свободном» обществе всегда вели в прошлом и ведут в наше время те, в ком на подсознательном уровне доминирует инстинкт раба. Понятно, что активность этого инстинкта не предполагает действие рациональной психологии человека, а строится лишь на определенной мифологии восприятия исторической реальности.

Поясним, что мы понимаем под национальным «анклавом». Любой народ существует в мировой истории только тогда, когда в его жизни сложились определенные традиции. Но традиция складывается из матриархального и патриархального влияния, где первое ассоциируется с понятием «родина», а второе — с понятием «отечество». Если для существования матриархальной составляющей традиции достаточно определенной мифологии взаимосвязи с памятью предков, то для существования ее патриархальной составляющей этого явно недостаточно. С философско-психологической точки зрения, для существования матриархальной составляющей традиции достаточно определенного механизма сублимирования влечений под воздействием массовых ценностей, а для существования патриархальной составляющей — необходима динамика воли к власти. Только динамика воли к власти передает эстафету духа предков, поскольку динамика сублимированных влечений лишь поддерживает подсознательный инстинкт самосохранения народа, тогда как для его полноценного существования необходим духовный риск по отношению к реальным процессам мировой истории. Анклавы нации, как мы полагаем, начинают активизироваться в результате разрушения патриархальной нормы жизни традиции. Именно тогда и резко активизируются инстинкты матриархата, а вместе с ними и анклавы нации.

***

Анализируя современные социальные структуры массового общества, можно заметить, что оно сложилось таким образом, чтобы не допустить в сферу активности псевдоцивилизации разумного человека. Причины подобной исторической ситуации необходимо искать в том, что любой рациональный проект мировой цивилизации постепенно переходит в область мифологических представлений, кото-

рые начинают препятствовать формированию в человеке развитию рациональной психологии. Ведь рациональная психология человека требует, чтобы в непосредственной жизни человека присутствовал определенный метафизический риск, связанный с его волевым усилием жизни. Однако именно волевое усилие человек не предусмотрено в массовом обществе.

Методы, каким образом национальные анклавы мира, то есть люди с бессознательно доминирующей иррациональной психологией, в которой отсутствует разум, организовались на развалинах рациональных коммуникаций в массовое общество, следует искать в подсознательной психологии рабской души. Так, человек всегда культивирует в своей жизни то, что ему не хватает от природы, в данном случае, свободы. По крайней мере, ни одна аристократия мира не культивировала сознание свободы, поскольку полагала, что аристократ свободен от природы. Это то, что Ницше определял, как «мораль господ». И если ликвидация приоритета патриархальной психологии в эпоху Просвещения началась под лозунгами «революции» в европейской истории, то следствием этой ликвидации явилось создание таких социальных структур, которые, в принципе, не предусматривают в своем наличии человека разумного. Именно поэтому для ценностей Просвещения возникла необходимость построения такой системы представлений, в которой бы происхождение разумного человека объяснялось с чисто материалистической точки зрения.

***

Современный мир массовых ценностей насквозь мифологичен. Его мифология строится на безусловном постулате, что все существующее должно подтверждаться в непосредственных чувственных восприятиях человека. Подобного рода позиция исторического сознания, как известно, сформировалась в европейском мире в качестве длительного разрушения представлений, связанных с системой ценностей христианской религии. Несколько веков, начиная с эпохи Просвещения, позиции религиозной психологии вытеснялись, заменяясь логикой исключительно эмпирического мышления, в результате чего постепенно

вместе с религиозным ощущением мира в западноевропейской цивилизации исчезла и национальная элита. Исторически, этот момент в полной мере обнаружился после второй мировой войны, когда все рациональные коммуникации западноевропейского мира рухнули в условиях кардинально новой исторической реальности.

Таким образом, начала массовой психологии современной псевдоцивилизации необходимо видеть в психологии национальных анклавов народов, в первую очередь, в психологической доминанте в массовой культуре сознания свободы. Разум в массовом обществе полностью отсутствует. Вместо разума в жизни человека имеет место разнообразная мифология представлений о «разуме» как достижениях научно-технического прогресса. Понятно, что такого рода историческая ситуация не может существовать долго, когда на смену политическим структурам, отрицающим разум, должны прийти структуры, которые должны предполагать наличие в своей системе разумных людей.

То, что стало очевидным для мыслящих людей нашего времени, это факт практически полностью иррационального образа жизни, который предлагается человеку в массовом обществе. Понятно, что этот иррациональный образ жизни декларируется в системе мифологических представлений как «разумный», где мифология «разума» построена на ценностях научно-технического прогресса. А они могут существовать в качестве доминирующих только при одном условии, если человек доверяет лишь своему непосредственному чувственному восприятию. Но в этом случае он выпадает из событий мировой истории, поскольку материя не обладает разумной историей, разумной историей может обладать только разумный дух. Вся современная мифология материалистических представлений о происхождении Вселенной, которая доминирует в массовом сознании, — это мифология, стремящаяся доказать, что современный иррациональный образ жизни человека в массовом обществе является рациональным, именно потому что человек есть существо исключительно материальное.

Противопоставляя расовое существо человека его массовому существу, мы противопоставляем его разум его неразумному началу души, утверждая, что высшая пси-

хика человека взаимосвязана с его духом через расовое бессознательное. Расовое бессознательное, в отличие от массового бессознательного, не имеет социальной природы, поскольку любая социальная реальность строится на доминировании в сознании конечных рассудочных представлений. Разумное же мышление, в отличие от конечных суждений рассудка, сводится не к непосредственной чувственной реальности, а к определенной феноменологии времени, в которой чувственная непосредственность является лишь одной из топологических составляющих. В этом смысле, является ложным понимание, что социальная среда через процесс сублимирования влечений формирует импульсы воли. В действительности, социальная культура способна формировать лишь способности человеческого рассудка в области знания, которые не требуют духовного риска. Поэтому любая социальная организация возникает и действует только как область матриархальных подсознательных инстинктов человека, направленных на то, чтобы в системе конечных представлений рассудка защищаться от изменившейся исторической реальности. Можно сказать, что социальные представления — это представления, которые стремятся максимально сохранять стабильность власти традиционных представлений о мире. В этом смысле, никакой разницы между социальной организацией, например, христианской церкви и современной либеральной социальной системой массового общества нет. Обе эти системы направлены на то, чтобы сохранять власть традиционных представлений над сознанием человека. В первом случае, эта традиция строится на вере в библейское откровение, а во втором случае — на вере в научно-технический прогресс. И как в религиозном обществе за отказ от веры в библейское откровение следовало отлучение от церкви, так и в наше историческое время любая попытка сомневаться в наличии разумности научно-технического прогресса ведет к остракизму в современной псевдоцивилизации.

***

Как могло случиться, что великая вера в разум, зародившаяся в высших ценностях западноевропейской цивилизации, привела к возникновению иррациональной сис-

темы массового общества, которая построена на низших ценностях? — на этот вопрос мы должны ответить. По-видимому, огонь веры требует особой психической энергии человека, связанной с высшими пластами психики. Мы полагаем, что этот огонь связан с подсознательным инстинктом смерти, то есть с ощущением себя в метафизическом мире. Метафизический мир — это мир действия воли, поскольку воля активизируется только в метафизическом мире, когда ее активность исчезает в момент возвращения сознания человека к непосредственной чувственной реальности, в которой активны только влечения. Именно влечения, сублимированные социальной средой, и создают реальность массового общества, построенного на алгоритмах машинного образа жизни. Этот машинный образ жизни человека — жалкий остаток от полноценной метафизики мышления, разработанной в западноевропейской рационалистической философии. Так, реальность расовой катастрофы начинает разворачиваться тогда, когда определенный рациональный проект развития цивилизации исчерпан, то есть намеченные цели разума достигнуты, а новые исторические горизонты отрицают старые представления для разумного понимания мира. В этот момент начинается инерция распада старой модели цивилизации, которая длится несколько веков.

***

Политические институты мировой истории возникают в качестве структурирования рациональных коммуникаций, а заканчивают как массовые институты. При этом «разумным» в политической реальности рациональных коммуникаций является то, что способствует максимальной полноценности функционирования психической нормы жизни человека, то есть активности его высших слоев психики. Но любая политическая система в мировой истории «изнашивается» под воздействием груза представлений, которые стремятся упростить метафизическое начало мира, чтобы оно стало традиционным и максимально безопасным для человека. Так, полностью исчерпав себя как оплот патриархальной психологии, практически исчез из политической жизни институт христианской церкви в западноевропейском мире. Ему на смену пришли институты,

построенные на вере в научно-технический прогресс, однако и они в наше время стали выражать не разум, а иррациональный образ жизни человека.

Если внимательно проанализировать систему функционирования современной массовой псевдоцивилизации, то мы обнаруживаем, что ее активность построена на максимально упрощенном понимании феномена времени. То есть, хотя время и признается в ней началом мира и контролирует все ее внутренние процессы, оно рассматривается исключительно в математическом понимании, где основная его характеристика состоит в том, что в мировой истории оно длится в линейном направлении. Здесь мы встречаем тот же фрактальный момент подобия, который имел место в византийской цивилизации, где христианская вера, зародившись, все-таки во многом оставалась во власти языческих ощущений реальности, поскольку буферный характер политической модели византийской культуры выражал переходный этап между античной и христианской моделью развития. И византийская псевдоцивилизация столкнулась с жестким мужским началом, которое продемонстрировали германские варвары. Другое дело, что варварство человеческой души еще исключает разум как существование индивидуальности человека, когда тотальная власть племенного инстинкта полностью доминирует в массах людей, определяющих собой нравы и ценности Темных Веков. Аналогичным образом, и современная модель американской псевдоцивилизации, являясь буферным переходом от христианской модели к ее новой модели, хотя и пытается выстраивать свою власть над миром, не имеет для этого главного — воли к власти. Ее политическое доминирование в мире, существовавшее последние два десятка лет, начиная с распада СССР и заканчивая началом операции российских войск в Сирии, строилось исключительно на возвращении всех народов мира к матриархальному образу жизни, то есть такому состоянию, в котором отсутствует разум.

Причины тотальной власти мифологических представлений о происходящих вокруг исторических событиях, которые доминируют в массовом сознании, следует искать в полном исчезновении какой-то объективной разумной взаимосвязи между людьми в массовом обществе. Разум

и миф полярно-противоположны, поскольку разум всегда ставит человека в ситуацию метафизической опасности по отношению к производящему началу бытия, а миф, наоборот, стремится максимально ликвидировать какой-либо риск человеческой жизни в качестве усыпляющего действия системы матриархальных ценностей. Например, монотеистические религии включают в себя безусловное превосходство действия духа-отца над материальным существом человека, с одной стороны, а с другой стороны, достаточно разработанную мифологию представлений о спасении человеческой души после смерти. Аналогичным образом, и современное массовое общество, где проблема метафизической опасности существования человека устранена силой воздействия мифологических представлений о чисто материальной природе мира, предполагает только систему активности матриархальных инстинктов его поведения, где мужское начало сведено только к биологической продуктивности. Поскольку, фактически, мы существуем в эпоху новых Темных Веков, то следует понимать, что новое Средневековье, в котором должна быть заложена новая модель развития мировой цивилизации, еще не выстроило свою политическую инфраструктуру в наше историческое время. Фактически, вся система представлений современных массовых ценностей — это отображение морали рабов, которая инстинктивно способна воспринимать только ценности низшие, связанные с культом свободы.

***

Одним из наиболее активно воздействующих на сознание человека мифа современной массовой культуры является миф о линейных процессах мировой истории, в представлениях которого научно-технический прогресс движется только вперед, а потому динамика процессов мировой цивилизации может быть только положительной. Этот миф возник в эпоху Просвещения в психологическом пространстве еще достаточно сильных подсознательных рабских инстинктов западных европейцев, а потому легко вписался в качестве подмены линейных представлений об исторических событиях в религиозном сознании. Но события мировой истории имеют нелинейный харак-

тер. Научно-технический прогресс является лишь продуктом естественного исчезновения высших ценностей, то есть системой, которая начинает действовать тогда, когда власть высших ценностей над сознанием исчезла, и необходимость их воздействия пытается заметить чистая абстракция рассудка. Вообще, в отличие от системного существования механических процессов псевдоцивилизации, высшие ценности демонстрируют живую взаимосвязь с производящим началом мира, а потому не могут быть отражением конечной системы представлений рассудка. Систематизируется только то, что мертво в качестве контакта с метафизикой производящего начала мира, а потому возникает возможность научного исследования. Поэтому если все ученые в процессе формирования новых научных знаний, всегда были метафизиками и философами, то ученые в эпоху расовой катастрофы — это, как правило, прагматики и материалисты.

Фрактальным подобием веры в разум в системе ценностей научно-технического прогресса, которая сформировалась в психологическом пространстве морали рабов западноевропейской цивилизации в последние века, является христианская вера, аналогичным образом возникшая в период исчезновения активного производства высших ценностей в античной цивилизации. Так, новая вера, первоначально, начинает приобретать массовый характер в мировой истории только в самых примитивных и неразвитых человеческих душах, которыми движет наиболее сильное желание — быть свободными. Эта объясняется тем, что высшая человеческая природа не нуждается в чувстве свободы, поскольку разумный человек свободен от природы, ибо его существом движет метафизический импульс воли, постоянно взаимодействующий с производящим началом мира на самом опасном психологическом уровне. И наоборот, неразумная душа, в которой отсутствует сознание разумной индивидуальности, отображается в реальности во множестве таких же душ именно за счет единого массового отношения к максимальной потребности в свободе. Собственно, принципиальное отличие субъективных процессов психики от объективного существования человеческой души состоит в том, что о существовании души можно рассуждать только тогда, когда указано ее духовное начало.

В противном случае, речь может идти только о различных психических процессах, которые не выходят за пределы конечных представлений человеческого рассудка. Ведь именно из конечных человеческих представлений и складываются различные мифологические системы ценностей, то есть системы, в которых исключен метафизический импульс воли.

Мы понимаем под существованием разумной человеческой души определенное топологическое пространство метафизического импульса воли, которое абсолютно чуждо реальности массового общества. Соприкосновения этих двух миров: разумного, проистекающего из метафизического импульса воли, и иррационального, обусловленного реальностью социально-политических процессов массового общества, где представления полностью определены исключительно в сознании материальных явлений, не существует. Поэтому наше историческое время мы определяем, как Темные Века в истории мировой цивилизации. Пустые же разговоры, связанная с представлениями, что где-то в стороне, за кулисами массового общества существует какая-то мыслящая человеческая элита, — это продолжение все той мифологии представлений о наличии в современной массовой псевдоцивилизации какого-то рационального проекта существования. Во всех народах мира в политическую и деловую жизнь оказались вовлеченными только анклавы наций, то есть такой человеческий материал, который способен быть активным лишь в среде, где отсутствует разум.

***

То, что мы наблюдаем в событиях мировой истории, — это как разумная действительность событий непрерывно отвоевывается субъективным усилием воли к власти человека. Отвоевывается она от животного существа человеческих влечений, которые формируют систему низших ценностей. Ведь разумный дух — это всегда то, что противостоит животному существу человеческой души, возвращая сознание к неизвестности пространства метафизического мира. Другое дело, что метафизический мир всегда открывается своей неизвестной стороной, в чем и состоит его основная характеристика в разумном познании. Как

только нечто метафизическое обживается массовым существом человека, оно перестает сохранять границу между людьми по отношению к производящему началу мира.

***

Любой политический институт в мировой истории функционирует полноценно только тогда, когда в нем хотя бы на минимальном уровне существует мыслящая элита людей, когда эта элита определяет стратегический план развития мировой цивилизации. Однако именно мыслящая элита исчезла из процессов развития мировой цивилизации, когда разного рода тактические политические действия политиков разного уровня нашего времени не могут скрыть главного: отсутствия отчетливого понимания разумного плана развития мировой цивилизации. Современное же стихийное развитие научно-технического прогресса, как мы видим, пытаюсь формировать массовые коммуникации в своей системе, лишь окончательно уничтожило старые рациональные коммуникации, практически ничего не дав взамен. Множество разнообразных технических средств коммуникаций, чье число постоянно растет, направлены на то, чтобы максимально уплотнить пространство восприятия чувственного мира, то есть максимально сублимировать подсознательные животные влечения человека, из которых формируется система конечных представлений рассудка. Но мыслящий разум способен существовать только в метафизическом пространстве, в котором действует импульс воли, обусловленный активностью высших слоев человеческой психики, которые не связаны с животными влечениями. Этот высший центр психики, существующий в подсознании человека в его инстинкте смерти, требует постоянного усилия воли, чтобы сознание оперировало знанием, связанным с этим метафизическим миром. И здесь следует осознавать, что метафизический мир не является чем-то мифологическим, как это утверждала культура Просвещения, связывая его исключительно только с религиозными представлениями народов. В действительности, метафизический мир — это всегда мир воли, то есть движение в области авангардных событий мировой истории, тогда как мифологический мир — это всегда мир человеческих влечений, то есть мир

минимального риска культуры. Особенностью же пространства действия воли к власти является то, что оно всегда покрыто «туманом» неизвестности исторического события, которое только наступает. И наоборот, импульс влечения действует там, где все обжито, все знакомо и максимально безопасно, то есть обусловлено, в основном, инфантильной психологией поведения человека, характеризующей пространство матриархальной культуры. Ведь матриархальная культура учит представлениям о мире, где все безопасно для существования человека. Такого рода коммуникации и формируют пространство низших ценностей жизни массовой псевдоцивилизации.

Одним из наиболее устойчивых мифологических представлений системы массовых ценностей является миф об исторических событиях, обусловленных революциями. Миф о революции возник в культуре Просвещения, хотя в действительности речь должна идти, с точки зрения объективного исторического разума, о восстании рабов в морали, то есть о попытке матриархальных ценностей жизни подменить патриархальную норму, связанную с сознанием долга. Так, начиная с событий французской революции, происходит формирование мифологии ценностей научно-технического прогресса, где закладывается дальнейшая база для глумления над патриархальной психологией человека. Собственно, она прямо называется «низшей», «недоразвитой», не отвечающей требованиям научного прогресса и тому подобное. Понятно, что вместо этой нормы полноценной человеческой психики предлагается культ «свободы» от сознания высшего долга, поскольку инстинкт раба не выносит этого сознания.

Проблема российской цивилизации состоит в том, что в ее историческом опыте никогда не существовало суровое чувство долга, которое характеризует принципы аристократии, находящиеся в авангарде исторических событий. Русская аристократия сложилась на принципах подражания ценностям западноевропейской цивилизации, что и было главной причиной ее ликвидации после нашествия большевистской орды. Дикость полупервобытного кочевого стана в психологии человека, возникшего здесь после нашествия большевистской орды, доминирует вплоть до

нашего исторического времени под завесой разного рода мифологических представлений массового общества, существующих в современной России. Так, только аристократическая система ценностей может быть высшей, но именно ее и не создала русская аристократия, постоянно оглядывающаяся на западную систему ценностей. Рабские же инстинкты, которые восстали в российской исторической реальности, стали ориентироваться исключительно на низшие ценности, что и дало возможность после нашествия большевистской орды создать тоталитарную власть идеологии коммунизма.

Таким образом, вопрос о будущем российской цивилизации, именно цивилизации, а не народа, культуры, государственности и того подобного, зависит от возможности существования в этой тотальной среде мифологических представлений — высших ценностей. Высшие же ценности всегда определяют субъективную и объективную сущность исторического разума. Можно в наше историческое время, с позиции проистекшего тысячелетия, иронизировать над ранней схоластической школой западноевропейской мысли, которая понимала разум почти полностью в пределах библейского откровения. Однако для своего исторического времени подобная мысль была авангардной метафизической мыслью, поскольку воля к власти западноевропейской аристократии только складывалась из полудиких кочевых станов, которые доминировали в Западной Европе в начале 2-го тысячелетия. Вообще, стремление иронизировать над патриархальным прошлым, которое характеризует позиции культуры Просвещения, содержит в себе проявление низшего существа человеческой души, которое за счет глумления над наивысшим доверием между людьми, способно насаждать свою мифологическую систему ценностей, построенную на примитивной логике рассудке. Ведь какая бы степень сублимирования не определяла низшие процессы психики, выражающей ценности социального рассудка, все равно речь в них идет о влечениях, а не о воле. Особенно это заметно по психологическому состоянию современной европейской «элиты», которая практически полностью утратила какую-то вменяемость по отношению к разуму.

***

Высшие ценности могут производиться только импульсами воли к власти, отображающимися от производящего начала мира. В этом смысле, метафизика воли к власти — суть граница между людьми, в которой ритм бессознательного инстинкта смерти выражает не математический отсчет времени, а онтологический. Разница между математической мерой времени и онтологической мерой состоит в том, что математическая мера имеет рассудочно-описательное содержание, тогда как онтологический отсчет времени — рационально-структурное содержание, имеющее фрактальную систему. Отличие фрактальной системы структурно-рационального знания от описательно-рассудочного знания выражается в том, сама структура рационального знания возникает из отчетливости полноценной эстетической картины мира, которая, в свою очередь, способна формироваться только импульсами воли к власти. Воля, вообще, есть такое сверхчеловеческое в жизни человека, в чем человек отображается как бесконечно-малый элемент метафизического начала мира, поскольку его конечное существо проявляется в этом начале в качестве доказательства наличия в нем объективной природы исторического духа. Понятно, что о духе мы рассуждаем с точки зрения новейшей сущности его понимания, где его производящим началом мира является онтологический поток времени.

Массовое существо человека и его производная — массовое общество всегда выражают в событиях мировой истории то мертвое пространство мусора низших ценностей, которое возникает в том месте, где еще некоторое время назад существовал исторический разум. Это обжитое пространство достигнутых рубежей исторического разума характеризует область, из которой исчезло расовое, то есть разумное, существо коммуникаций между людьми, поскольку рациональные коммуникации всегда сопряжены с метафизической опасностью существования человека. Такой новейшей сферой метафизической опасностью человека в событиях мировой истории должно быть освоение космоса, как аналогичным пространством опасности еще тысячелетие назад было освоение пространства Зем-

ли. Но в Темные Века нашего времени человек существует в самой зачаточной точке освоения космического пространства, когда его давит огромный груз предрассудков прошлого, но главное — отсутствие полноценной научной базы, которая дала бы возможность рационального структурирования необходимых коммуникаций для материального проекта этого освоения. Ведь современная научная база — суть производная от осколков той рациональной школы мысли, которая сформировалась из предпосылки, что производящее метафизическое начало мира есть бог. Однако в новейшей системе метафизического знания действует формула — «бог умер».

Новейшие рациональные коммуникации мировой цивилизации неизбежно будут строиться из процесса забвения тепла человеческого мира, к которому так глубоко психологически привязано массовое существо человека, как аналогичным образом строились новые рациональные коммуникации в начале утверждения монотеистических религий из забвения привязанности языческого мира к сакральному в таинстве природных явлений. Но если новой областью неизвестного мира, имевшего метафизическую природу, была Земля, которую в дальнейшей истории должен был освоить человек, то такой будущей областью неизвестного метафизического мира является космическое пространство Вселенной. С другой стороны, все привычное, по земному, «теплое» всегда концентрируется в массовой жизни людей в деградировавших политических институтах, из которых ушла расовая составляющая жизни. Ведь расовое существо человека всегда отображается от метафизического начала мира, тогда как массовое — от чего-то земного и конечного, что определяет его смертное существо.

Если оценить материал психоанализа Фрейда, то легко заметить, что это практически полностью события, происходящие в повседневной жизни человека, прежде всего, конечно, в его семейной жизни. Выбор этого материала очевидно не случаен. Матриархальная психология социума, в первую очередь, сформирована сферой семейной жизни, из которых «вырван» патриархальный принцип воли. Тотальность активности действия влечений, где отсутствует волевой момент жизни, и есть массовая психо-

логия человека, в котором инстинкт самосохранения является определяющим в непосредственной жизни человека. Максимальная обыденность жизни, лишенная какого-то элементарного возвышающего воздействия высших ценностей, формирует массовую психологию человека в качестве иррационального существа, чье сознание полностью мифологично.

Мы должны понимать, что высшие ценности в непосредственной жизни человека существуют только при условии действия его разумной воли, когда имеет место определенная метафизическая мера, с одной стороны, полностью превышающая его конечные человеческие цели, а с другой — целиком их определяющая. Именно такой метафизической субстанцией в жизни человека и является время. Не случайно, и при советской власти определяющая политической программа СМИ называлась «Время», как и в современной российской системе политических программ. Ведь и варвары Темных Веков Западной Европы, хотя и строили христианские храмы, психологически, почти целиком и полностью были язычниками. Аналогичным образом, и политическое варварство на современном постсоветском пространстве выражает полностью мифологическую среду гуманитарных представлений, в которой иррационализм образа жизни человека поражает своей мерой отсутствия критического отношения к качеству ценностей. Единственной нитью, связывающей этот образ жизни с мировой историей, является миф об истории научно-технического прогресса, эта ветхая вера в разум, которая указывает лишь на начало новой цивилизации, но не на ее путь. Рассуждать о метафизике онтологического потока времени необходимо, если мы хотим понять рациональные коммуникации новой модели мировой цивилизации, поскольку метафизическая граница должна проходить именно по ним. Эта граница должна формироваться в качестве отображения разумного духа человека, который выражает позиции разумной индивидуальности в современной цивилизации.

Мы полагаем, что рациональные коммуникации функционируют в мировой цивилизации только тогда, когда в них существует метафизическая граница между людьми, по отношению к которой строится непосредственная

жизнь человека. Но метафизическая граница — это всегда проявление какого-то волевого импульса человека, который отображает взаимосвязь сознания с высшей психикой. Собственно, рациональная модель цивилизации начинается с формирования этой границы и заканчивается этой границей, когда любая политическая модель цивилизации разрушается в момент исчезновения этой границы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Важны в истории народов не революции, не войны — следы их опустошений скоро изглаживаются, — но перемены в основных идеях.

Г. Лебон

I. МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И РАЗУМНОЕ

Глава 1. Мифология представлений и объективный разум

Подмена полноценных политических институтов, в которых существует достаточная доля присутствия разумных людей, институтами массового общества, в которых присутствие разумных людей не предусмотрено в принципе, требует осознать современную политическую систему мировой цивилизации как практически полностью враждебную разуму. Мы оказались в политическом мире, который отрицает разум как проявление высших познавательных способностей человека, а потому должны осмыслить альтернативу существования этой иррациональной политической системе современной массовой псевдоцивилизации. При этом нет смысла искать политическую альтернативу там, где разумное исчезло в силу исчерпания внутренних ресурсов самой рациональной модели, то есть в западноевропейском мире, поскольку этот мир стал мифом, каким же, как, например, миф о «вечном Риме». Ведь очевидно, что в человеческом мире ничего не бывает вечного. Другое дело: что можно противопоставить в наше историческое время Темных Веков этой тотальной мифологии лжи современных СМИ?

Когда мы размышляем над природой происхождения мифа, то понимаем, что его активность распространяется в такой среде, которая определяется чем-то детским, какой-то игровой реальностью, в которой отсутствие разума компенсируется максимальной непосредственностью восприятия жизни, за счет которой и существует вдохновение от восприятия мифологической реальности. В основном, эта непосредственность формируется за счет ощущения постоянной новизны разнообразия от чувственных восприятий, которых в огромном избытке предоставляет массовая культура. Можно сказать, что массовая культура является своего рода огромным детским магазином различных безделушек, начиная от занятий каким-то бизнесом и заканчивая

бесконечным разнообразием различных приобретений. При этом распространенным мифом является представление, что где-то в этом детском саду человеческой жизни существует какая-то мыслящая элита, которая имеет определенный стратегический план развития цивилизации. В действительности же, тотальный уровень понижения качества ценностей, когда «разумными» полагаются только ценности низшие, однозначно доказывает, что никакой человеческой элиты в современной массовой псевдоцивилизации не существует. Можно сказать, что современная массовая псевдоцивилизация — это система, которая почти полностью иррациональна, где сама системность поддерживается иррациональной активностью человеческой психики, которая выдается за «рациональную».

Понятно, что рациональные коммуникации не могут быть механическими, которые в огромном количестве демонстрирует в наше время массовая псевдоцивилизация. Механицизм коммуникаций массовой псевдоцивилизации со всей ее колоссальной социальной инфраструктурой, в действительности связывает людей не через их разумную часть психики, а через неразумную психическую активность. Этот фрактальный феномен подобен тому, когда в конце существования средневекового христианского мира Западной Европы обнаружился тотальный иррационализм человеческого образа жизни, который начал подрывать влияние институтов христианской церкви. Аналогичный процесс мы наблюдаем и в наше историческое время с политическим состоянием либеральных институтов, которые образовались в качестве утверждения разумных начал человеческой души, а заканчивают свое существование иррациональным поведением человека с явно выраженными признаками тотально доминирующей матриархальной психологии. Ведь и все исторические аристократии уничтожаются в мировой истории в результате восстания рабов в морали, поскольку исчерпывают свой внутренний потенциал воли к власти, постепенно погружаясь во власть животных человеческих влечений. Так, основной признак активности морали рабов, то есть распада устойчивой системы рациональной модели цивилизации, — это ярко выраженный культ свободы, который противопоставляется патриархальному чувству долга, ко-

торый закладывается в системе лигаристических союзов. Свобода же всегда в морали рабов — это возврат к непосредственному чувству полноты природы, которое в течение исторического времени истощается в результате действия патриархальной психологии человека.

***

Природа рациональных коммуникаций, в отличие от коммуникаций массовых, в которых рациональное содержание жизни человека практически отсутствует, требует, чтобы в ней присутствовал волевой импульс разумного начала человеческой души. Природа же волевого импульса, в отличие от импульса влечения, строится не на биологической энергии, а на определенном заряде духовного импульса. Поэтому, оценивая все многообразие массовых коммуникаций, становится понятно, что отсутствие в них разумного импульса воли взаимосвязано с отсутствием разумного духа мировой истории в непосредственном образе жизни человека. Поэтому мы и утверждаем, что современное историческое время должно оцениваться как время Темных Веков.

Размышляя над духовным началом человеческой души, мы приходим к пониманию, что оно взаимосвязано с особыми свойствами памяти человека, которую мы полагаем расовой памятью. Расовая память — это память, активизирующая из подсознания человека в момент действия его воли, поскольку воля взаимосвязана с высшими центрами психики, где законсервированы воспоминания высших ценностей мировой цивилизации. Но массовая культура современной псевдоцивилизации не предполагает в своей системе действия импульсов воли человека, которые требуют его духовной активности души. Во многом это связано с тем, что до недавнего времени, в силу сложившейся традиции понимания существа воли под влиянием эпохи Просвещения, воля рассматривалась как разумная деятельность человека в социуме, и только XX век дал серьезные основания для опровержения этого постулата интеллектуальной культуры Просвещения. Но все политические институты мировой цивилизации заканчивают свое существование именно жесткой оппозицией любой живой мысли, в которой существует разум. Именно подобная си-

туация и сложилась в западноевропейском обществе. Однако в России политическая ситуация кардинально иная. Главное отличие состоит в том, что если западноевропейский проект развития мировой цивилизации в мировой истории закончил свое существование, исчерпав себя, то российский рациональный проект развития еще не начался. В различной степени, российская история всегда демонстрировала доминирование иррационального начала души, что, в частности, и послужило причиной известного суждения поэта «умом Россию не понять». Мы должны опровергнуть эту мысль, имея в своем арсенале субъективные и объективные позиции исторического разума, а значит, и право оценивать происходящее здесь с точки зрения меры его рационального содержания.

***

Чтобы оценить качество современных политических институтов с точки зрения объективного разума, мы должны найти точку отсчета исторического времени, в которое мы существуем. А таковой, по нашему убеждению, является очередное время Темных Веков, в которое погружается мировая цивилизация в момент кардинального изменения своей рациональной модели развития, то есть, фактически, ее разрушения. При этом, деление социальных институтов по качеству: на развитые, которым соответствуют западноевропейские социальные системы, или на развивающиеся, куда отнесена Россия, не соответствует объективно рациональной политической ситуации. Все это деление имеет целью уйти от принципиального вопроса: а разумны ли эти политические институты в принципе? Понятно, что подобный вопрос может быть задан только при условии, что в современном мире есть разумные политические силы, которые очевидно невозможно найти в пределах современной западноевропейской цивилизации. Но где тогда их искать, если современная политическая ситуация в мире практически полностью иррациональна? В поиске современных разумных политических сил мировой цивилизации, которые практически не подают признаков своего присутствия в неразумной системе низших ценностей массового общества, мы должны искать их в том месте, где существует какое-то присутствие разумной воли человека,

то есть где сосредотачивается разумное начало исторических событий мировой цивилизации.

***

Чем, в принципе, отличаются массовые коммуникации от рациональных коммуникаций? Мы утверждаем, что в массовых коммуникациях человек обращен к системе потребления низших ценностей, тогда как в рациональных коммуникациях — к системе высших ценностей. Понятно, что система низших и высших ценностей отличается принципиально. Само понятие «система» имеет здесь кардинально различный смысл. Если в массовых коммуникациях система собирает в себя все мертвое, что уже обработало свой ресурс во внутренних процессах мировой цивилизации, то в рациональных коммуникациях это, наоборот, то, что обращено полностью к жизни. Понятно, впрочем, что понимание того, что является живым, а что — мертвым, также принципиально различается в системе высших и низших ценностей. Можно даже полагать, что живое и мертвое полярно противоположны в этих системах, поскольку низшие ценности стремятся реанимировать мертвое за счет своего мифологического пространства, из которого исчезло разумное начало человеческой жизни.

В вопросе: чем является разумное по существу, мы не можем следовать за мифологией современной массовой культуры, которая утверждает, что это научно-технический прогресс. В подобной диктатуре мифологии представлений о разуме, которая начала формироваться в эпоху Просвещения, мы находим начала психологической активности морали рабов, которая впоследствии развилась в культ свободы, доминирующий в современной массовой цивилизации. Ведь именно с ценностей эпохи Просвещения начинается постепенное упразднение сознания, что человек является разумным духом мировой истории, постепенно сменяясь представлением, что человек — это материя, которая, в дальнейшем, в этой мифологии начинает приобретать статус единственного рода реальности, подтверждаемый экспериментальной наукой. В результате упразднения сознания духовного начала души, материальная реальность становится единственным типом реально-

сти, о которой можно рассуждать в массовой, то есть низшей, системе ценностей.

Мы утверждаем, что современная научная теория о происхождении расы *Homo sapiens* является мифом массовой культуры. Так, возможно, что биологическая структура человека и образовалась в результате эволюции, но только не разумный дух человека. Дух по самой своей сути требует достаточной дистанции с материей, но не в качестве дистанции мифологических представлений о своем происхождении, которая подтверждается наличием традиции, а в качестве основы развития мировой цивилизации в метафизическом импульсе воли к власти, указывающим на авангард ее новых идей существования. В этом смысле, мы полагаем, что подлинные свойства разумного духа концентрируются в подсознательной расовой памяти человека, которая взаимосвязана с его высшей психикой через инстинкт смерти. Именно расовая память человека содержит в себе подсознательные ресурсы для производства высших ценностей жизни, на которых строится любая разумная модель мировой цивилизации. Ведь цивилизация — это не бытоустройство социальной жизни человека, то есть так называемый «уровень жизни», который является мерой в массовой системе ценностей, а мера риска разумного духа человека в познании наиболее опасных неисследованных рубежей мира. В разумной действительности, как только устраивается быт человеческой жизни, исчезают и рациональные коммуникации, поскольку окончательное построение быта равносильно окончательному исчезновению рациональных коммуникаций. Ведь разум существует только тогда, когда между людьми существует метафизическая граница, в которой они находят отображение своей индивидуальности, как части высших ценностей жизни, а в метафизическом мире невозможно устроить уют бытовой жизни. Метафизическая граница, в свою очередь, отображает стратегическую перспективу развития мировой цивилизации на ближайшие столетия. Мы полагаем, что этой метафизической границей, в которой отображается разумный дух мировой истории, является онтологический поток времени, действующий в подсознании человека как расовая память. Можно сказать, что именно расовая память активизирует импульсы воли, которые необходимы

для действия разума в человеческой душе в процессах мировой истории.

***

Очевидно, что отличие метафизического объекта от физического состоит в том, что существование метафизического объекта нельзя эмпирически зафиксировать. Именно здесь проявляется мифологичность представлений современной науки, рассматривающей феномен времени с точки зрения экспериментальных данных, направленных на стремление к максимальной точности измерений длительностей. Но в метафизической действительности мера имеет совершенно иную психическую основу, чем мера физическая. Если в физической мере главный критерий — математический аппарат, то в метафизической мере основой является эстетическая структура, которая отображает мир метафизический — в физический и наоборот. В этом отображении активна подсознательная расовая память человека, которая отображает, в первую очередь, духовную активность человеческой души в качестве производства импульсов воли. Дух в человеческой душе, фактически, является ритмом онтологического потока времени, то есть невозможной для математического измерения реальностью, которая отображает действие метафизического мира в импульсе воли. В этом смысле, кардинальное отличие действия воли от действия влечения в человеческой душе состоит в том, что воля всегда отображается от определенного духовного «заряда» души, то есть от психического напряжения, вызванного воздействием метафизического мира.

Не трудно заметить, что в современном языке мировой цивилизации практически исчезло употребление понятия человеческая «душа», как, впрочем, и понятие «разум». Причины лежат на поверхности. Они состоят в том, что массовая культура строится на максимальной раздробленности человеческой души, поскольку только при таком условии сохраняется возможность выдавать иррациональное за разум в представлениях о мире, которые навязывают СМИ. Понятно, что при условии максимального раздробления человеческой души остается только психическая активность человека, то есть сфера конечных

представлений о реальности. Но представление — это не сфера рационального мышления, а область человеческого рассудка, который всегда ограничен доминированием низших ценностей своей исторической эпохи. Поэтому чем агрессивней сфера низших ценностей в непосредственном образе жизни человека, тем более тотальна система конечных представлений рассудка, поскольку сама система низших ценностей строится из непосредственного инстинкта самосохранения человека. Инстинкт самосохранения — этот центральный инстинкт матриархальной психологии, на нем держится система представлений об исключительности социума в непосредственной жизни человека. Зародившись в эпоху Просвещения, определенные стереотипы понимания разума, обусловленные верой в научно-технический прогресс, стали в наше историческое время догмами, которые полностью определяют образ жизни человека в массовом обществе.

***

Феномен явления коммуникаций массового общества не нов в мировой истории. В частности, его историческим прообразом является так называемая «александрийская культура», которая выражает максимальную активность неразумного образа жизни человека в пределах огромного потенциала разнообразия накопленных знаний цивилизации. Известно, что на этот исторический феномен обратил внимание Шпенглер, полагавший, что окончание очередного цикла полноценного функционирования мировой цивилизации неизбежно прерывается на катастрофическом исчезновении влияния воли к власти, то есть, в нашем понимании, на факте исчезновения каких-то признаков рациональных коммуникаций между людьми. Фактически, то есть с точки зрения объективности исторического разума, массовые коммуникации — это такая система взаимоотношений между людьми, в которых действуют не импульсы воли, а импульсы влечений, сублимированные в той степени, в которой власть рассудка доминирует в системе наиболее примитивных представлений о реальности.

В архитектонике фрактальных метафизических структур, в мировой истории ничего не повторяется, но все име-

ет свое подобие. Так, рисунок исторических событий обнаруживает в себе разум в том, что всегда кажется для обычных представлений рассудка чем-то иррациональным. Иррациональной казалась вера первых христиан просвещенным грекам, и также кажутся иррациональными современным поверхностным интеллектуалам философские размышления Ницше, отнесенные ими в область «иррациональной» философии. В действительности же, с исторической позиции объективного разума, все существует наоборот. Политические либеральные институты современной западноевропейской модели цивилизации полностью деградировали, поскольку не имеют в своей основе разума, а какой-то внятной политической альтернативы в европейской псевдоцивилизации им не существует. Понятно, что, первоначально, должна появиться какая-то политическая теория этой альтернативы, которую мы и должны осмыслить в наше историческое время.

В вопросе политической альтернативы современной иррациональной модели массового общества, мы должны понимать, что современный ход мировой истории характеризуется полным исчезновением политической элиты мира с точки зрения элементарной адекватности разумному началу человеческой души. Подобного рода аномалия политической жизни мировой цивилизации вызвана полным истощением ресурсов воли к власти, которые длительное время доминировали в модели западноевропейской цивилизации. Так, активность воли к власти любой политической модели существует только тогда, когда в ней присутствует определенная мера благородства целей человека и самой стратегии ее развития. Но как только хотя бы минимальное благородство человеческой души истощается как доминирующее в политической жизни, так неминуемо исчезает и какая-то разумная взаимосвязь между людьми.

Причины деградации, доминирующих современных политических сил мировой истории необходимо искать в исчезновении какой-то разумной стратегии дальнейшего развития мировой цивилизации, которую может предложить ее западноевропейская модель. Так, исключительная активность в повседневной жизни человека научно-технического прогресса, которую мы наблюдаем, имеет своей

обратной стороной — полное разрушение рациональных коммуникаций, требующих, чтобы в их непосредственном контакте участвовало духовное начало человеческой души, то есть определенность существования метафизического мира. Но метафизический мир объявлен вне закона в научно-технологической модели развития цивилизации. Ему оставлено единственное место — мифология религиозных представлений, то есть матриархально-традиционного начала жизни, в котором отсутствует импульс воли, активно влияющий на современные политические процессы.

Чтобы понять, как возникло современное массовое общество, мы должны выяснить: как возникают и исчезают рациональные коммуникации в мировой истории. И здесь мы сталкиваемся с такой политической структурой, как лигаристический союз. На феномен этого политического образования впервые обратил внимание Шпенглер, который утверждал, что основой возникновения любой модели цивилизации, в которой формируется ее внутренняя структура, является конструкция, подобная политической конструкции рыцарских орденов. Это такие замкнутые мужские союзы, где огонь долга перед высшими ценностями жизни формирует кастовую организацию людей, возникающей из восприятия метафизической границы мира. Причину, в силу которых возникают подобные ордена, следует видеть в том, что мировая цивилизация периодически возвращающейся к тотальным нравам матриархата. Так, хотя номинально власть остается у мужчин, человеческие нравы резко возвращаются к матриархальной психологии, когда основным инстинктом человеческой психики становится инстинкт самосохранения и ее наиболее активная оставляющая — сексуальный инстинкт. И наоборот, лигаристические союзы формируются на полярно-противоположном инстинкте, на инстинкте смерти, который и образует ту кастовую взаимоотношений между членами лигаристического союза, ориентированную на метафизическую границу.

Для нас очень важен тот исторический факт, что конструкция лигаристических союзов как замкнутых кастовых союзов, предполагает, что для формирования новой модели цивилизации, первоначально, должна возникнуть такая человеческая среда, в которой образуются зачаточ-

ные рациональные коммуникации. Эти рациональные коммуникации, можно сказать, прорезаются сквозь дикость человеческой души, характеризующей человеческие нравы Темных Веков. Необходимость формирования подобной кастовой организации продиктована полным разрушением политической системы, в которой теоретически может присутствовать разумный человек. Такова современная политическая либеральная система, в которой рациональные коммуникации полностью исчезли в силу исчезновения метафизической реальности границы между людьми, что, как известно, было сформулировано в известной мысли Ницше «бог умер». Переводя на язык современной рациональной философии эту одну из центральных идей Ницше, мы ее понимаем, как историческую необходимость образования новой системы лигаристических союзов, соответствующих современному духу исторического времени.

Характер фрактальной структуры в политической модели цивилизации состоит в том, что она характеризуется подобием известных элементов исторического прошлого, которые каждый раз приобретают характер модели, соответствующий своему духу времени. Собственно, именно дух времени и формирует эту модель, когда архитектоника бытия настоящего момента времени определяется в качестве высших ценностей человеческой жизни. Но какие ценности культивируются в массовой псевдоцивилизации? Это материальное потребление, рост информационного потока знания, достижение новых научных технологий. Понятно, что этот род ценностей является низшим. Конечно, с позиции современного цинизма интеллектуальной поверхностной культуры, берущей свое происхождение из ценностей Просвещения, современные ценности аристократии, в которых утверждалось, что долг и честь человека дороже его жизни, кажутся слишком наивными. Впрочем, понятно почему. В современной матриархальной массовой культуре главным инстинктом является инстинкт самосохранения, а он своей высшей ценностью полагает человеческую жизнь. Но ведь человеческая жизнь конечна, то есть в данном случае смертное человеческое существо полагается наивысшей ценностью, которая определяется движущей силой политической жизни псевдоцивилиза-

ции. Понятно, что такого рода ценность может объединить только наиболее примитивных людей.

Очевидным историческим фактом современной политической жизни псевдоцивилизации является исключение разумного человека из ее процессов. Можно сказать, пользуясь марксистским языком, что разумный человек в политической жизни массовой псевдоцивилизации ликвидирован как «класс». Эта ликвидация произошла в силу исчезновения рациональных коммуникаций, которые, в свою очередь, существуют только тогда, когда между людьми присутствует метафизическая граница, по отношению к которой строятся взаимные отношения людей. Мы утверждаем, что эта граница проходит в русле онтологического потока времени. Поскольку онтологический поток времени — это фактически, есть дух времени, то сущностью этого духа в непосредственной жизни человека является активность его индивидуальной воли, которая выявляет его индивидуальный дух в качестве носителя высших ценностей жизни. Но в монотонных механических событиях человеческой жизни, где активны только влечения, высшие ценности не могут существовать, поскольку влечения по самой своей сути взаимосвязаны с низшими слоями психики человека, где отсутствует разумное начало души.

Время является силой, производящей метафизически мир, который создает границу между людьми, за счет которой, собственно, и формировались рациональные коммуникации в мировой цивилизации в процессе мировой истории. В природе бессознательной человеческой психики время взаимосвязано с инстинктом смерти, поскольку это единственный человеческий инстинкт, выпадающий из поля биологических инстинктов человека, а потому определяющий взаимосвязь с метафизическим миром. И если ранее этот мир полагался прерогативой чего-то божественного, то последний век перевел практически все религиозные представления человека в область мифологии, и сделал их содержанием матриархального начала человеческой души. Но авангардные позиции действия рациональных коммуникаций всегда сосредотачиваются в области активности цивилизации, где существуют новейшие научные знания, поскольку именно научные зна-

ния являются инструментом разрушения политических конструкций, исчерпавших себя в мировой истории.

***

В понимании метафизической природы времени мы должны осознавать, что эта граница является в подлинном смысле суровой, поскольку протекает в бессознательной энергии инстинкта смерти человека, из которого формируется разумная организация человеческой психики. Здесь моральный закон действует не в силу каких-то рассудочных установок сознания, а в силу невозможности подсознательного существа человека противостоять своим высшим центрам психики. То, что впоследствии из этого огня высшей психической энергии души в мировой истории формировались традиционные религиозные представления, лишь свидетельствует о попытке человеческого инстинкта самосохранения локализовать опасную энергию духа для повседневных нужд жизни. Именно стремление — приспособить метафизику границы онтологического потока времени к повседневным нуждам человека, приводит к периодическому разрушению рациональных коммуникаций в истории мировой цивилизации и, как следствие, к разрушению тех политических институтов, на которые они ранее опирались.

Размышляя над судьбой мировой цивилизации, мы понимаем, что ее современная иррациональная система, действующая для поверхностного интеллекта как нечто «разумное», в действительности отображает лишь фракталы подобия разумного. Этот характер подобия, рассматриваемый Платоном в качестве не самого разума, а лишь его «тени», демонстрирует уже отработанный рациональный опыт мировой цивилизации, превращенный онтологическим потоком времени в мусор низших ценностей. Понятно, что принцип подобия, являющийся центральным для понимания сущности платоновской идеи, требует переосмыслить нас историю философского идеализма совершенно по-новому. Основная задача в понимании идеи состоит в том, чтобы отличить образ подобия от его первообраза, то есть различать элементы фрактальной структуры от единого фрактального рисунка, который выражает разумную действительность. И действительно, если учесть,

что окружающая нас реальность является определенным многообразным фрактальным рисунком, то ее понимание зависит не от того, какой логический аппарат описывает ее отдельные детали, а от того, насколько фрактальные элементы понятны в своей целостности. Фрактальная структура является областью новейшей позиции объективного исторического разума в качестве существования разумной идеи жизни. Можно сказать, что разум «просвечивается» сквозь многообразие фрактальных элементов реальности присутствием метафизической полноты бытия. Эта полнота выражает циркуляцию онтологического потока времени, пронизывающего отдельную жизнь человека и всей реальности в качестве активности его высший, расовой памяти, отображающей взаимосвязь индивидуального духа с историческим духом настоящего момента времени. Возвращаясь к учению Платона о существовании духовной реальности, мы должны ее понимать именно в контексте активности расовой подсознательной памяти человека, которая выражает его существо как духовную энергию во времени. В этом смысле, христианская традиция мысли трактовала понимание существование единого духа у Платона совершенно по-другому, как он учил сам. Понятно, что любое учение стремится приспособить предшествующий ему материал мысли для своих нужд. В этом стремлении сказывается общий принцип идеологической потребности: искать везде свои основания в предшествующих великих учениях. Однако наше историческое время требует правильно понимать идеализм, освобождаясь от ложных представлений, которые стремятся видеть в идеалистическом учении что-то наивное и далекое от реальности. Идеализм, по существу, является лишь авангардными позициями разумной мысли, которая отсвечивает энергетические полюса воли к власти высших ценностей, вырабатываемых в результате развития мировой цивилизации. В отличие от низшей психической энергии, которая демонстрирует область влечений человека к определенным материальным объектам реальности, воля к власти существует в области фрактальной действительности метафизики онтологического потока времени. Эта действительность не может быть представлена в сфере конечных представлений рас-

судка, поскольку ее целостность ускользает в бесконечную полноту разнообразия фрактальной архитектоники бытия.

***

Причины практически полностью иррационального образа жизни человека в массовой цивилизации следует искать в разрушении рациональных коммуникаций между людьми, которые всегда формировались определенной метафизической границей. Понятно, что эта граница определялась как нечто божественное практически на всем протяжении истории развития мировой цивилизации. И только в XX веке она исчезла, что было сформулировано в известной идее Ницше «бог умер». Именно исчезновение этой границы стало причиной обрушения всех разумных начал человеческой жизни, связанных с высшими ценностями. Однако стоит заметить, что на заре становления мировой цивилизации, например, др. египетская мысль не использовала понятие «бога», поскольку в ней действовала магическая сила онтологического потока времени в ее первородной мощи отделения животного начала человеческой души от духовного начала. Поэтому действие магических сил онтологического потока времени и существовал здесь в мире мертвых, что подсознательно активизировал активность действия воли к власти в ее структуре цивилизации. Можно сказать, что нигде в другой модели мировой цивилизации в дальнейшем так глубоко и интенсивно не использовалась расовая память человека как в египетской цивилизации, а потому ее образы высших ценностей наиболее выразительно и могущественно проявились в ее исторических артефактах.

Следствием устранения метафизического ощущения мира, которое характеризует полноценную жизнь цивилизации в качестве отображения разумного образа жизни человека, является резкая активизация иррационального начала человеческой души, обусловленная ее подсознательными влечениями. Вообще, традиционное нельзя понимать исключительно как патриархальный образ жизни человека. Традиционным в момент распада рациональных коммуникаций становится то, что пытается противостоять патриархальной психологии человека с ее запретом на нарушение полноценной нормы психики, постепенно уста-

навливая вместо рациональных коммуникаций — матриархальные ценности жизни. И если в монотеистических религиях таким принципом являлась вера в бессмертии души, то в новейшей истории — вера в неуничтожимость мировой материи. Традиционное сознание жизни требует существования стабильных политических институтов, которые утверждают неизменность и, по возможности, «вечность» своего существования во времени. Такой идеей, в частности, была идея вечного Рима.

Фрактальная структура онтологического потока времени выявляется в политической жизни мировой цивилизации в качестве наличия в ней рациональных коммуникаций, то есть такого метафизического пространства воли к власти, которая указывает на стратегию ее разумного развития в различных топологических ветвях исторических событий. Фрактальное пространство онтологического потока времени отображает в политических процессах мировой цивилизации качество человеческой природы, когда низшие ценности выдвигают во власть наиболее примитивную природу человека, а высшие ценности — высшую природу человека. Если же учесть, что наше историческое время демонстрирует исключительно низшие ценности в политических процессах массовой цивилизации, то и соответствующий тип человека, участвующий в этих процессах, подбирается с соответствующей психологией.

Глава 2. Искусство как отображение фрактальной действительности

Появление теории фракталов в современной науке свидетельствует о том, что новейшая рациональная модель мировой цивилизации формируется фрактальными элементами онтологического потока времени в качестве топологической системы. С другой стороны, метафизическое чувство времени отображает психические ресурсы подсознательного инстинкта смерти человека, которые, одновременно, выявляют его импульсы воли. Понятно, что разумный импульс воли всегда сминает чувство реальности, которое сформировано конечными представлениями рассудка, поскольку он суть действительность или

существование воли к власти. Однако для удержания импульса инстинкта смерти в топологическом пространстве разумной действительности сознания необходима граница между волей и влечениями, которое всегда, исторически, выполняло высшее искусство в непосредственной жизни человека во всех народах мира. Можно сказать, что искусство было и есть той суровой границей между движением подсознательного импульса воли и импульса влечения, которая указывает на полноценность функционирования рациональных коммуникаций в мировой цивилизации. Любые моральные ценности, получающие статус традиции, лишь поддерживают воспоминания о действии этой границы, а не производят ее. Поэтому нападки Ницше на традиционные моральные ценности объясняются с точки зрения рационально субъективного требования — различать производящий импульс воли от его увязания в потоке влечений. Фактически, речь идет о необходимости понимать рационально-субъективную составляющую морали, которая формирует патриархальный дух непосредственного образа жизни человека, когда в нем доминирует волевое начало жизни.

Размышляя над новейшей субъективной позицией исторического разума, которая была разработана в философии Ницше, мы должны выяснить: почему объективность разума новых контуров мировой цивилизации должна формироваться причастностью человеческой души к высшим формам искусства. Другими словами, почему в наше историческое время научная сфера мышления все больше становится мифологической, а область искусства практически исчезла из сферы влияния на образ жизни человека? Ответ на этот вопрос, с точки зрения понимания бессознательных процессов человеческой психики, следует искать в различном источнике психической энергии человеческих влечений и импульсов воли. В любом действии усилия воли присутствует определенная мера метафизического мира, который выражает меру риска человека в познании. И, наоборот, любое движение человеческого влечения всегда определяется только чем-то социальным, то есть коллективно-массовым, что исключает существование метафизического мира. Ведь даже религиозные институты вполне трансформировались в современные про-

цессы массовой псевдоцивилизации, поскольку метафизика религиозного мира стала лишь мифологией, то есть силой, которая почти неспособна производить метафизические импульсы воли.

Великое искусство, в отличие от его имитации для массового сознания, предполагает, что объект искусства существует не в качестве воображаемой реальности, а в качестве определенного топологического ресурса метафизики действия воли к власти в непосредственной жизни человека. Другими словами, духовная энергия человеческой души должна иметь проявление в непосредственном образе жизни человека, которое возможно только через усилие воли. Психическая энергия влечений, какой бы она мерой напряженности не обладала в результате сублимирования, формирует лишь конечные человеческие представления рассудка о реальности, собственно, не касаясь разумной действительности. Но если вся современная массовая культура сформирована исключительно психической энергией сублимированных влечений, то следствием является почти тотальная иррациональность образа жизни человека. То, что изнутри этой иррациональной реальности мы наблюдаем некоторую критику примитивизма массовости низших ценностей со стороны поверхностного интеллектуализма, лишь усиливает процесс катастрофичности отсутствия рациональных коммуникаций в цивилизации. Подобная новейшая техника шаманизма культуры, когда она использует поверхностную интеллектуальную критику для сохранения позиций низших ценностей, напоминают нам дебаты схоластов в средневековой Европе, которые целиком и полностью определялись библейским откровением, где ее новейшим аналогом являются научно-технические достижения. В этом смысле, современная поверхностная мысль постоянно заклиняет своей причастностью к научному знанию.

Мы будем утверждать, что условием существования полноценной объективности предмета искусства является мера его заряженности метафизической силой воли к власти, то есть разрыв с непосредственностью реальности представлений, которые определяют конечные ценности рассудка. С другой стороны, то есть со стороны условия существования рациональных коммуникаций, речь

должна идти о главном связующем моменте этих коммуникаций, то есть о том, что, существуя на границе общения между людьми, формирует эту границу как метафизическую. Мы полагаем, что эту границу формирует онтологический поток времени, который объективно определяет рациональную психологию человека в качестве его метафизических импульсов воли. Собственно, импульс воли возникает, действует и исчезает в метафизическом мире, поскольку эти энергетические импульсы производятся подсознательным инстинктом смерти человека. Но лишь область искусства способна быть действительной в сфере энергии подсознательного инстинкта смерти человека, утверждая подлинно живое, поскольку непосредственная деятельность этого инстинкта освобождает человеческую душу от животных влечений, давая место ее возвышенному состоянию. Человек возвышается в соприкосновении с подлинным предметом искусства, ибо сознание проникает в метафизический мир в момент действия волевого импульса. И наоборот, человек возвращается к своему животному биологическому существу, если в нем импульс воли минимален, а сознанием движет система сублимированных влечений.

Если мы поставим вопрос: как возникает вообще импульс воли в качестве реакции сознания на окружающий человека мир, то должны констатировать, что он возникает как реакция на художественную картину мира. Таким образом, сознание, определяющее рациональную психологию человека, существует только в соответствующем импульсе воли, который в свою очередь выражается действием подсознательной расовой памяти человека. Поэтому сознание реальности в разумном мире выражает не то, что существует в непосредственных чувствах человека, а то, что возникает в памяти в качестве подсознательной реакции на восприятие непосредственной реальности. Можно сказать, что в состоянии действия импульса воли что-то «достраивает» разумную картину мира в соответствии с определенным первообразом, как тому учил Платон. И если это «что-то» в известной системе рационального метафизического мышления определялось как бог, то в новейшей метафизике нашего времени подобного рода понимание уже невозможно. Ведь Ньютон, открывший свои

известные законы физики, на вопрос: почему действуют эти законы, утверждал, что такова божественная воля. В новейшей метафизике, которая, собственно, начинается с известного утверждения Ницше — «бог умер», вопрос о происхождении того или иного закона в понимании метафизического мира требует ссылаться на что-то другое. Это что-то «другое», что определяет современные метафизические законы, как мы утверждаем, является онтологическим потоком времени. Однако ошибочно полагать, что законы метафизического мира могут описываться только научными формулами, как это полагала западноевропейская рациональная школа мысли. Здесь следует понимать, что, первоначально, новый метафизический мир должен быть как-то ограничен в откровении своей новизны.

***

В вопросе нахождения границы откровения нового метафизического мира, чья действительность существует в непосредственной близости с человеком, но которая игнорируется массовой псевдоцивилизацией, необходимо рассматривать действие онтологического потока времени. Первым в понимании этого метафизического явления был Ницше, заявившим о вечном возвращении метафизического начала как источника высших ценностей человеческой жизни. Нашей задачей является максимальная объективизация этого субъективного сознания метафизического мира. Ведь даже сам Ницше решил только одну задачу — отрицание старой метафизической картины реальности в своем известном учении нигилизма, полагая по известной традиции культуры Просвещения, что любая метафизика — это сфера каких-то религиозных представлений о реальности, в первую очередь, монотеистических. В действительности же, все обстоит значительно сложнее.

Рассматривая объективность существования полноценного искусства, мы, в первую очередь, замечаем, что его содержание характеризует полноту и, вообще говоря, полноценность человеческой жизни. Однако только высшее искусство, то есть искусство, определяющее отчетливость стратегического плана развития мировой цивилизации, формирует в ней рациональные коммуникации. Так, между скульптурами Фидия и современным массовым

искусством не просто пропасть, а жесточайшая граница выбора между жизнью и смертью, которая всегда существовала в истории в качестве мира взаимосвязи мыслящих разумных людей и, наоборот, взаимосвязи людей, в ком разум практически бездействует. В образах великого искусства всегда присутствует максимальное проявление воли к власти тех высших ценностей, в которых благородство человеческой души раскрывается в полной мере. Но в массовом искусстве, наоборот, человеческая низость становится мерой человеческих коммуникаций. Ведь социальная среда может обладать в себе как расовым зарядом человеческой памяти, активно влияющей на подсознание человека в качестве активизации в его непосредственном образе жизни высших ценностей, так и доводить его до предельной животной тупости, если эти ценности не производятся. Но если высшие ценности не производятся, то неминуемо начинается историческое безвременье, то есть Темные Века мировой истории, где исчезновение старой рациональной модели развития мировой цивилизации и момент функционирования новой ее модели предполагает активность исключительно влечений человека, но не его индивидуальной воли.

Если рассматривать наиболее общее понимание полноценного искусства, то его можно определить, как многообразное подобие отдельных элементов некоторому целому, то есть в качестве того, что в современной науке принято называть фракталом. Однако мы изучаем мир с точки зрения философии, а потому фрактал для нас мера математическая только в самом упрощенном смысле. В действительности же, фрактальный мир необходимо понимать, как новейшее сознание того, что Платон понимал под структурой идеи, то есть искусство как производящую силу фрактальной реальности. Понятно, что метафизика этого мира кардинально иная, чем философские разработки последних веков классической философской мысли, полагавшие сферой метафизики область божественного мира. Кардинальное отличие здесь выражается в том, что новейшая задача идеализма состоит не в поиске чего-то божественного, вечного и неуничтожимого во времени, а, наоборот, в поисках элементов, остающихся в результате максимально разрушительного воздействия времени, которые связаны

с самим процессом разрушения. С точки зрения основ бессознательной психики человека, таким элементом является подсознательный инстинкт смерти человека, поскольку бессознательная психика человека является отображением в его подсознании потока исторического времени, к которому человек в той или иной степени причастен. И если последние два тысячелетия время представлялось в качестве прямой линии, то новейшее понимание времени как онтологического потока, производящего мир, требует воспринимать время как сложную метафизическую фрактальную систему, состоящую из множества топологических ветвей-времен. Исторически, это отображается в топологическом переплетении человеческого варварства с новейшими достижениями науки или, например, в периодическом процессе нашествия различных человеческих орд на территории, еще недавно демонстрирующих власть разумного образа жизни человека.

Размышляя над метафизической силой онтологического потока времени, которая производит мир, на примере математических фракталов мы убеждаемся, что принцип подобия, открытый Платоном в его учении о существовании вечных идей, необходимо трактовать как существование действительности фрактального мира высокого искусства. Суть этого высокого искусства, производителем которого, по словам Платона, является Демиург, состоит в отображении в расовой памяти человека присутствия соприкосновения прошлого и будущего в настоящем моменте времени в качестве определенного фокуса единой картины целостности метафизического мира. Дробление начинается только тогда, когда рассудок ищет методы исследования отдельного рисунка этой фрактальной реальности, то есть пытается выделить из тотальной власти прошлого и будущего, владеющего человеческой душой, конструктивную сущность настоящего момента времени. Именно здесь происходит тотальная подмена ценностей высших — на низшие ценности, когда мифом начинает называться разумная действительность, а миф, наоборот, становится единственно существующим миром, в котором присутствует человек. Ведь миф — это фрактальная действительность исторического прошлого, которая существует в настоящем только в качестве определенной меры подо-

бия. Только мыслящий разум способен определить подобие религиозного монотеистического мифа о спасении человеческой души — мифу о единственности существования мировой материи в современной научной мифологии, как неуничтожимой сущности. Однако начало эпохи власти монотеистической религии в мировой истории, как и начало великих научных открытий несколько веков назад — не было мифом. Это было авангардом наступления новых разумных политических сил, расчищающих дорогу для конструктивных элементов новой модели мировой цивилизации. Но рациональная модель мировой цивилизации всегда определяется не мерой конструктивных возможностей человеческого рассудка, а мерой целостности взаимосвязи ее начальных элементов разумного понимания, отображающего меру риска в познании наиболее разрушительных фрактальных граней бытия. С субъективной точки зрения, речь идет о воле к власти в процессах развития мировой цивилизации, которая противостоит процессу сублимирования влечений как условию стабильности существования ее социальных институтов. Так, социальная организация всегда держится на определенной мифологии представлений низших ценностей, которые доступны массовому сознанию. Массовое бессознательное в человеке всегда противостоит его расовому бессознательному как импульс влечений — импульс воли.

***

То, что стало очевидным в наше историческое время, — это факт тотального исчезновения процесса производства высших ценностей, поскольку пространство существования для разумных людей, производителей высших ценностей, практически ликвидировано в псевдоцивилизации. Ведь люди, производители высших ценностей, никак не могут относиться к психологическому классу торгашей, которые полностью захватили власть и собственность в современной массовой псевдоцивилизации. Эта психология тотального торгашества, под наукообразными терминами «оптимизации» проникла во все сферы человеческой жизни, вытесняя разумную жизнь человека как классового врага. В наше историческое время под «разумом» понимают способности поверхностного челове-

ского рассудка умело лавировать в насквозь лживой мифологической реальности массовой культуры, в которой изначально все возможности для самореализации имеет человек только с активной низшей природой. Именно в системе массового общества происходит методическая селекция в сторону доминирования неразумного человека, умело использующего свой поверхностный рассудок для имитации разума там, где давно уже существует одна его мифология. А чтобы поверхностность мысли никаким образом не получила импульс глубины в системе массовых ценностей, она целиком и полностью привязывается к непосредственной чувственной реальности. Фактически, современный массовый человек — это неразумная социальная машина, сконструированная таким образом, чтобы всеми возможными средствами блокировать в своей душе действие разума. Собственно, и душа, существовавшая в мировой истории как реальность, полностью упразднена в системе ценностей массового общества, поскольку в нем допускается существование только психики — это системы низших инстинктов подсознания человека как животного существа, которое полностью контролируется низшей системой ценностей.

Для нас, очевидно, что метафизика истории, как и весь метафизический мир, имеет фрактальную основу, то есть все исторические события мировой истории, во-первых, подобны, а во-вторых, имеют симметричную природу, с точки зрения периодического доминирования в них, — то высших, то низших ценностей. При этом низшие ценности всегда максимально социальны, то есть обращены к массовому существу человека, тогда как высшие ценности предполагают наличие в какой-то исторический момент времени в мировой цивилизации политической активности человеческой элиты. Можно сказать, что в этот исторический момент времени активна воля к власти расового существа человека, определяющая суровую границу между людьми в качестве активности определенной аристократической идеи жизни. Поэтому, как это замечал Шпенглер, период власти аристократии в мировой истории ограничен двумя-тремя столетиями, когда дальше начинается провал в область ликвидации метафизической границы, определяемой активностью воли к власти.

Если мы поставим вопрос: почему именно подобие и симметрия определяют фрактальную структуру в строении метафизического мира, то после определенных размышлений поймем, что основой реального опыта метафизической мысли, в первую очередь, является мера целостности постигаемой действительности. Ведь в отличие от представлений реальности, в которых абстрактный рассудок оперирует конечными схемами, выражающими дискретные конструкции постигаемого объекта, во фрактальной объективности объект не может быть охвачен в полной мере по своей границе, поскольку эта граница ускользает в область бесконечного повторения своих образов. Подобное многообразие образов первообраза, определил еще Платон в контексте понимания структуры идеи. Собственно, структура идеи у Платона имеет, в первую очередь, именно художественный принцип стремления человека к максимальному целому, поскольку концентрация внимания на отдельном фрактальном рисунке не дает возможности постигнуть объективность мира. Но сам первообраз не может быть постигнут в силу того, что сознанию человека не дано проникнуть в глубины производства подсознательного инстинкта смерти, на который во всех культурах народов в мировой истории было наложено матриархальное табу инстинкта самосохранения.

Размышляя над объективностью высшего искусства, мы должны понимать, что его субъективный принцип имеет совершенно иной принцип познания, чем принцип познания науки, поскольку научная мысль овладевает предметом своего исследования, а художественная мысль лишь касается его содержания в качестве той или иной меры своей целостности. Другими словами, если научная мысль стремится субъективно присвоить себе объективность исследуемого предмета в качестве постигнутой причастности непосредственного восприятия человека чувственному миру материальной реальности, то художественная мысль строится в качестве конструктивного проникновения в глубины расовой памяти человека, где этот чувственный мир бесконечно много раз повторялся в восприятии предшествующих поколений. Собственно, это и есть формула «вечного возвращения» субъективного разума, в контексте объективного понимания платоновской идеи,

то есть отображение расового опыта предшествующих поколений. Таким образом, чувственная картина мира — это отображение того, что уже много раз было в непосредственном опыте предшествующих поколений людей, поэтому не имеет самостоятельной основы, как это утверждал Платон, требуя, чтобы за этой текучей картиной разнообразного подобия был найден производящий первообраз. Однако существо производящего первообраза может быть найдено только в качестве стремления к максимальному сосредоточению в созерцании единства художественной картины, когда отдельные фрактальные рисунки становятся объективностью топологического целого проникновения в метафизическую действительность онтологического потока времени.

Если в наше историческое время понимание, что такое наука, стало доступно широким массам людей по ее прикладной области в научных технологиях, то понимание, чем является полноценный объект искусства, наоборот, полностью исчезло в массовой культуре. В массовой культуре предмет искусства стал ассоциироваться со сферой развлечений, то есть с чем-то максимально легкомысленным. Причины подобного уничтожения искусства как области основного производства высших ценностей в мировой цивилизации, следует искать в периодичности циклов существования кардинально различных моделей цивилизации, когда в промежутках между разрушением старой моделью и становлением новой модели возникает вакуум рациональных коммуникаций, то есть Темные Века мировой истории. Поскольку мы живем именно в Темных Веках мировой истории, где практически отсутствует элементарная взаимосвязь между разумными людьми, уничтоженная средствами массовых коммуникаций, то вопрос о восстановлении рациональных коммуникаций в мировой цивилизации является одним из важнейших вопросом ее дальнейшего развития.

Размышляя над судьбой развития истории философии, мы замечаем, что в последнее столетие она сделала резкий поворот от своей первоначальной базы, постулируемой в необходимости обоснования через научное понимание — к сфере изучения глубин подсознательного и бес-

сознательного, на котором ранее лежало табу религиозных представлений. Собственно, в этом возврате к глубинам человеческой души и проявляются законы бессознательной расовой памяти человека, когда процесс вечного возвращения состоит в том, чтобы заново ответить на те вопросы, на которые тысячи лет существовали ответы. Ведь эти ответы были даны людьми в определенном фрактальном срезе онтологического потока времени, тогда как полнота этого потока, существующая в настоящий момент времени, уже совершенно иная. И если поверхностный рассудок отвечает на эти вопросы настоящего момента времени с присущим ему легкомыслием, поскольку исходит из чисто человеческого ощущения времени как определенной физической меры, то объективный разум требует понимать время метафизически, поскольку именно время является началом бытия. Таким образом, поскольку время производит мир каждый раз в неповторимой новизне его метафизического многообразия, то линейный характер представлений о его течении, как конструируемой человеком модели его представления, выражает лишь иллюзию времени, то есть его мифологическое понимание. А ведь именно из этого мифологического понимания времени как линейного процесса и строятся все современные иррациональные процессы массовой псевдоцивилизации.

***

Размышляя над метафизической природой времени, мы понимаем, что именно объективность искусства является наиболее близкой к его сущности мерой. Причины подобной близости объективности искусства к метафизической природе времени следует видеть в способности феномена искусства существовать под воздействием бессознательного инстинкта смерти человека, который формирует в нем интуицию ощущения метафизического мира. Так, если мир физический целиком и полностью протекает в непосредственности чувственного ощущения человека как биологического существа, то мир метафизический можно полагать чувственным только условно, а именно по границе топологического соприкосновения импульса воли с фрактальным блоком расовой памяти. Другими словами, мы обнаруживаем ту мысль, которую особенно настойчи-

во утверждал Платон, что мир непосредственных чувственных ассоциаций является не более, чем смятым волей отображением настоящего момента времени. Но если воля не действует, то движение метафизического потока времени блокируется процессом сублимируемого влечения, то есть представлением определенного абстрактного знания.

Если мы проанализируем все полноценные структуры существования мировой цивилизации, начиная от существования семьи и заканчивая государственным устройством, то обнаружим, что они устойчивы только при условии активности в них волевого начала человеческой психики. Однако современная легкомысленная мысль массовых ценностей стремится доказать, что все институты мировой цивилизации построены по социальному принципу, то есть строятся на массовой психологии человека. Здесь мы видим основную ошибку в понимании определяющего признака разумного института мировой цивилизации: в попытке искать в нем какое-то социальное содержание, которое характеризует минимальную степень риска для человеческой жизни и, как следствие, почти полное отсутствие проявления индивидуального начала в человеке. В действительности же, авангардные позиции развития мировой цивилизации всегда совпадают с процессом производства в ней высших ценностей, которые в свою очередь выражаются мерой духовного риска, когда будущее и прошлое время отображается в сознании расовой памяти человека в его максимальном усилии воли. Субъективно рационально, воля к власти — это метафизический поток времени, врывающийся из высших слоев подсознания в сознание человека вследствие действия в ней расовой памяти. Собственно, метафизика фракталов времени выявляет тензоры воли, которые натянуты на подсознательный инстинкт смерти человека в качестве его метафизической интуиции охвата потока течения расовой памяти в единую художественную картину реальности. И, в отличие от комплексов влечений, которые требуют «потесниться» одно биологическое существо человека — другим в социальном пространстве, тензоры воли образуют метафизическую границу между людьми, которая впоследствии получает статус моральной нормы, целиком и полностью проистекающей из высших слоев человеческой психики.

Особенностью существования полноценного художественного объекта искусства является то, что он целиком и полностью стремится отобразить расовую человеческую сущность, то есть сущность, которая присутствует в человеке его активным волевым началом жизни. А волевое начало жизни, в отличие от активности влечений его существа в социальном пространстве, формируется как система подсознательных реакций, которые проистекают из наиболее разрушительных слоев психики, связанным с его подсознательным инстинктом смерти, то есть с центром, который не имеет психической подпитки с внешним миром, в отличие от влечений. Поэтому именно из этого центра и формируются подлинные начала субъективности человека как разумного существа. Разумная субъективность, целиком и полностью протекающая в глубинных пластах психики человека, может иметь объективное проявление только в воспоминании, то есть фактически, проявляется в процессе выворачивания «наизнанку» этой психики в волевом усилии человека, когда это усилие создает тензор сознания метафизического пространства. Это то, что Ницше определял, как процесс вечного возвращения.

Если мы оценим значение искусства в истории мировой цивилизации, то должны будем определить его в качестве границы: между монотонностью социального образа жизни человека и его высшей моральной ответственностью перед метафизикой производящего начала бытия. Здесь следует понимать, что это поверхностные интеллектуалы последнего века стали рассматривать мораль как исключительно социальное проявление человеческого поведения. В действительности же, моральное существо человека классической эпохи, то есть эпохи, власть в которой принадлежит аристократии, определяется не формальными моральными предписаниями, а мерой риска индивидуальной воли человека, которая выражает откровение полноты метафизического начала бытия. Это то, что Ницше называл «волей к власти», а мы, с учетом событий новейшей истории, полагаем началом субъективного разума. Так, метафизические импульсы воли отображают сознание разумной индивидуальности человеческой личности в процессе воспоминаний расовой памяти, когда сознание движется не в анализе непосредственных чувств-

венных ассоциаций, а в анализе фрактального рисунка, который отображается в потоке расовой памяти. Кардинальное отличие непосредственных чувственных ассоциаций, к которым оперирует поверхностный рассудок в качестве обоснования материальной реальности, от мира, возникающего из потока расовой памяти человека, состоит в том, что первый, является отображением непосредственных влечений человека, а второй — следствием отображения импульсов его воли. Таким образом, действия разумного человека, в чьих поступках доминируют импульсы воли, от действия неразумного человека, у которого доминируют влечения, отличаются полярно в качестве действия ресурсов памяти. У социального человека память ограничена ресурсами настоящего момента времени или событиями, которые происходят недалеко по времени от настоящего момента, как правильно, в его семейной жизни или жизни как социального существа, то есть это тот материал воспоминаний, с которым работают современные психоаналитики. У расового же человека, память работает с глубинными ресурсами памяти, то есть на сознание человека влияет то, что Платон называл «идеями», а Ницше определял в качестве процесса «вечного возвращения».

Наше противопоставление расового существа — массовому существу, которое существует в любом человеке на планете Земля, суть противопоставление разумного начала человеческой души — ее иррациональному началу, что проявляется в различной динамике психической жизни человека в качестве различия динамики действия воли и динамики влечений. Так, действие воли всегда имеет дискретный характер, поскольку проистекает из воздействия потока подсознательной расовой памяти человека на его поступки, тогда как действие влечения, наоборот, характеризует монотонную непрерывность человеческой жизни и стремление к минимальному риску. Можно также определить это различие как противоположность патриархального и матриархального существа человеческой жизни, когда первое практически невозможно отнести к области социального проявления, тогда как второе всегда определяется сферой социальной жизни. В этом смысле, мы формулируем различие между цивилизацией и культурой как полярно противоположное тому, что имел в виду Шпенг-

лер в своей концепции мировой истории. Так, если Шпенглер полагал, что культура определяется сферой производства высших ценностей, а цивилизация — мертвой жизнью массового мегаполиса, то мы полагаем, наоборот, что именно культура выражает жизнь массового существа человека, тогда как цивилизация определяет его расовое существо и, как следствие, процесс производства высших ценностей. Культура, в этом смысле, всегда направлена на спасение человеческого существа, а потому — она всегда позади человека как нечто безопасное, нечто обжитое и пригодное для повседневной жизни. Цивилизация же — это то, где существует максимальный риск для человека как первооткрывателя ее новых структур существования, чьи смутные контуры проступают в онтологическом потоке времени. Мы полагаем, что цивилизация — это разумная идея государственности, которая противостоит мифологической системе социальных представлений своей исторической эпохи. Ведь социальное — это то, что всегда стремится максимально сохранять, чтобы активизировать в человеке его матриархальные подсознательные инстинкты. Так, государство, в отличие от социума, всегда демонстрирует в своих структурах определенную разумную волю человека, то есть разумные политические силы, тогда как массовой социум стремится к прямо противоположному — к полной их ликвидации в своих иррациональных структурах.

***

Не трудно заметить, анализируя события мировой истории, что сфера полноценного искусства всегда определяет собой начальные элементы авангардных принципов развития мировой цивилизации, с точки зрения наличия в непосредственной жизни человека высших ценностей. Именно здесь проявляется интуиция присутствия метафизического мира, который ощущается как загадочность его восприятия в ускользающем онтологическом потоке времени. Можно сказать, что этот поток постоянно сминает все попытки человека устроиться в земном восприятии жизни, заставляя искать новые фрактальные грани понимания своего присутствия в этом мире. Главная функция полноценного искусства на протяжении всего существова-

ния мировой цивилизации состояла в том, чтобы отображать присутствие рядом с человеком и в нем самом метафизику потока времени.

***

Природа метафизического мира, ранее всегда предполагавшая нечто божественное, в наше историческое время необходимо понимать кардинально по-иному. Это новое начало метафизики, как это справедливо заметил Хайдеггер, заложил Ницше в своей известной идее о «смерти бога». Кроме того, Хайдеггер выделил даже объект новой метафизики — время, однако его подход к пониманию времени, как известно, носил мифологический характер, то есть не предполагал разумного понимания действительности, связанной с производящим началом онтологического потока времени. Мы же, исходя из метафизики производящего начала времени, полагаем, что метафизические элементы бытия определяются в реальности фракталами времени, то есть такими топологическими конструкциями, которые отображают в непосредственной жизни человека всю объективную полноту присутствия бытия. Но если в реальности материального мира человек имеет дело с математическими фракталами и, вообще, фрактальной реальностью, то метафизические сущности фракталов, в которых выражается объективная действительность как онтологический поток времени, не представляемы в принципе. Можно сказать, что математические фракталы — суть образы тех первообразов метафизических фракталов, которые указывают на особый ритм времени, который выявляет исторические события со стороны определенного рационального содержания. Платон, рассуждая о топологической структуре метафизических фракталов, полагал, что мир производится в качестве художественной реальности, поскольку расовая память человека, из которой он черпает свое знание о разумной действительности, не только не разрушается под воздействием подсознательного инстинкта смерти, но и, наоборот, усиливается. В результате, разумный мир человека полярно противоположен его миру непосредственных чувственных ассоциаций, поскольку в разумном мире бессознательное существо человека движется в некотором подобии клинической смерти, когда субъективная воля

определяет метафизическую границу с непосредственной реальностью. В этом смысле, только умирая каждое мгновение по отношению к восприятию чувственного мира, можно постигнуть разумную идею жизни, то есть понять производящее начало онтологического потока времени. Ведь время будет течь и после смерти человека, а потому его сознание должно постигнуть тот ритм течения, который был до него и будет после него.

Понятно, что наша точка отсчета понимания объективности разумного мира не относится к той системе, которая сложилась в системе представлений эпохи Просвещения, где критерий объективности мира тождественен научному знанию. В топологии событий мировой истории, когда ее фрактальная объективность является не линейным процессом, определяемым мерой развития научных технологий, а разнообразием подобия определенного фрактального рисунка событий, научное знание является лишь уровнем достижений абстрактных представлений человека о мире. Однако представление — это не проявление разума человека, а лишь проявление возможностей его рассудка, то есть способностью судить о том, что направлено на разрушение старых мифов. Здесь следует понимать, что за всякой способностью рассудочных суждений неизбежно следует формирование новой мифологии, которая возникает из самой критики старых мифов. Поэтому способности критического рассудка, в отличие от возможностей разумного мышления, ограничены сферой социального знания, то есть знания, которое вырабатывается не метафизикой воли, а процессом сублимирования подсознательных животных влечений человеческой души. Собственно, любое метафизическое знание как определенный авангард разумного мира, впоследствии становится известными законами физики, поскольку будущее время становится настоящим временем.

В понимании простейших начал метафизической действительности мы должны исходить из нескольких философских предпосылок ее существования. Во-первых, из того, что любая природа объективной метафизической действительности является различным типом структуры онтологического потока времени, а во-вторых, что элементами этой структуры является фрактальные элемен-

ты. Особенностью метафизических элементов, или метафизических фрактальных структур, которые невозможно представить, лежит художественный принцип реальности. Сущностью этого художественного принципа является особое свойство расовой памяти человека: производить непосредственность чувственной реальности восприятия — через подобие метафизическому миру. Таким образом, рациональное мышление движется не от непосредственной чувственной реальности, а, наоборот, от метафизической нерасчлененной полноты онтологического потока времени — к приведению к нему непосредственного чувственного ощущению мира. Но в таком движении метафизическая граница всегда сохраняется, выражая сущность идеального мира как метафизической загадки, которая может раскрываться только частично в топологической поле онтологического потока времени.

...

Впервые о существовании онтологического потока времени в истории философии стал рассуждать Шопенгауэр на мифологическом языке как о злой мировой воле. Понятно, почему эта воля была в его представлении «злой». Ведь расовая память, действуя из глубин высшей человеческой психики из инстинкта смерти, лишает человека надежды на спасение в тепле социальных представлений. Воля обрывает активность действия влечений, в которых человек узнает знакомый ему мир в неподвижности схем поверхностного рассудка, ощущая себя исключительно в настоящий момент времени. Так, неподвижность настоящего момента времени в качестве устойчивости представлений о мире дает возможность почувствовать себя очень уверенно в жизни, полагая, что этот настоящий момент времени будет длиться вечно. Собственно, вся современная массовая культура построена на представлении об исключительности настоящего момента времени, который бесконечно растянут в историческое прошлое, а прошлое мыслится в этой системе низших ценностей исключительно как история материи. Разуму и духу в этой низшей системе ценностей места нет, поскольку тотальная власть представлений исключительно о материальном мире предполагает, что материя вечна, когда сами представления не могут подвергаться сомнению. В первую очередь,

конечно, не может подвергаться сомнению известная система представлений о происхождении человека и Вселенной, построенная на данных эмпирической науки. Именно современная эмпирическая наука стала сакральным истуканом массовой культуры, когда любая мысль должна обосновываться непосредственным чувственным опытом человека. Однако понятно, что метафизическая объективность не может обосновываться эмпирически, поскольку человеческий опыт ограничен временем индивидуальной жизни человека или опытом социальной культуры.

Если мы поставим вопрос: а на что опирался человек в своем опыте высших ценностей, то поймем, что речь должна идти о феномене искусства как выражения опыта его расовой памяти. Ведь науки в отдаленные исторические времена не существовало, тогда как искусство демонстрировало свою полноценность во все исторические времена. Даже в первобытном искусстве мы находим эту пластику топологического ощущения онтологического потока времени. Впрочем, у нас вызывает большие сомнения вся современная система представлений о событиях мировой истории человечества, где имеет место ее линейная последовательность развития торжественного шествия научно-технического прогресса.

Не сложно заметить, что современная архитектура мировых мегаполисов все больше становится топологически-фрактальной, то есть мировая цивилизация, несмотря на почти тотальное доминирование в ней мифологических представлений о мире, отображает срез онтологического потока времени в непосредственной жизни человека. В этом смысле, отметим лишь архитектурные идеи Заха Хадид. Другое дело, что если архитектура больших мегаполисов демонстрирует стремление мировой цивилизации в историческое будущее, то массовая культура всеми доступными средствами этому препятствует, то есть создает инерцию распада стереотипов представлений человека о мире. Но так было в мировой истории всегда. Например, если архитектура Темных Веков Западной Европы устремлялась в будущее величием своих храмов, то настоящее человеческих нравов определялось мрачностью нулевых рациональных коммуникаций, когда цивилизация практически отсутствовала, хотя варварская культура и бурлила

вокруг. То, что мы находим в современной архитектуре мировых мегаполисов — это топологический конструктивизм, который характеризует формирование фрактальных элементов будущего новой модели мировой цивилизации.

Отметим один из основных признаков психологического воздействия полноценного искусства на человека: оно, в первую очередь, воздействует на его волю, а не на влечения, поскольку воля всегда действует в метафизическом ощущении действительности, где настоящее время является бесконечно-тонкой границей между прошлым и будущим. В действии же влечения, которое необходимо привязано к непосредственной чувственной реальности, существует только настоящее время — это именно реальность математических фракталов, то есть объективность мира, отображающая границу конечного представления и действия разумного понимания. Поэтому Платон и учил, что существование идеального мира отображает максимальную меру единства художественной власти демиурга над миром, который производит мир в соответствие с течением онтологического потока времени, то есть, субъективно, разрывает власть влечений над человеческой душой за счет активного действия воли. По-видимому, для активизации импульса воли, в отличие от монотонного действия влечений, необходимо то, что возвышает человеческую душу до знания идеального мира, что психологически влечет за собой очищение от бессознательных влечений. Понятно, что речь здесь не идет о пружине социального сублимирования влечений, поскольку под воздействием сублимирования сознание все равно остается под властью двух низших познавательных способностей человека: непосредственного чувственного восприятия и рассудка. И если рассудок производит примитивные схемы современной науки, то он совершенно не способен постигнуть метафизический мир, в котором физические законы отображаются от законов метафизических. Так, если великие ученые, подобные Tesla, разговаривали с физическими стихиями как с метафизическими силами, то есть как с живыми существами, то между современным поверхностным рассудком ученого и физическим миром существует активность компьютера, то есть машины, которая способна воспринимать только природу символов, прилагаемых исключительно к физи-

ческой материи. Что стоит за этой материей, понятно, компьютер «вычислить» не может, поскольку компьютер — изобретение исключительно человеческого рассудка.

Мы, в частности, должны ответить на вопрос: почему влечение к чему-то влечет, а воля — действует, но не влечет? Ответ лежит, на первый взгляд, на поверхности: потому что импульс воли возникает, действует и гаснет в метафизическом пространстве, тогда как влечение возникает в физиологическом существе человека и способно раскрываться только в физическом мире объектов. Ведь вытесненная подсознательная биологическая энергия все равно остается лишь биологической энергией, тогда как импульс воли возникает из небиологического (инстинкт смерти) начала и в нем же исчезает. В классической философии это называлось «духовным» началом человеческой души. Но поскольку в современном массовом обществе все, что связано с понятием «философия» заменено суррогатом мысли для слабоумных людей, то и вопрос понимания природы духа в массовой культуре решен — его существо отнесено к мифологии религиозных человеческих представлений. Однако мы исходим из того, что именно современное массовое общество тотально построено на мифологии представлений, которые лишены разумного обоснования в метафизическом начале бытия. Наука стала тем массовым фетишем современных низших ценностей массовой цивилизации, который вытеснил всякую элементарную альтернативу понимания мира вне его эмпирической природы.

***

Если оценить современную массовую псевдоцивилизацию с точки зрения меры реализации в ней политической перспективы объективного разума, то есть стратегической основы развития будущего мировой цивилизации между людьми, то она равна нулю. Другими словами, рациональные коммуникации между людьми отсутствуют полностью, тогда как неразумный человек, чье сознание определяется мифологическими конструкциями представлений, активен в среде этих иррациональных коммуникаций максимально. Такого рода аномалия внутренних процессов мировой цивилизации, когда в ней начинают тотально

доминировать иррациональные представления о мире, обусловлена сворачиванием ее одной модели и отсутствия начала активного действия новой модели развития. Впрочем, чтобы осознать меру аномального состояния мировой цивилизации с точки зрения объективного исторического разума, необходимо разумом обладать. То есть необходимо быть свободным от влияния всего того многообразия мусора мифологических представлений, которыми живет массовое сознание, нужно быть свободным от того чувства «свободы», которое культивируется в массовом обществе, которое есть ничто иное, как культивирование слабоумия человека, лишенного разума.

Искусство, если это великое искусство, показывает, что человек открыт для познания мира в ускользящей глубине онтологического потока времени. Ведь психологической особенностью великого искусства является то, что оно полностью владеет глубинами подсознания человека, выявляя в нем присутствие метафизического начала бытия. В этом смысле, различного рода логические конструкции мышления будут всегда вторичны перед полнотой этого производящего начала, поскольку возможности человеческого рассудка ограничены возможностью его конечных представлений. Поэтому любая рациональная модель мировой цивилизации, отработав свой исторический период, неизбежно превращается в мусор разрозненных и хаотических элементов, чья целостность в восприятии человека сохраняется только за счет единства его мифологических представлений. Но длительное время разум человека не может пребывать в отсутствии своего влияния на человеческую жизнь, и поэтому неизбежность разрушения очередных мифологических представлений обусловлена самой структурой существования метафизических фракталов: заставлять человека проявлять свою волю в жизни, а не прозябать как биологическое существо, хотя и в высшей степени с любознательным рассудком. Можно сказать, что в мировой истории наступают времена, когда человек не выносит глубины разрушительного воздействия метафизического начала, которое указывает ему на разумную картину мира, и тогда он возвращается к своему животному существу, которое спасительно в том смысле, что животное не обладает волей.

Глава 3. Социально-уровнительный принцип культуры и иерархический принцип цивилизации

Чтобы понять, чем является разумный человек не в отлаженной системе иррациональных социальных представлений массового общества, а как мыслящий субъект мировой истории, мы должны разобраться с пониманием сущности культуры и цивилизации в мировой истории. Для нас главным критерием отличия пространства процессов цивилизации от пространства ценностей культуры является отсутствие во втором случае влияния на мышление человека различных мифологических представлений. Ведь, когда человек верит — он неизбежно стремится спастись, то есть ищет такие представления для своей жизни, в которой бы неизбежность смерти не была столь очевидной. Именно так появляются любые типы культуры, в том числе и религиозные представления людей, и современная материалистическая система мифов.

Если человек обладает разумом, то есть не потерял способность к анализу процессов цивилизации, то легко заметит, что все пространство современных масс-медиа насквозь строится на основе мифологических представлений. Причем мифология этих представлений действуют тоталитарным методом агрессивного воздействия своей информации, не давая возможности человеку остаться наедине с самим собой, требуя от него постоянного присутствия в своих иррациональных событиях. Главным и, можно сказать, кардинальным различием между культурой и цивилизацией является социальный принцип, в первом случае, и элитарно-кастовый принцип, во втором. С метафизической же точки зрения, со стороны культуры мы имеем в той или иной степени процесс вытеснения животных влечений человека, который формирует определенную социальную традицию представлений о ценностях. Со стороны цивилизации — волю к власти, то есть процесс действия человека на основании его подсознательной расовой памяти, которая требует его постоянно возвращаться к метафизическому началу бытия. Таким образом, мы имеем две кардинально различные системы ценностей. Однако

в тот момент, когда опасные рубежи, достигнутые цивилизацией усваиваются большинством людей, авангард разумных ценностей цивилизации уходит далеко вперед. На различие этих систем ценностей, присутствующих в душе каждого человека, впервые, с философской точки зрения, обратил внимание Платон, назвав один мир — миром материи, а второй мир — миром идей. Ведь ценность — это и есть фрактальная структура взаимоотношений подобия отдельных элементов и целого, математического или метафизического содержания, с которой имеет дело сознание человека. Причем, если эта ценность материального мира, то речь идет о математических фракталах, а если о мире идеальном, то имеет место действительность метафизических фракталов онтологического потока времени.

Если мы поставим себе задачу ответить на вопрос: а в чем в наше историческое время присутствует элитарный, то авангардно разумный принцип развития мировой цивилизации, то не обнаружим его в известных планах массовой псевдоцивилизации на будущее. Наука — это фетиш современной массовой культуры, стала лишь постоянной гонимой за новыми технологиями, то есть превратилась в примитивный инструмент по обслуживанию экономически-социальных проблем псевдоцивилизации. Но экономически-социальное — это не проявление исторического разума, а проявление поверхностного человеческого рассудка, реагирующего лишь на проблемы настоящего момента времени. Таким образом, если мы исключим тоталитарное воздействие иррационального потока информации СМИ на сознание человека, то какой-либо разумной взаимосвязи между людьми не обнаружим. Это до начала второй половины XX века рациональная взаимосвязь между людьми теплилась в научной среде. Но к началу XXI века она практически исчезла, уступив место болтовне многочисленных поверхностных интеллектуалов, в среде которых появились свои критерии «великого» ученого. Так, даже если понизить качество ценностей до самого примитивного уровня, все равно в них появляется собственная иерархия, которая регулирует мнимую значимость человека в этой низшей системе ценностей. И если до начала второй половины XX века сложно было представить себе полудикого человека с ученой степенью в научной среде,

то в наше время этот процесс приобрел массовый характер именно потому, что в этой среде практически исчез разум. Она стала напоминать среду поздних схоластов Средневековья, в которой многочисленные фантазии на библейские темы имеют фрактальное подобие современным темам ученых, работающих над новыми технологиями, но не над идеями фундаментальной науки. Поэтому все эти многочисленные мировые научные симпозиумы стали напоминать деревенские посиделки женщин, занимающихся разного рода сплетнями о своей провинциальной жизни. Другими словами, мы утверждаем, что в современной научной среде практически исчезло разумное понимание природы в силу того, что массовый социум формирует такой тип ученого, в котором недопустимо присутствие разумного отношения к миру. Собственно, это следствие катастрофического исчезновения рациональных коммуникаций между людьми. Ведь еще столетие назад тип ученого формировался полноценной человеческой психикой, в которой разумные движения доминировали, тогда как в наше историческое время, этот полноценный тип ученого исчез, уступив место болтливому существу, скользящему по поверхности исследуемых явлений. В результате, полноценный тип ученого, обладающий разумом, оказался в полной изоляции как в Темные Века, с той лишь разницей, что если в Темные Века наука было практически никому не нужна, то в наше историческое время, в результате тотальной коммерциализации научной деятельности, научная мысль не предполагает в своей среде бескорыстного отношения к познанию, на котором всегда строились великие открытия в науке. Ведь если человек стремится получить только какую-то экономическую выгоду от своей научной деятельности, разве он способен на что-то великое в науке? Как раз, наоборот, там, где есть какая-то исключительно коммерческая выгода, заранее следует ожидать очень скромные научные достижения, которые могут иметь только прикладной характер, связанный с научными технологиями, а не с фундаментальным научным знанием. Поэтому, размышляя над судьбой научной среды и, в целом, научной мысли, мы приходим к выводу, что именно массовый социум практически убил в наше историческое время науку, оставив ее жалкое подобие в качестве специфической «служанки»

для своих социально-экономических интересов. Но за счет чего существовала научная среда еще век назад? — мы полагаем, что за счет элитарного характера научной среды как одного из центра производства рациональных коммуникаций мировой цивилизации.

Анализируя принципиальное отличие процессов развития цивилизации от процессов развития социума, мы замечаем, что в первом случае, мы имеем дело с патриархальной психологией человека, а во втором случае, с психологией матриархальной. Именно здесь проявляется та фальсификация патриархальной психологии человека, которая началась с европейской эпохи Просвещения, в которой патриархальное стало ассоциироваться с чем-то исключительно технологически отсталым, интеллектуально неразвитым и дремучим. В действительности же, патриархальное начало человеческой души непосредственно взаимосвязано с импульсами воли человека, тогда как матриархальное начало — с его подсознательными влечениями. Поэтому, когда машинная культура начала бурно развиваться в мировой цивилизации, различия между влечениями и волей постепенно стирались, поскольку волевое стало ассоциироваться с мощностью создаваемых механизмов. Другими словами, машинная культура постепенно подменила в массовом сознании существо воли человека, когда волевое усилие стало представляться как мера мощности того или иного механизма. В результате, непосредственный риск, необходимый для действия метафизического импульса воли, практически был ликвидирован именно после второй мировой войны, то есть в момент резкого и крайне интенсивного роста увеличения присутствия различного разнообразия машин в непосредственной жизни человека. А вместе с исчезновением активности метафизических импульсов воли исчезли признаки активности рациональных коммуникаций, то есть, вообще говоря, признаки существования цивилизации, когда под цивилизацией стало пониматься мера комфорта и бытовой устроенности человеческой жизни. Понятно, что мера комфорта и благоустроенности человеческой жизни — это сфера человеческих влечений, то есть сфера культуры, а не мера развития цивилизации, предполагающей постоян-

ный риск в авангардном усилии познания новых и наиболее опасных рубежей бытия.

Размышляя над противопоставлением существа культуры и цивилизации, мы именно у Шпенглера обнаруживаем основную ошибку в их понимании, связанную с позицией рассудка, который опирается исключительно на представления. Эта ошибка состоит в том, что для рассудка сфера высшей культуры представляется как продукт веры, хотя в действительности высшие ценности создаются за пределами какой-то веры. Высшие ценности — огонь великого открытия, которое освещает жизнь откровением пережитой волей опасности, то есть это именно воля к власти, которая разрывает монотонный ритм течения влечений. Можно сказать, что воля к власти — это максимально дискретная величина для представления, или фрактальная структура, которая выявляется в момент познания рациональной природы мира. С объективно рациональной точки зрения, это власть разума над непосредственным образом жизни человека, когда сознание имеет дело не со спасительным теплом известных ценностей культуры, а с заложением рациональных коммуникаций в небытие новизны переживания этого откровения. Собственно, это тот огонь, который и сейчас горит в великих произведениях искусства и архитектуры, демонстрируя взаимосвязь с историческим прошлым. Он и есть то единственное, что оправдывает жизнь современного человека в новых Темных Веках нашего исторического времени, где элементарная взаимосвязь между разумными людьми отсутствует и где почти тотально существует власть иррациональных представлений. Вал разнообразного мусора этих мифологических представлений буквально заваливает массовое сознание человека с утра до вечера, вследствие чего это иррациональное массовое общество и получило название «информационное». Можно сказать, что этот интенсивный поток информации поддерживает в состоянии легкого идиотизма сознание массового человека, поскольку поверхностная мысль рассудка вынуждена постоянно его анализировать, классифицируя этот мусор в соответствие с его содержанием. Вообще, рассматривая существование современной поверхностной мысли, практически полностью находящейся под влиянием мусора низших ценно-

стей массовой культуры, мы обнаруживаем, что эта система низших ценностей практически присвоила себе право рассуждать от имени цивилизации. При этом неразумный образ жизни человека получил даже своего рода внутреннюю «иерархию», когда стал классифицироваться по «качеству» жизни. Под «качеством» в этой системе низших ценностей понимается мера комфорта и удовольствий, которые может позволить себе обеспеченный человек. И все эти детские безделушки массовой псевдоцивилизации, которые могут вдохновить психологию неразумного человека: различные путешествия, комфортный отдых, разнообразные развлечения — суть «награда» за его бессмысленную суету во мраке Темных Веков, которая, впрочем, кажется человеческому существу, лишенному разума, чем-то очень содержательным. Матриархальный культ жизни, в которой человек ничем не рискует, а только играет в жизнь, и есть социальный принцип его массового образа мыслей, который существует во все исторические времена.

Специфическая «иерархия», которая сложилась в современной массовой псевдоцивилизации, на вершину этой пирамиды социальной жизни ставит поверхностного интеллектуала, который умеет использовать свой интеллектуальный труд, получая от этого прибыль. Понятно, что это, по большому счету, неразумное существо создает вокруг себя тотальное пространство низших ценностей, чтобы выстраивать иерархию массового общества в соответствии с деятельностью примитивного рассудка. Понятно также, что это человеческое существо полностью социально, не имея почти никакого отношения к государственной психологии человека, не имея какой-то индивидуальности, имеющей отношение к разуму, поскольку государство — это разум в той или иной степени, а значит, хотя бы по минимуму, какой-то национальный приоритет ценностей. Поэтому вся современная политическая власть массового общества выражает собой почти тотально неразумную среду людей, практически не имеющую каких-то национальных признаков, но зато умеющую профессионально торговаться и, где нужно, продавать национальные интересы. В той или иной степени, это относится ко всем народам современной массовой псевдоцивилизации без исключения, в том числе и к России. Все политические институты мас-

совой псевдоцивилизации построены на главном принципе: уметь торговаться, причем этот так называемый «экономический интерес» поверхностный рассудок пытается перенести на события всей мировой истории, в том числе и те, где существовала власть аристократии, «доказывая», что и в аристократической власти главный принцип ценностей был экономический.

***

Особенностью существования современной цивилизации является то, что в ней практически исчезла активность разумной индивидуальности человека, если мы оценим ее внутренние процессы с точки зрения объективного исторического разума. Ясно, что подобная оценка предполагает отрицание известных стереотипов поверхностных представлений, утверждающих, что все разумное необходимо следует из какой-то научной позиции человеческой мысли. В действительности разумного мира все значительно сложнее, когда, как мы можем убедиться по бесконечному количеству примеров из нашей повседневной жизни, поверхностная научная мысль вполне уверенно чувствует себя в современных Темных Веках, являясь основным инструментом для производства примитивных представлений человека о мире. Мы же исходим из того, что вся научно-технологическая основа современной массовой цивилизации — это и есть новейшая мифология исторического разума, подобная той, которая существовала на заре эры монотеистической веры в ветхом библейском завете. Поэтому современное массовое общество мы полагаем обществом неразумных людей, чьи поверхностные представления исключительно цепко взаимосвязаны за счет активной деятельности примитивных рассудочных представлений.

Под цивилизацией мы понимаем существование в определенную историческую эпоху человеческой элиты, то есть среды людей, между которыми существуют какие-то рациональные коммуникации. Понятно, что эти коммуникации должны постоянно изменяться в соответствии с изменением исторической ситуации в мире. Если же отбросить весь хлам предрассудков о линейном развитии исторических событий в современной цивилизации,

то мы обнаруживаем их определенное повторения в мировой истории, которые происходили две тысячи лет назад и даже в более отдаленные времена. Так, мы имеем в этих исторических событиях: нашествие варваров, процесс переселения народов, глубокую деградацию тех народов, которые до недавнего времени находились в эпицентре производства ее рациональных коммуникаций. Чтобы понять это фрактальное подобие исторических событий, необходимо избавиться от тех стереотипов, в которых представляется, что мировой научно-технический прогресс предполагает только разумное развитие внутренних политических событий в мировой цивилизации. Научно-технический прогресс — это не разум, а «шлейф» от его присутствия в историческом прошлом, который стремится закрепить как политически, в качестве старых политических институтов, так и в самом мышлении человека — на уровне его рассудочных представлений, рубежи достигнутого знания, которые постепенно становятся повседневностью человеческой жизни.

Главным критерием существования разумного основания цивилизации, в нашем понимании, является взаимосвязь между разумными людьми, которая всегда определялась какими-то моральными нормами жизни. Но в наше историческое время, когда почти все нормы полноценной психической жизни человека ликвидированы, вопрос о происхождении моральных принципов требует переосмысления с точки зрения его рациональной природы. И если традиционные институты морали, такие как монотеистические религии, демонстрируют патриархальную психологию человека в прошлом, то понятно, что в наше время, где действует тотальное воздействие на человека научно-технического прогресса, должны существовать иные патриархальные нормы жизни. И здесь необходимо отчетливо отделять матриархальный принцип традиции от патриархальной нормы в самой традиции, поскольку традиция складывается как из патриархальных, так и матриархальных инстинктов человека. Можно сказать, что матриархальная составляющая традиции стремится наделить патриархальную норму жизни, которая сложилась в определенный исторический момент времени, сознанием вечного существования. Эта попытка пронизывает все

культы в истории мировой цивилизации. Однако, как мы видим, эти культы и религиозные верования неизбежно исчезают в мировой истории, поскольку постепенно исчерпывается воля, поддерживающая определенный принцип патриархальной психологии человека. Ведь воля человека проистекает из его высших пластов психики, тогда как традиция, лишенная активной волевой позиции, существует только в качестве ограничения его бессознательных животных влечений в системе определенных табу. Табу же складываются в качестве конечных представлений рассудка, которые систематизируются как определенная мифологическая система представлений.

Если мы объективно оценим судьбу веры в разум в истории западноевропейской цивилизации, то обнаружим, что система ее рациональных коммуникаций, которая возникала и развивалась на основании этой веры, в наше время практически исчезла. Политические институты, созданные как непосредственная реакция человека на проникновение и захват его жизни техническим прогрессом, остались, а сама взаимосвязь между разумными людьми, которые должна определять основание цивилизации, полностью оборвалась. Возникла традиция мифологических представлений о том, что научно-технический прогресс является основанием и движущей силой мировой цивилизации, и только он. Подобная мифологическая система фрактально напоминает возникновение новой модели мировой цивилизации в момент формирования монотеистических религий, когда строительство многочисленных христианских храмов в языческом мире, а также возникновение института христианской церкви, постепенно ликвидировало рациональные коммуникации античного мира. Именно тогда возникло представление, что мир создал единый бог. В результате, эти величественные храмы оказались освещенными тусклым светом Темных Веков исторического безвременья. Греки и римляне исчезли, как носители рациональных коммуникаций древнего мира, а варвары еще не были способны наладить между собой какую-то разумную взаимосвязь, находясь во власти мифологических представлений о реальности. Приблизительно аналогичная ситуация существует и в наши дни, когда, с одной стороны, западные европейцы, способные

рационально мыслить, то есть утверждать волю к власти, как носители разумного мира, исчезли из цивилизации, а варвары окружающего мира не могут предложить альтернативы развития мировой цивилизации в силу отсутствия в их сознании какой-то разумной основы ее понимания. Мы же этой альтернативой обладаем, и исходим именно из ее существования. Другое дело, что с позиции этой альтернативы можно ощущать вокруг себя тотальный мрак новых Темных Веков мировой истории, однако так всегда начинают свое формирование различные принципиально новые модели развития мировой цивилизации.

***

С точки зрения объективного исторического разума, все события мировой истории повторяются, но повторяются в принципиально новом фрактальном рисунке, когда по отдельным его элементам можно понять существо присутствия онтологического потока времени в непосредственной жизни человека. Другое дело, что подобные исторические события называются по-разному в различные исторические времена в силу мощнейшего воздействия на сознание человека стереотипов мифологических представлений своей исторической эпохи. Так, если социальная культура всегда имеет массовый характер, то элитаризм развития мировой цивилизации, наоборот, предполагает, что в ней существует мыслящая элита людей, имеющая какой-то стратегический план ее развития. Но именно этой мыслящей человеческой элиты, обладающей разумом, мы и не обнаруживаем в современной массовой цивилизации нигде. То, что предлагается властимущими в массовой псевдоцивилизации, где отчетливо прослеживается доминирование либеральных ценностей: развитие научно-технического прогресса и экономической целесообразности, — все это новейшая мифология, которая сложилась как жесткая и, можно сказать, тотальная система представлений поверхностного рассудка. Ближайшим фрактальным аналогом этой тотальной мифологической системы представлений является мифология религиозных представлений Средневековья, в которой также существовали незыблемые постулаты о происхождении мира и человека. Понятно, что и современная тоталитарно-

рассудочная система материалистических представлений о происхождении мира и человека неизбежно исчезнет во времени, получив оценку в качестве мифологической системы человеческих предрассудков, препятствующих историческому пути развития мировой цивилизации. Однако так будет в будущем, а в наше время она почти тотально доминирует, зачищая, где только возможно даже ничтожно малые попытки своей альтернативы. Мы же, мыслящие люди, должны понимать истину происходящего уже сейчас, поскольку таково предназначение объективного исторического разума: оценивать исторические события не из системы мифологических представлений своего времени, а из уровня развития рациональных коммуникаций своей исторической эпохи.

Размышляя над системой градации исторических эпох с позиции объективного разума, получившей свое развитие в исторической концепции Гегеля, под «Темными веками» мы понимаем практически нулевой уровень рациональных коммуникаций между людьми. Понятно, что эпоха Темных Веков не распространяется на судьбу всех народов цивилизации одновременно, поскольку время течет не линейно, а фрактальными топологическими «ветвями». Так, например, если западные европейцы существуют в Темных Веках первого тысячелетия от Р.Х., то ничтожно малые признаки наличия цивилизации присутствуют в истории Византийской империи, где ее буферная модель демонстрирует власть поверхностного рассудка в социальной системе оборвавшегося ритма исторического времени. Фрактальный аналог политической модели византийской цивилизации мы находим в современной политической жизни США, где тусклый свет поверхностного рассудка освещает мифологию представлений массового общества как иллюзию наличия стратегии развития мировой цивилизации. Однако всем разумным людям понятно, что стратегии этой уже не существует, тогда как в других странах, в силу отсутствия какой-то самостоятельной разумной позиции, мы не обнаруживаем ничего, кроме подражания этой модели. Разговоры же о своей самобытности, которые, например, ведутся в России, где говорится об особенном пути развития цивилизации с точки зрения православной религии или чего-то еще, не выдерживает

никакой критики. Религия и разум — это два различных полюса жизни, ибо разумное начало человеческой жизни всегда указывает на авангардные позиции стратегического развития мировой цивилизации, а не на ее традиционные основы. Но главное же, если говорить о российской реальности, — это то, что лежит на поверхности ее социальной реальности: в основном, полудикие человеческие лица, на которых стерты все признаки благородства человеческой души. Так, можно создать тоталитарную систему мифологических представлений о реальности в массовом обществе, в котором отсутствует разум, называя черное — белым, но нельзя обмануть историческое время, которое безжалостно оценивает человеческую жизнь на суде мировой истории. Таким образом, если рассуждать о существовании российской модели цивилизации, то необходимо полагать, что она существует, но в самом зачаточном состоянии, и нам необходимо ответить: какова сущность этого зачаточного состояния?

Анализируя начало становления какой-то рациональной модели развития мировой цивилизации, мы полагаем, что должна существовать политическая система, которая вырывает человеческую душу из состояния дикости, в которой она пребывает в период Темных Веков. Ведь поверхностный интеллект, какую-то бы культуру он не создавал, все равно остается во власти мифологических представлений о реальности, то есть такого образа жизни человека, который лишен его разумного содержания. В нашем понимании, основная функция мировой цивилизации, за счет которой, собственно, она и существует, — это производство высших ценностей, то есть такой метафизики фрактального пространства, в котором присутствует все величие метафизического начала бытия. Именно в этой системе производства и проявляется наивысшая мера разумного существа человеческой жизни, то есть в великих произведениях искусства исторической эпохи, где доминирует власть аристократии. И здесь необходимо избавиться от одного из мифов нашего времени, который многократно размножил поверхностный рассудок, в частности, марксистская теория, о том, что аристократия «малопроизводительна», с точки зрения материального производства. Задача аристократии во все времена состояла в том, чтобы

производить метафизическую границу между людьми, то есть основу рациональных коммуникаций мировой цивилизации, в которой отображалась ее рациональная модель развития. Ведь только при условии существования этой границы возможно полноценное функционирование внутренних процессов цивилизации. Понятно, что, исторически, эта метафизическая граница отождествлялась с существованием высшего начала мира, то есть с необходимостью присутствия в ней божественного начала. Но в том и состоит современная позиция субъективного разума, которая была открыта Ницше, выражаясь в известной идее о «смерти бога», утверждающей, что в наше историческое время этой метафизической границы уже не существует. Это не примитивное богоборчество, которое бессмысленно, а потому неразумно, чем, в основном, занималась поверхностная русская интеллигенция, а свершившийся исторический факт исчезновения основы рациональных коммуникаций в мировой цивилизации, то есть исчезновения метафизической границы между людьми, которая ассоциировалась с существованием бога.

То, что мы должны необходимо предположить, осознавая, что окружающий нас материальный мир имеет фрактальную природу, это то, что современное сознание человека, практически полностью сформированное механически-эмпирическим восприятием природных явлений, существует во власти мифологических представлений об окружающей его реальности. Насколько природный мир, существующий во фрактальных связях, кардинально иной, чем мир, осознаваемый в механических представлениях, оценить в наше историческое время сложно. Однако уже сейчас можно сказать, что перелом в восприятии единой картины мира от механического восприятия — к фрактальному восприятию, является неизмеримо более существенным, чем, например, перелом от сознания средневекового сознания, обусловленного представлениями библейского откровения о происхождении мира и человека — к его научному пониманию в наше историческое время. Ведь фрактал — это максимально дискретная конструкция в восприятии природы материи, в которой единство материи обеспечивается не за счет механических связей, а за счет бесконечного подобия внутренней структуры

самой себе. Субъективно, восприятие указывает на «вечное возвращение» определенного рисунка архитектоники бытия, то есть на бесконечный повтор отдельных структур фрактала в определенном срезе любого явления. Однако, объективно, разум оперирует максимальной целостностью среза явления как мгновения онтологического потока времени. Собственно, отдельное мгновение онтологического потока времени и есть реальность сознания восприятия материального мира, который выхватывается воображением в качестве среза фрактальной картины целого. Идея же, в отличие от непосредственного чувственного восприятия, которое ограничено определенным фрактальным рисунком воображения, способна обладать внутренней структурой этого фрактального среза, то есть проникать в область метафизики существующего мира.

***

В понимании любой массовой социальной реальности, в историческом прошлом или в наше историческое время, мы должны понимать, что она является мифологической сферой представлений. Фактически, существо мифа — это то, что было когда-то разумным, но в силу исчезновения из этой реальности онтологического потока времени, стало лишь спасительной для человеческой души областью матриархальной культуры, которая спасает человека от необходимости быть разумным существом, обладающим волей. Миф, вообще говоря, является областью представлений человека, которые взаимосвязаны с его подсознательными влечениями, то есть с такими импульсами психики, которые не требуют действия его индивидуальной воли. Социально сублимированные влечения исключают проявление полноценной человеческой индивидуальности, в которой активен разум, ограничивая действия человека знакомыми стереотипами поведения, где его действия и цели всегда предсказуемы. Поэтому авангардные исторические политические силы мировой цивилизации всегда разрушают отжившие свой век социальные связи. Другое дело, что новая модель цивилизации, первоначально, обозначает свое присутствие в активности разного рода орд варваров, которые уничтожают эти прогнившие социальные связи. Так происходило с моделью развития мировой цивилизации

древнего и античного мира, и аналогичные процессы происходят в современной западноевропейской цивилизации. Собственно, в классическом понимании этого слова, варварство является отсутствием разумных коммуникаций между людьми, когда вместо какого-то разумного понимания о происхождении человека и мира действуют разного рода мифологические представления.

Былобы наивно полагать, что в современной цивилизации варварство существует, например, только на постсоветском пространстве, где иррациональные гуманитарные представления о существующей реальности формируют коммуникации, практически полностью лишённые каких-то признаков разума. В действительности, психология варварства медленно, но неуклонно, формирует основу модели псевдоцивилизации западноевропейского мира в массовой социальной системе, которая полностью отторгает из себя все разумное. Такова логика фрактальных процессов мировой истории, когда реализация определенного рационального проекта, после определенного процесса обживания его в социальном массовом пространстве, становится системой иррационального образа жизни человека. И если российская историческая реальность просто не смогла выработать самостоятельных рациональных коммуникаций, поскольку ее модель развития была почти вся подражательной, начиная с реформ Петра I, то западноевропейская модель развития рациональных коммуникаций закончила свое существование в силу сжигания топлива метафизических ресурсов воли, которые необходимы для ее полноценного функционирования. Поэтому можно уверенно утверждать, что разум, как авангардная сила мировой цивилизации, отсутствует в современном политическом мире везде, зато в полной мере везде в массовом обществе присутствует разнообразие мифологических представлений о реальности. Понятно, что, в первую очередь, современная массовая псевдоцивилизация строится на мифологии представлений о единственности существования материального мира. Реальность метафизического мира, с точки зрения этой системы мифологических представлений, объявлена «не существующей», а если и заходит речь о метафизике, то она механически относится к области религиозных представлений.

Размышляя над основанием цивилизации в мировой истории, мы должны понимать, что в ее процессах разум всегда противостоит поверхностному рассудку, как аналогичным образом государственные институты противостоят социально-массовым институтам. Можно также полагать, что речь идет о противопоставлении воли человека — его влечениям. Именно в вопросе рационального основания государственности мы должны искать те политические структуры, которые формируют начальную модель мировой цивилизации в момент ее исторического появления.

***

Необходимо осознавать, что метафизический мир всегда противостоит мифологическим представлениям обыденного рассудка, если мы исходим из авангардных позиций развития стратегии мировой цивилизации. Ведь метафизика, в отличие от мифологии, не спасает человека от подсознательного воздействия инстинкта смерти, направляя его мышление на глубокомысленные размышления, тогда как поверхностный рассудок всегда движется в пределах известных представлений. В этом смысле, легкомысленная уверенность поверхностного рассудка в правоте своих логических установок проистекает из-за отсутствия соприкосновения с разумным миром, который существует за пределами представлений. Метафизический мир, который ранее ассоциировался с божественным происхождением, в наше историческое время выражается истиной онтологического потока времени, которая определяет высшие ценности человеческой жизни. Но, с точки зрения наличия этих ценностей в современной массовой псевдоцивилизации, следует заметить, что они практически полностью отсутствуют, то есть современная массовая псевдоцивилизация демонстрирует иррациональный образ жизни человека. Причину варваризации массовой псевдоцивилизации по отношению к разуму следует искать в исчерпании воли к власти западноевропейской модели государственности, с ее современным культом социальной жизни и экономической целесообразности. Социум, стремясь к максимальной массовости своей организации, формируется за счет минимизации проявления ин-

дивидуальности человеческой воли, когда ее активность стремится к нулю. Современная массовая информация максимально иррациональна по отношению к объективному разуму, обрушиваясь валом своего потока на сознание, который производит поверхностный интеллект в системе представлений о реальности. Все эти «помои» низкокачественной, с точки зрения разумного содержания, информации, призваны «промыть» мозги массового сознания. Рост интенсивности производства этой иррациональной информации, лишаящей человека элементарной способности рационального мышления, направлен на усиление интенсивности бесконечной болтовни, которую ведут представители массовой культуры в политической и социальной жизни псевдоцивилизации.

Противопоставляя ценности культуры и цивилизации, мы указываем на то, что культура всегда стремится упрощать элементы знания, чтобы они были доступны наибольшему числу людей, тогда как цивилизация, наоборот, создает необходимую границу между людьми за счет авангарда рационального знания, показывающего отдаленные горизонты ее исторического будущего. Но авангардные знания требуют необходимости существования метафизической границы между людьми, которая допускает к авангардному знанию только наиболее полноценную природу людей, разум которых способен относиться критически к мифологии представлений окружающей его социальной среды. В этом смысле, миф, как спасительное для матриархальной психологии человека система представлений рассудка, есть, сохраняющее историческое прошлое, свойство человеческой памяти блокировать возможность действия разума, ограничивая его исключительно деятельностью социального рассудка.

II. ОСНОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИИ — ЛИГАРИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Глава 4. Существование цивилизации — это мера устойчивости рациональных коммуникаций между людьми

То, что мы наблюдаем в современном массовом социальном пространстве,— это полное отсутствие какой-то взаимосвязи между разумными людьми. И если до недавнего времени, по крайней мере, до конца второй мировой войны, функции элитарного существования авангарда мировой цивилизации выполняли великие ученые, то в последние десятилетия произошел тотальный обвал присутствия разумных людей в научной среде. Разумные люди оказались изгоями в ней, поскольку научно-технический прогресс из внутренней пружины мировой цивилизации, указывающей на стратегию ее будущего развития, стал обыденной мифологией реальности.

***

Размышляя над основополагающей связью разумных процессов внутри цивилизации, мы обнаруживаем такую ее политическую структуру, которая поддерживает систему рациональных коммуникаций на определенном этапе ее развития в качестве метафизической границы между людьми. Эту структуру мы называем «лигаристический союз». На существование подобной структуры в истории мировой цивилизации впервые обратил внимание О. Шпенглер, классифицируя ее как опорную для

производства и поддержания высших ценностей. Речь идет о таких союзах, как, например, спартанские союзы или рыцарские ордена, которые указывают на определенный путь развития греческой и западноевропейской модели мировой цивилизации. Характерная черта этих союзов — их чисто мужская организация и кастовый принцип, который выражает специфику глобального переосмысления сущности взаимоотношений духа и материи в сознании человека на определенном историческом пути развития цивилизации. Причины чисто мужской организации следует искать в периодическом возвращении нравов людей в мировой истории к психологии матриархата, которую мы наблюдаем и в наши дни. Этот фрактальный возврат назад, к повторению в новом рисунке исторических событий знакомых поведенческих принципов человека, следует искать в неизбежном «сжигании» энергии метафизического импульса воли в эпицентре развития мировой цивилизации, который происходит в результате длительного производства высших ценностей. Именно подобный процесс происходил внутри западноевропейской цивилизации, когда производство высших ценностей полностью остановилось в XX веке. А вместе с остановкой процесса производства высших ценностей исчезло и ощущение мировой истории, поскольку исторический процесс мировой цивилизации выражает в ней импульс производства высших ценностей. Отсчет же времени математически, на основе которого функционируют современные процессы массовой псевдоцивилизации, демонстрирует лишь факт умения человека считать, то есть иметь определенные представления о мере непосредственной чувственной реальности, но никак не доказывает наличие активности разумной воли человека в наше историческое время.

Основная проблема исторической российской действительности, начиная с 17-го года, состоит в том, что в ней мы не обнаруживаем элементарного присутствия воли разумной индивидуальности человека, когда все действия и поступки людей совершаются, в лучшем случае, из побудительных принципов поверхностного рассудка. С точки зрения объективного исторического разума, движения большевистских орд в России с 17-го отбросили ее в состояние Темных Веков, где все признаки причастности к ми-

ровой цивилизации исчезли. Культуры здесь в это время было «много», как, впрочем, и в наше время. Более того, сама идеологическая система советской власти требовала человека быть «культурным», то есть выражать активность абстрактного рассудка на фоне геноцида над элитой нации. Фанатизм этой культуры состоял в причастности к перманентному течению «революции», то есть к ликвидации всех признаков расового существа человека как существа разумного. При этом научно-технический прогресс стал новым «богом» варварских масс людей, лишенных разума, но крайне энергичных за счет «освобождения» из-под влияния норм патриархальной жизни, то есть за счет освобождения от самой причастности к историческому разуму. Аналогично протекали исторические события в Темных Веках Западной Европы, где варварские массы людей, освободившиеся из-под влияния патриархальной жизни языческой веры, с энтузиазмом восприняли новую веру в единого бога. То, что, первоначально, единый бог воспринимался в качестве веры в свою животную сущность души, которая освобождалась из-под гнета многовековой модели античной цивилизации, когда после ее исчезновения везде наступал хаос после распада рациональных коммуникаций, варварский ум не постигал, поскольку новая вера целиком и полностью владела животным существом этих варварских масс людей. Собственно, именно с грубой жажды жизни варварской души и беспомощных агрессивных инстинктов рабов, освободившихся из-под влияния патриархальной нормы жизни, и начинается активность новой истории мировой цивилизации, которая разворачивалась весь XX век и продолжает разворачиваться на наших глазах. Большевицкие орды, разрушившие русское государство в 17-м году, и были тем смещением варварских масс людей, «элитой» которой выступал примитивный поверхностный рассудок, бесконечно далекий от понимания разумного существа явлений. К сожалению, этот примитивный рассудок, производящий мифологические представления об исторической реальности, и сейчас тотально доминирует в российской действительности. Понятно, кто были эти рабы: внуки крепостных крестьян России и легкомысленная неразумная интеллигенция, в основном, либеральная, которая, в принципе, также была на уровне

подсознания — рабской, поскольку только разумный человек может быть свободным. В результате, в России была практически тотально ликвидирована именно национальная элита во всех ее сословиях, а ее место занял тот тип Шарикова из известного произведения Булгакова, который способен только производить и потреблять низшие ценности.

Если проанализировать события после 91-го года, то несложно заметить, что известная порода Шариковых вновь активизировалась в России, но на этот раз на идеологической волне «возрождения» России. Понятно, что у России нет иного пути, кроме как возрождения, но вопрос: возрождения чего, и кто «возрождает»? Так, расовый слой человека, на котором держались основы религиозной жизни до нашествия большевистской орды, практически полностью ликвидирован в наше время, поэтому в этой моральной клоаке, которая существовала здесь с 17-го года, мог полноценно себя чувствовать только человек крайне неполноценный. Он и оказался в авангарде процесса «возрождения» России. Это и есть ситуация новых Темных Веков, основная черта которых — почти полная утрата человеком разума. Мы имеем дело с тотально мифологическим пространством представлений массового сознания, где разумная воля, как проявление разумной индивидуальности человека, отсутствует. С другой стороны, мы находим контуры новой модели мировой цивилизации, а именно в максимальной концентрации способностей рассудка на точных науках, поскольку, как известно, вера в разум возникла в западноевропейской истории, опираясь на научное знание. Аналогичная ситуация существовала и в Темные Века Западной Европы, когда старый расовый слой языческой аристократии был «срезан» волной новой исторической веры, которая требовала отказаться от основ старого патриархального быта, чтобы строить новую модель цивилизации.

То, что характеризует начало становления новой модели цивилизации, о которой, в частности, идет речь в России, — это крайне низкое качество человека, активного в эпоху Темных Веков. Причины возникновения этого феномена следует искать в невозможности разумного человека участвовать в событиях, которые исключают разум,

по существу. И действительно, именно разумного человека мы не обнаруживаем в активности политической и социальной жизни современной России. И если слабые проблемы разума все-таки существуют в ее истории до 17-го года, где можно с огромным трудом, но все-таки разглядеть, начала разумной индивидуальности, то после 17-го года ее следы исчезают практически полностью. Везде мы обнаруживаем только энергичный массовый «порыв», то есть нерасчлененную племенную силу животных вожделений, очень плохо сублимированную варварской социальной системой. С другой стороны, в силу разрушения патриархальной жизни после 17-го года, варварской ум вынужден лихорадочно вкладывать усилия в новую конструкцию модели цивилизации со стороны возможностей представлений рассудка. И здесь эти результаты впечатляющи. Шквал примитивной социальной болтовни, сопровождающий эту активность животного человеческого существа, создает тотально мифологическую реальность, где отсутствует даже минимальный намек на возможное присутствие разумной меры жизни. Мы видим, что весь этот дикий ужас Темных Веков российской истории длится здесь уже более века.

***

Если оценить состояние российской социально-политической жизни, начиная с 17-го года и заканчивая нашим временем, с точки зрения объективного исторического разума, то мы должны его рассматривать как протекающее исключительно в мифологическом пространстве представлений. Так, до 17-го года жизнь в Российской империи также была почти полностью построена на мифологических представлениях, но это только «почти». Ведь патриархальная норма жизни, хотя и существовала на основе очень наивных ценностей, все-таки сохраняла элементарную адекватность отношений между людьми, то есть существовал ничтожно малый уровень рациональных коммуникаций за счет того минимального огня расового духа, который теплился в человеческой душе. Это то, что Шпенглер определял в своей исторической концепции как «прарасовую» душу. Другое дело, что состояние этой прарасовой души являлось «неподвижным», то есть практически не проявляло

каких-то признаков воли, которые определяют причастность к процессам мировой цивилизации. Можно сказать, что это была периферия мировых процессов цивилизации. То, что произошло после 17-го, с позиции исторического разума, необходимо рассматривать как нашествие большевистской орды, то есть активизации таких анклавов населения Российской империи, которые всегда были чужды системе рациональных коммуникаций. Именно этот наиболее примитивный тип человека и захватил власть в разгромленной Российской империи, отбросив ее в состояние Темных Веков. Понятно, что матриархальная вера в коммунистические ценности создала свой миф о «коллективном разуме», то есть выдавала племенной инстинкт большевистской орды за «разум». Впрочем, очевидно, что подобный взгляд на процессы мировой истории возможен только при условии, что мы разрушаем сложившуюся систему представлений о тождестве научно-технического прогресса и исторического разума, полагая ее мифологией современной массовой псевдоцивилизации.

Историческая позиция, из которой мы исходим, — это существование «осколков» нации, оставшихся после тотального погрома полноценной человеческой природы на территории бывшей Российской империи. И здесь не стоит обманываться по поводу достижений в науке и технике, которые демонстрировала советская система и, в некоторой степени, демонстрирует современная российская социально-политическая система, особенно, в области военно-технической, поскольку, с объективно рациональной точки зрения мировых исторических процессов, модель новой цивилизации все-таки медленно формируется даже в Темные Века. Другое дело, что Темные Века могут быть преодолены только при одном условии: если в построение новой модели цивилизации будет участвовать не только человек, обладающий поверхностным рассудком, но и разумный человек. Мы замечаем, что, с точки зрения присутствия разумного начала жизни, в России после исчезновения советской власти мало что изменилось. Одна система мифологических представлений, коммунистическая, сменилась новой мифологией, либеральной, а затем — мифологией консервативных ценностей, однако эти представления остаются только мифологическими, то есть

практически не относящимися к системе рациональных коммуникаций. Разума как не было в России с 17 года, так и нет. Здесь очень много «культуры» и, соответственно, культурологии, но практически нет признаков цивилизации, то есть какой-то элементарной взаимосвязи между разумными людьми. Зато неразумный человек в полной мере социально структурирован и довольствуется благами племенного хаоса, когда воровская собственность — это единственное, что определяет энергию социально-экономической активности после 91-го года.

Если мы оценим с позиции объективного исторического разума существование так называемой «социалистической» собственности в СССР, то поймем, что речь идет о зачаточной конструкции лигаристического союза, когда варварская активность большевистских орд неизбежно привела к необходимости существования чего-то элементарно священного в качестве собственности. Так, понятно, что государственное устройство строится на каком-то разумном договоре между людьми, а если этого договора нет, то, по крайней мере, необходима хотя бы метафизическая граница, указывающая на потенциальную возможность этого договора. Вероятно, именно по этой схеме возникали в истории лигаристические союзы на своей ранней стадии, когда невозможность существования разумной индивидуальности в среде племенных инстинктов все-таки намечала эту метафизическую границу между людьми. Впрочем, ориентация на существование этой метафизической границы из советского режима власти перешла в современную российскую политическую реальность, например, в названии одной из главных политических программ СМИ — «Время». Так, мы видим, в мутном иррациональном потоке этого хаоса племенных инстинктов, в этой почти тотальной системе воровской собственности, цементирующее начало нового лигаристического союза как прообраза новой модели развития мировой цивилизации — метафизику производящего онтологического потока времени. Аналогичным образом, и в Темные Века Западной Европы первые признаки рыцарских союзов пытались создать какие-то священные элементы собственности, чтобы показать хотя бы потенциальную возможность присутствия разумной индивидуальности в среде племен-

ного хаоса. Не трудно заметить, что современная попытка российской политической власти создать идеологию консервативных ценностей, преследует задачу — заложить хотя бы минимум патриархальной психологии человека, поскольку тотальная власть иррациональных мифологических представлений, доминирующая в массовом социуме, полностью исключает какую-то рациональную взаимосвязь между людьми. А если что-то разумное между людьми отсутствует, то взаимоотношения между ними, а также их нравы, определяются той моральной клоакой, которая всегда определяет жизнь человека в Темные Века.

Мы полагаем, что единственным выходом для осколков нации, которые чудом уцелели в этом потоке животной жажды варварской жизни, при условии сохранения взаимосвязи с современными достижениями науки — это усилия разумной воли по созданию начальных элементов политической конструкции лигаристического союза. Понятно, что ветхий завет веры в разум — научно-технический прогресс существует только в качестве выживания человека как биологического существа, не относясь к подлинному историческому разуму, поскольку разум имеет метафизическое происхождение. Поэтому становление элементов лигаристического союза должно происходить как проявления импульсов разумной воли по отношению к частной собственности и к другой разумной индивидуальности в качестве объективности, произведенной метафизическим началом бытия, то есть метафизическим потоком времени. Другими словами, между людьми должна существовать метафизическая граница, которая, собственно, и отличает человека от животного. Понятно, что это будет сложно на постсоветском пространстве, где почти вся собственность имеет воровское происхождение и держится за счет причастности к тому или иному племенному клану. Но таковы Темные Века мировой истории, в которых разум почти отсутствует, и его наличие приходится обнаруживать с огромным трудом. Так, в «социалистической собственности», существовавшей на советском пространстве, можно угадать отдаленные признаки существования лигаристического союза, когда варварское сознание начинает понимать, что для простейших элементов цивилизации необходимо присутствие разумной индивидуальности

и собственности, которая досталась честным трудом, а не принадлежностью к какому племенному клану. Так, в частности, появляются определенные символические атрибуты причастности к лигаристическому союзу: белые плащи с крестами на груди рыцарей, например, которые символизируют границу с животным началом человеческой души.

***

То, что мы наблюдаем в современной западноевропейской цивилизации — это исчезновение рациональных коммуникаций, то есть потерю ориентиров в понимании, что такое — исторический разум? Именно отсюда возникает тот вал низкокачественной мифологии ценностей научно-технического прогресса как сомнительного доказательства существования разума. Все эти мифологические заклинания: «наука доказала», «строгий научный подход», «научное знание» и другие, конечно, вполне способны загипнотизировать людей слабых умом, но не они определяют судьбу цивилизации. Для разумных людей, очевидно, что современная научная среда, в целом, утратила свой элитарный подход к знанию, когда в ней могли существовать индивидуумы, обладающие разумом в качестве авангарда развития мировой цивилизации. Мы наблюдаем, что современная наука поставлена на службу той психологии торгашества, которая всегда в истории ассоциировалась с системой низших ценностей. То, что в наши дни эта низшая система ценностей мифологизировалась до каких-то рыночных отношений как основы внутренних процессов массовой псевдоцивилизации, говорит лишь об окончании рационального развития ее западноевропейской модели.

Главная причина, которая определяет момент возникновения лигаристического союза в мировой истории — это отделение некоторой среды людей, которая существует не на основании животных движений души, а на основании разумных импульсов воли. Именно активизация разумных импульсов воли — основная проблема формирования начальных элементов цивилизации в Темные Века. Ведь активность любой племенной организации людей, в частности социально-политической модели жизни на современном постсоветском пространстве, ведущее свое происхождение от нравов большевистской орды, производится

силой животного вождения, которое практически не знает каких-то моральных ограничений. Отсутствие этих ограничений связано с тем, что старый патриархальный быт разрушен, а новый еще не существует, поэтому эта животная потребность жизни пронизывает все социальные сферы человека. В этой тотальной моральной клоаке Темных Веков, целиком и полностью построенной на системе самых примитивных мифологических представлений, только наиболее примитивный от природы человек способен проявлять какую-то активность. Разум не может участвовать во всей этой вакханалии многообразной активности quasi Homo, которая насквозь социальна и «культурна» в том большевистском смысле, который характеризует варвара на пепелище какой-то элементарной патриархальной нормы жизни. В основе этой социальной активности лежит система животных влечений, которые лишены причастности к разумному импульсу воли, однако исключительно «продуктивны» в среде матриархальной психологии человека, обусловленной энергичным стремлением к выживанию. Продуктивность этой животной души возбуждается мифологией веры в научно-технический прогресс, которой живет эта варварская душа, как аналогичным образом жила верой в ветхий библейский завет душа западного европейца в начале Темных Веков на заре становления модели западноевропейской цивилизации. Понятно, что национальная воля не может существовать ни в тотальном мире мифологических представлений о реальности, которые производит поверхностный рассудок, ни, тем более, в потоке энергии этого животного влечения к жизни, полностью лишённого разума. А именно это и предлагается для человека, обладающего полноценной психикой, в среде почти массового психического расстройства из-за потока бесконечной лжи, который обильно льется из многочисленных СМИ.

Ограничение тотальной животности образа жизни, который возникает на обломках какой-то патриархальной нормы психологии человека, требует таких взаимоотношений между людьми, где слова «долг» и «честь» имеют не пустой звук, какой они прибрели в мифологии иррациональных представлений современных низших ценностей, а являются базовой основой поведения человека. Понятно,

что базовыми эти понятия были актуальны только в среде исторической аристократии, то есть человеческой среды, которая осталась в далеком прошлом. Современная социально-политическая «элита» массовой псевдоцивилизации практически во всех странах — это нечто прямо противоположное: лживое, безвольное и болтливое существо.

Глава 5. Рассудочный схематизм ценностей культуры и разумная мера высших ценностей цивилизации

Каким образом стремление человека в цивилизации быть разумным существом привели к прямо противоположному явлению в наше историческое время: к доминированию в ней активности quasi Homo? Здесь мы должны понимать, что в данном вопросе проявляется та пропасть познавательных способностей человека между рассудком и разумом, которая в действительности значительно глубже, чем пропасть между познавательными возможностями рассудка и непосредственного чувственного восприятия. Массовая культура является мифологией представлений безусловного превосходства возможностей рассудка над непосредственным восприятием человека. Эта мифология возникла из представлений эпохи Просвещения о безграничных возможностях научного познания, через которые человек должен стать «хозяином» природы. С другой стороны, масштаб катастрофичности отсутствия разума при тоталитарной власти поверхностного рассудка особенно стал заметен там, где достижения этого поверхностного рассудка являются «выдающимися» перед непосредственным чувственным восприятием. Например, в современной России, а в прошлом — в СССР. Ведь научный прогресс — это и есть примитивная «схема» развертывания новых Темных Веков мировой цивилизации, когда вера в науку постепенно подменила главное — сознание того, что наука — это всего лишь один из методов познания разумного мира. Аналогичным образом, и вера в бога в начале становления монотеистических религий было не главным, главным было — это откровение нового мира, который наполнял жизнь человека каким-то разумным смыслом,

давая ощущение перспективы развития новой модели мировой цивилизации. Открытие бесконечной исторической перспективы будущего, в котором в полной мере отображаются высшие исторические ценности прошлого — вот что является основной движущей силой становления новой модели мировой цивилизации в момент перехода от Темных Веков — к Средневековью. Религиозные же институты были всего лишь «земным» инструментом познания этой бесконечной полноты откровения нового мира в становлении модели западноевропейской цивилизации, некой рассудочной схемой, аналогом которой в новейшее историческое время является сфера научного познания. Понятно, что эта полнота являлась производящей силой онтологического потока времени, чье божественное присутствие чувствовал религиозный человек в своей душе. Но в конце существования любой рациональной модели мировой цивилизации, отработавшей свой исторический срок, мы видим прямо противоположное, — сгущающийся мрак человеческой жизни, вызванный разрушением разумных взаимоотношений между людьми, когда полнота и разумный смысл человеческой жизни исчезают. Впрочем, неразумный человек этого почти не замечает, будучи полностью вовлеченным в «полноту» земных забот, вызванных необходимостью «выживания», которые ему постоянно навязывает поверхностный рассудок. Но главное, конечно, состоит в том, что поверхностный рассудок совершенно не способен понимать мировых исторических событий, жонглируя различными историческими схемами, как в цирке, чья шутовская сцена — современное гуманитарное образование.

Наиболее полно отсутствие разумного понимания исторических процессов обнаружилось в западноевропейской мысли в XX веке, где, хотя и не было каких-то объективно-рациональных проблесков, но, по крайней мере, была какая-то вмняемость по отношению к разуму, с которой можно дискутировать, в отличие от нашего исторического времени, когда все проблески разума в западноевропейской мысли исчезли. И здесь мы обнаруживаем тот исторический фрактальный аналог событий, который характеризует подобие процессов, происходивших в конце существования античной истории и современной запад-

ноевропейской истории. Так, античный мир, погружаясь в основания новой, монотеистической веры, природой своей мертвой души все-таки оставался во власти прошлого, поскольку только в прошлом существовали его высшие ценности, тогда как новейшее время несло в себе лишь разочарование и глубокое вырождение наиболее качественной человеческой природы. Ведь только высшие ценности и есть подлинно-историческое, тогда как низшие массовые ценности демонстрируют лишь отсчет исторического безвременья, в которое погружается человеческая жизнь, лишенная разума. И чем дальше от непосредственного образа жизни человека существуют в истории высшие ценности, тем менее разумна его жизнь, каким бы уровнем рассудочного схематизма культуры не была она заполнена. Поэтому интеллектуальные работы известных западноевропейских мыслителей, которые хоть в какой-то степени можно воспринимать всерьез по отношению к разуму, таких, например, как: Шпенглер, Фрейд, Ясперс и другие стараются опираться в своей мысли на социальную культуру, а не на исторический разум. Фактически, речь идет об опоре на человеческий рассудок. Впрочем, в российском интеллектуальном опыте нет даже и такого уровня понимания, — здесь господствует тотальная система самых примитивных мифологических представлений о ценностях, то есть иррациональные фантазии поверхностной мысли. И здесь проявляется резкое различие между гуманитарной западноевропейской системой мышления, которая все-таки сформировалась в результате усвоения высших исторических ценностей, и современной российской мыслью, которая полностью чужда какой-то элементной причастности к этим ценностям.

Во фрактальной системе исторического подобия процессов мировой цивилизации нашего времени мы попадаем в момент полного сворачивания античного проекта существования модели мировой цивилизации, при сравнении которых можно понять и современные процессы новейшего исторического времени. Впрочем, очевидно, что процессы фрактального подобия не указывают на линейный принцип повторения того, что уже было в истории, а формируют принципиально новый фрактальный рисунок топологии исторических событий. Другими словами,

несмотря на кажущееся повторение начальных фрактальных элементов, историческое целое является совершенно иным именно потому, что онтологический поток времени всегда выражает собой откровение полноты бытия каждого нового момента исторического события.

***

Мы живем на пепелище Российской империи, разгромленной большевистскими ордами. То, что после большевистского нашествия образовалось государство, которое, с точки зрения высших ценностей, подобно государственной структуре Золотой Орды, очень мало относится к истории русской нации, чьи следы на этом пепелище теряются. Понятно, что, с точки зрения ценностей низших, в российской истории советского периода было немало достижений, но дух нации, как мы полагаем, именно дух, а не сама нация как историческая реальность, обнаружил свое присутствие только во второй мировой войне, которое именно поэтому и была названа «отечественной».

То, что мы обнаруживаем, в первую очередь, в характере человека на развалинах Российской империи, что кардинально отличает его психологию от психологии человека до 17-го года, — это варварское животное желание жизни. Именно животное желание жизни, ничем не ограниченное, поскольку связь с прошлым разорвана, а настоящего, собственно говоря, не существует, определяет социальную активность человека на постсоветском пространстве. При этом мы понимаем, что, несмотря на различие в менталитете различных народов, которые до недавнего времени объединяла единая судьба «социалистического лагеря», их связывает одно — трагедия, которую они пережили в XX веке после большевистского нашествия, поскольку все так называемые «национальные элиты» этих народов есть ничто иное, как психологические типы все той же большевистской орды. Это варварское желание жизни, которое проистекает не из разумных целей существования цивилизации, а из грубого вождения животного начала души, — вот что является основным признаком всех социально-политических элит на постсоветском пространстве в качестве исторической реальности Темных Веков. И хотя в большем числе этих доминирующих «элит» наро-

дов, переживших большевистское нашествие, официальной идеологией является откровенная русофобия за пределами России, когда во всех своих бедах винят русских, наибольшую разрушительную силу удара большевистских орд пережила именно русская нация. Впрочем, психология большевизма доминирует и в наше историческое время в России, если осознавать, что это грубое животное вождение варварской психологии человека — единственное «живое», что скрывается за слабоумной болтовней о гуманизме в российской социальной реальности, где до сих пор основными персонажами ее социальных событий являются известные психологические типы Шарикова и Швундера.

Одна из главных проблем российской гуманитарной школы мысли состоит в том, что она полностью лишена понимания сущности разума. Следствием отсутствия такого понимания является тотальная мифологизация массовой жизни человека, где любое проявления разумной воли человека сведено к нулю. Поэтому современная российская гуманитарная мысль по своей психологической зрелости по отношению к разуму не превосходит дошкольного развития, поскольку уже в более зрелом возрасте у человека начинают проявляться зачаточные импульсы воли, а они требуют ответа о происходящих событиях на каком-то минимально разумном уровне. Вследствие этого, везде мы слышим гуманитарные разговоры на уровне детского сада, когда главным условием участия в этой дискуссии является достаточное слабоумие, демонстрируемое определенным социальным субъектом. Впрочем, во многом, аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в современной западно-европейской модели цивилизации, где подобное слабоумие установилось по другой причине. Эта ситуация возникла здесь в силу исчерпания метафизических ресурсов воли, за счет которых, собственно, и существовала определенная рациональная стратегия развития мировой цивилизации, чьи следы теряются после окончания второй мировой войны. Размышляя над основными тенденциями современной социальной массовой культуры, мы замечаем, что одна из ее центральных идеологических попыток, связанных с сохранением системы мифологических представлений о реальности, выражается в том, чтобы убедить человека

в окончании глобальных процессов мировой истории. Мы наблюдаем усиливающуюся попытку внушить массовому сознанию, что все серьезные исторические события, которые каким-то образом способны повлиять на ход мировой истории, остались в прошлом. И это, действительно, так по отношению к историческому безвременью. Ведь дух мировой истории, производимый онтологическим потоком времени, выражает историческое время только в качестве присутствия в непосредственной жизни человека каких-то высших ценностей. В противном случае, человек, лишенный разума, обречен на вырождение, что мы и наблюдаем как массовое явление в современной псевдоцивилизации. Таким образом, массовая социальная система — это корка лжи и слабоумного лицемерия, игнорирующая движения живой человеческой души, в которой существует разум.

***

В основе любой системы цивилизации существует определенная топологическая конструкция рациональных коммуникаций между людьми, когда фрактальные грани исторического времени отображают присутствие полноценности человеческой души в действии разумной воли человека. Воля, фактически, необходимо разрывает монотонный ритм влечений, которые образуют активность любого социального пространства. Собственно, если активность мифологических представлений реальности создает активность подсознательных влечений, то систему рациональных коммуникаций создают разумные импульсы человеческой воли. Но само психологическое пространство массовых социальных коммуникаций предполагает, что в ней не могут существовать разумные движения человеческой души, поскольку в этом случае разрушается единое мифологическое пространство представлений, гарантирующее сон разума. Ведь в основном, человеческая природа слаба, не вынося разрушительных подсознательных импульсов инстинкта смерти, из которых возникают импульсы воли. Для этой слабой человеческой природы необходима социальная среда, в которой было бы гарантировано спасение человека от необходимости проявлять разумные движения души.

Если мы проанализируем исторический путь развития мировой цивилизации, то заметим, что ее стратегию выражает очень немногочисленная среда людей, которая обладает разумом. Эта среда малочисленна, поскольку в ней концентрируются исключительно разрушительные импульсы человеческой воли, соприкасающиеся с метафизической границей мира. И здесь необходимо отбросить систему мифологических представлений, связанных с тем, что метафизика — это обязательно нечто «божественное», имеющее определенный религиозный смысл. В действительности, после одной из центральных идей субъективного разума, осмысленного Ницше, «бог умер», речь идет о саморазрушении «человеческого» в человеческой душе, в необходимости постигнуть сверхчеловеческое разумное начало жизни, выражающееся в объективности производящей метафизической силы онтологического потока времени.

То, что принципиально отличает социальную культуру от цивилизации, — это то, что социальная культура способна возникать в самой примитивной, даже полудикой среде, тогда как цивилизация присутствует только там, где существует хотя бы минимум рациональных коммуникаций между людьми. При этом необходимо различать поле активности цивилизации от его рационального «ядра», в котором производятся высшие ценности. Разрыв между полем активности цивилизации и ядром по производству высших ценностей огромен, поскольку высшие ценности создает очень узкая среда людей, а в поле активности цивилизации задействованы огромные человеческие массы. Но как только огонь ядра производства высших ценностей угасает, поле активности цивилизации стремительно сжимается, пока, наконец, полностью не исчезает. Этот исторический момент, который мы наблюдаем в судьбе современной западноевропейской цивилизации, протекает в ней уже более полувека. С другой стороны, понятно, что в более широком смысле, можно рассматривать цивилизацию как определенную культуру, а культуру, наоборот, как цивилизацию, если мы переходит из сферы активности разума в область представлений рассудка.

Тот примитивизм, который характеризует в наше время понимание исторических процессов, как нагромождение сухих исторических фактов, где примитивный рассудок

ищет экономические интересы, ни имеет никакого отношения к подлинному пониманию разумных процессов мировой истории. Фактически, человек оценивается в этих примитивных представлениях как механическая материя, которая имеет некоторые умственные способности, чтобы осмыслить свой материальный мир извне. Понятно, что подобный образ жизни человека в истории, который характеризует сознание социального человека, к разуму не имеет никакого отношения, но зато в полной мере имеет отношение к его мифологическому представлению, связанному с верой в научно-технический прогресс.

В современной России национальные силы оказались чуть в лучшем положении, чем после 17-го года, когда большевистские орды методически уничтожали основы русского государства. Разница состоит только в том, что в наше время национальных сил настолько мало, что вправе задать вопрос: а существует ли русская нация? Понятно, что мифологических представлений о «национальных интересах» в современной России, где отсутствует даже какой-то бесконечно малый намек на разумную индивидуальность, здесь в избытке. Но любая мифология представлений направлена на инфантильное сознание человека, которое всегда массово, то есть не причастно к разуму, а потому полагать, что эти детские представления о культуре могут объединить разумные силы в стране, было бы наивно. Именно здесь необходимо внимательно отнестись к такой исторической политической конструкции, как лигаристический союз, то есть объединения людей, возникающее в Темные Века, в исторической ситуации, когда взаимосвязь между разумными людьми существует практически на нулевом уровне. Не случайно, Гегель, вводя свою известную градацию событий мировой истории, называет Темными Веками такое историческое время, в которое только животное существо человека выражает его непосредственный образ жизни, лишенный причастности к объективной сущности исторического разума. И действительно, если обратить внимание, что варвары Темных Веков Западной Европы, с одной стороны, почти разорвали со своим патриархальным прошлым, которое существовало в языческой культуре, а с другой, воспринимали новую монотеистическую веру только поверх-

ностным рассудком, то мы получим подобие современной социально-политической ситуации на постсоветском пространстве. Именно в этой тотально матриархальной среде, где всем правит животное существо человеческой души, а воля показывает лишь свои самые примитивные зачатки в агрессивной воинственной психологии варвара, возникают такие политические объединения как лигаристический союз. Причины для их возникновения следует искать в том, что старые рациональные коммуникации рухнули, а новые еще необходимо создать, причем практически из ничего. Именно в этом смысле мы понимаем название философского учения Ницше — «нигилизм», то есть как «пустыню» в том месте, где еще некоторое время назад существовала взаимосвязь между разумными людьми.

Таким лигаристическим союзом в Темные Века Западной Европы были рыцарские союзы, которые и стали в ней зачаточной конструкцией политического развития мировой цивилизации в будущем. Назовем некоторые важнейшие причины возникновения лигаристического союза в Темные Века. Во-первых, тотальная власть матриархальной психологии, которая распространяется после почти полного разрыва с патриархальной нормой жизни; во-вторых, практически тотально воровская собственность, когда право на собственность определяется причастностью к доминирующим племенным кланам; в-третьих, исчезновение внешнего влияния рациональных коммуникаций, которые просто исчезают. Есть и другие причины, мы лишь остановились на тех, которые лежат на поверхности исторического феномена. С объективно рациональной точки зрения исторических событий, моральная пустота, которая образуется в результате исчезновения активности традиционных патриархальных норм жизни, должна быть заполнена активностью разумного начала человеческой воли. Можно, конечно, с субъективной рациональной точки зрения определить эту моральную пустоту как «нигилизм», но нигилизм не выражает понимание объективности явления, полностью концентрируясь на эмоционально-субъективной позиции разума.

Если мы оценим политически-социальную конструкцию СССР, то поймем, что некоторые сферы ее существования выражали примитивную основу лигаристического

союза, хотя, очевидно, что лигаристический союз не может существовать на основе низших ценностей, каковыми являлись ценности коммунизма. Но варвары, очевидно, не способны воспринимать разумное, а потому только подражают разуму, в силу чего в официальной коммунистической идеологии и действовало такое дикое представление как «коллективный разум». Представление о «коллективном разуме» могло возникнуть только в полудикой человеческой среде, незнакомой с историческим разумом, где разумное может восприниматься только в форме мифа. Мы полагаем, что и в Темные Века Западной Европы варварский ум был не способен понимать высшие ценности античности, зато с энтузиазмом воспринял библейское откровение, в котором утверждалось, что именно для рабов и париев античного общества есть царство божие. Аналогичным образом, и коммунистическое учение утверждало, что будущее — за рабами и «угнетенными классами». Понятно, что эта рабская психология и утвердилась тотально на развалинах Российской империи, когда под «свободой» стало рассматриваться освобождение от патриархальной нормы жизни, по отношению к которой пролетарские классы воспринимались в качестве «прогрессивной» исторической силы.

***

Влияние коммуникаций, которые создают лигаристические союзы, огромно в истории. Так, не трудно заметить, что границы активности поля западноевропейской цивилизации, а точнее было бы сказать, в наше время жалкого остатка от этой цивилизации, проходят по границе Польши, поскольку в польской истории все-таки есть какое-то ничтожное подобие рыцарских орденов. В этом смысле, мы выскажем центральную мысль нашей работы о перспективах стратегии развития мировой цивилизации: рациональная модель ее активна только до того момента, когда в ней есть хоть какие-то, пусть даже бесконечно малые, конструкции лигаристического союза. Исторически, это значит, что разумное начало человека активно на определенной территории Земли только до того момента, пока в ней имеет место хотя бы немного политическое влияние аристократический класс. Последние признаки такого

влияния мы находим в Западной Европе до начала второй мировой войны, когда после ее окончания политическое влияние этого класса становится практически нулевым. И сейчас ветераны армии США удивляются мерой разложения морального состояния американских солдат, когда куда-то незаметно исчезло такое понятие как «честь», это одно из центральных понятий коммуникаций в системе лигарилистического союза. Психические и физиологические аномалии, распространяющиеся в американской армии, — это следствие исчезновения подлинной цивилизации в среде людей, где остаются только низшие ценности жизни. Понятие «долга» — одно из центральных понятий высших ценностей жизни не может существовать там, где деньги и удовольствие от земных благ жизни являются единственным основанием ценностей массовой культуры. Причины такой исторической ситуации лежат на поверхности: во всем мире победила психология торгаша, которая не выносит существо высших ценностей, утверждая, что деньги — это высшее, что может занимать ум человека. В безумии абсолютного доминирования экономических ценностей в современной западноевропейской псевдоцивилизации, ее цивилизация практически уничтожена, то есть уничтожена какая-то перспектива ее исторического будущего. Однако болтовня о необходимости отстаивать эти низшие ценности отработана в системе западноевропейских СМИ как действие бездумной машины, готовой обрушить свою ненависть на любого, кто попытается сомневаться в ее неразумном существовании. Ведь такова сущность любой массовой культуры в мировой истории: навязывать человеку мифологию представлений о жизни вместо ее разумного понимания.

Таким образом, если мы оценим существо любой традиции культуры, то поймем, что она держится на определенной мифологии человеческих представлений поверхностного рассудка, тогда как любая модель мировой цивилизации действует только при условии существования между людьми системы рациональных коммуникаций. Если же мы посмотрим на исторические события, которые происходили в России в XX веке, то становится очевидным, что в ней все происходящее отображается в социальном сознании человека почти исключительно в мифоло-

гическом пространстве, где действие разума обнаружить практически невозможно. Однако очевидно, что Темные Века должны смениться Средними веками, то есть современное варварство является промежуточным звеном в российской истории. Именно здесь выясняется важность структуры существования лигаристического союза как внутренней основы любой исторической модели мировой цивилизации. Лигаристический союз, собственно, и возникает как необходимость перелома состояния варварства человеческой души к зачаткам разумного существования самостоятельной модели цивилизации. Так, разум начинает действовать в глубинах человеческой души через подсознательный инстинкт смерти, то есть как начальная метафизическая интуиция, которая побуждает волю к действию, пресекая животные влечения. Но в Темные Века воля в среде варваров активна только в агрессии какого-то события, связанного с войной, поскольку в мирной жизни существует полный мрак. Фактически, лишь низшие инстинкты способны проявляться в человеческой душе в массовом социальном пространстве, где, собственно, и событий исторических не существует, а существуют только исторические «факты», то есть фиксирование определенной активности неразумного человеческого существа. Это мы и наблюдаем на современном постсоветском пространстве, где народы, освободившиеся от советской культуры, соревнуются в приверженности к «демократии», а фактически — в мере своего слабоумия, которое демонстрирует их псевдонациональная элита, то есть по факту — все те же потомки большевистской орды, оказавшиеся после ликвидации их национальной элиты у власти. Ведь национальное самосознание — это не вызывающие матриархальные вопли о национальной идентичности, а демонстрация каких-то высших ценностей, которые определенная нация вносит в судьбу мировой цивилизации, придавая какой-то разумный смысл человеческой жизни. Но именно эту матриархальную истерику мы и наблюдаем практически везде, что скрывает за собой полное отсутствие воли нации.

То, что мешает видеть наступившие Темные Века мировой истории в наше историческое время, — это тотальная власть мифологических представлений в массовом сознании, в которой утверждается, что современная технологи-

ческая культура достигла огромных достижений в последние десятилетия, а потому и разум якобы существует сейчас на очень высоком уровне. Такого рода представления основывается на сравнениях человека с достижениями животного мира, который его окружает и, как известно, не претендует на сознание своей «цивилизации». Но подобного рода мифология представлений о высоком уровне развития современной цивилизации практически вся построена на сравнении своих технологических достижений с историческим прошлым, тогда как отдаленное будущее, в принципе, не оценивается, поскольку взаимосвязи с ним не прослеживаются. Мифология псевдоцивилизации лишь рассуждает о том, что совершенствование технологий необходимо для «выживания» человечества, но разумных доводов в пользу этого существования перед не-существованием не приводит.

Основой для возникновения политической структуры лигаристического союза является необходимость перелома состояния человеческой души, лишенной отчетливых разумных импульсов к каким-то зачаточным движениям разумной воли. Так, Темные Века характеризуются почти тотальной активностью животного начала человеческой души, что, собственно, и официально подтверждается в современной массовой культуре, когда понятие «душа» полностью упразднено, а вместо него используется лишь научный термин «психическое». Причины, в силу которых объективность понимания сущности души упразднена в современной мифологии биологического понимания человеческого существа, следует видеть в отсутствии разумного понимания какого-то различия между животным и человеком, когда в современной научной мифологии человек является лишь биологическим существом, не более того. А поскольку достижения человека в современной мифологии гуманизма оцениваются по отношению к животному миру, то создается иллюзия, что цивилизация является достижением исключительно научных технологий человека в процессе развития мировой истории. В результате, высшим ценностям, в которых существует граница мира животного и метафизического, в культуре массовой псевдоцивилизации предоставляется только как историческое прошлое, но не настоящее, поскольку животное на-

чало человеческой души остается единственной ее достоверностью в объективном мире.

Наивно было бы полагать, что в мировой истории наше время Темных Веков выражает исключительный феномен. Ход мировой истории является фрактальным, то есть повторяет определенные элементы структуры исторических событий в принципиально новой архитектонике бытия в объективности метафизического среза, или границы, производящей силы онтологического потока времени. Другими словами, все в мировой истории повторяется в неповторимой художественной картине событий целого. Именно поэтому любая идея является, одновременно, и образом фрактальной реальности, обозначающей свое присутствие многообразием элементов целого. И вообще, идеальный мир — это не мир романтизма, в котором живут какие-то мечты и иллюзии воображения, а суровая непреклонность действия воли, извлекающей самые разрушительные импульсы из глубин человеческой души, то есть позиции субъективного разума — воля к власти. Собственно, непосредственность действия метафизического импульса воли и есть основа для рациональных коммуникаций, которые постоянно разрывают сон мифологических представлений массового сознания реализацией разумного стратегического плана развития мировой цивилизации.

Глава 6. Массовое общество как система неразумных коммуникаций

Рассматривая многообразие современных социальных связей массового общества, которое в полной мере имеет интернациональный характер в своей основе, мы легко замечаем, что оно практически полностью иррационально, то есть функционирует за пределами действия разумной человеческой души. Да, конечно, в этом обществе присутствует мощный механизм внушения, что существует какой-то «план», какая-то туманная перспектива будущего развития мировой цивилизации, но вся эта мифология представлений — суть создания той сомнительной стабильности функционирования социального целого, которое владеет сознанием неразумного человека, а потому

не имеет будущего. Мы уже выяснили, на чем строится устойчивая модель цивилизации, утверждая, что речь идет о системе лигаристических союзов. И дело, конечно, не в том, что с момента появления этих союзов и вплоть до их исчезновения, как, например, в наше историческое время, производители высших ценностей, которые формировали эти союзы, назывались «аристократами». Здесь с первого момента появления этих союзов до последнего момента их исчезновения в деградирующей аристократии, существовала метафизическая граница между людьми, которая аккумулировала в действиях их воли систему рациональных коммуникаций. Именно об окончании действия этой метафизической границы, как, собственно, и об окончании действия модели развития западноевропейской цивилизации, и объявил Ницше в своей известной формуле «бог умер». На интуитивном уровне идею этого конца попытался развить на обширном историческом материале Шпенглер. И здесь можно заметить, что если русская аристократия была практически полностью уничтожена в момент нашествия большевистской орды, то в Западной Европе она, по большей части, выродилась сама. Этот процесс, как мы полагаем, был прямым следствием исчезновения какой-то дальнейшей разумной стратегии развития западноевропейской модели цивилизации, где существовал эпицентр по производству высших ценностей.

Причина, в силу которой рациональная база коммуникаций перестала существовать в современной социально-политической реальности массовой псевдоцивилизации, в частности, связана с тем, что сам системный принцип мышления, на котором строилась метафизика западноевропейской рациональной философии, оказался исторически устаревшим в понимании происхождении современного мира. Так, мы видим, что массовая культура является упорядоченной структурой, с одной стороны, а с другой, практически полностью иррациональна, то есть исключает разумные движения человеческой души. Значит, если иррациональные процессы обладают способностью складываться в системный принцип, следовательно, системные процессы способны производить неразумная природа, которой и подражает массовый человек как неразумное существо. С точки зрения фрактальной природы

мира, речь идет об изолированных элементах фракталов, но не разума в целом. В художественной модели фрактала выражается подлинная сущность понимания платоновской идеи, когда в любой структуре множества фракталов главное — схватывание целого, то есть того, что Платон понимал, как Единое, ставя его сущность выше Логоса. Одновременно, мы видим, что целостность фрактального рисунка имеет художественную природу, то есть само целое не может быть схематично, поскольку в художественном мышлении схематизм — это наименьшее, на чем строится целостность воспринимаемого объекта. Наивысшей ценностью в идее является непосредственная мера целого, которое, в силу многозначности инвариантов понимания фрактальной структуры, может описываться схемой только в самом примитивном приближении. Это наименьшее приближение и есть возможности человеческого рассудка. Однако в массовой культуре человеческий рассудок — это «все» в буквальном смысле слова, то есть последняя инстанция, определяющая истинность объективной реальности, то есть культура во всем ее многообразии. Именно эту низшую оценочную меру человеческого рассудка Ницше и определял, как «человеческое, слишком человеческое», противопоставляя ему свою концепцию сверхчеловека, то есть, фактически, с точки зрения объективности разумного понимания мира, возвращая идее Платона ее подлинный смысл.

Чем, вообще говоря, являются Темные Века мировой истории с позиции объективного исторического разума? Это та оглушительная пустота от слабоумной человеческой болтовни, в которой человеческую мысль практически невозможно отличить от технического действия какого-то механического аппарата. Собственно, и представления о существовании искусственного интеллекта возникли именно из-за утраты границы между материей и разумной душой в неразумной человеческой среде, когда результаты интеллектуальной мысли ассоциируются с какой-то механической деятельностью человека как собственным техническим изобретением. Понятно, что подобного рода мифология представлений замкнута в своей ограниченности представлений интеллекта, являющегося отображением исключительно материального мира. Иной мир, например,

духовный, воспринимается в этой мифологии «мифом», поскольку, в противном случае, вся эта система мифологических представлений поверхностного рассудка рухнет, а вместо с ней рухнет и право на власть и собственность в социальной реальности, где в действительности, по отношению к историческому разуму, господствует неразумный произвол на фоне резкого ухудшения качества человека как существа способного мыслить.

В понимании возникновения системы лигаристического союза мы должны осознавать, что речь идет не о существовании сословного общества, где на вершине находится аристократический класс, а внизу — определенный плебс. Речь идет о принципиально другой системе. Если сословное общество традиционно, то лигаристический союз внутри своей структуры скорее строится на требовании максимальной активизации воли человека, крайний дефицит который обнаруживается в эпоху расовой катастрофы. При этом нельзя путать примитивный биологизм мужского начала, который стал доминировать в массовой псевдоцивилизации после второй мировой войны, с мужеством волевого начала жизни, демонстрирующего наличие в исторической реальности сознания долга и чести. Собственно, эти важнейшие принципы непосредственной человеческой жизни: наличие долга и наличие чести являлись одними из основополагающих принципов лигаристических союзов, которые подпитывали аристократический класс в его моральном праве на власть. И наоборот, историческое безвременье характеризуется именно утратой этих высших принципов жизни, поскольку неразумному человеку они мешают жить, то есть реализовывать свои мелкие житейские радости, в которых он в полной мере может удовлетворять свои влечения, не напрягая волю.

Если мы проанализируем разрушительный вал информации, обрушивающийся на сознание человека со стороны СМИ, то без труда поймем, что эта информация не относится к чему-то разумному. Демонстрируя лишь возможности поверхностного человеческого интеллекта к разнообразному комбинированию чего-то уже известного, эта информация убеждает неразумного человека, что он живет во время великих научно-технологических открытий. Однако массовое распространение глубокой депрессии в среде разных

народов мира, доказывает обратное: человечество втягивается в новые Темные Века, когда будущее не просматривается именно из-за отсутствия какой-то разумной стратегии развития массового общества. Причина состоит в том, что достижения научно-технического прогресса не относятся к высшим ценностям цивилизации, а являются лишь инерционным развитием в направлении, которое гарантирует только выживание человечества. Аналогичным образом, в Темные Века Западной Европы христианская церковь гарантировала лишь направление развития модели цивилизации, не выражая ее разумного содержания, поскольку разум требовал выделения разумной индивидуальности из этого нового откровения мира в активности воли к власти в среде животных влечений человеческой души, которым жили эти варварские массы людей. Другими словами, разумная субъективность человеческой жизни должна была выразиться в среде подобных себе разумных индивидуальностей, создав рациональные коммуникации, а они, в свою очередь, могли возникнуть только в системе лигаристических союзов. И если начальный вектор развития новой модели мировой цивилизации — это непрерывное развитие научно-технического прогресса, которое гарантирует самосохранение человека как биологического существа, то для существования в ней рациональных коммуникаций должны производиться высшие ценности человеческой жизни.

***

Если мы будем искать глобальное расхождение путей культуры и цивилизации, а фактически — результат действия сублимированных влечений и действия разумной воли человека, то обнаруживаем их в кардинально различном действии подсознательной памяти человека. Фактически, память является основным инструментом мотивации поступков человека. И если подсознательные ресурсы человеческой памяти, которые определяются социальной активностью человека, исследовал Фрейд, показывая, как работают вытесненные подсознательные влечения человека в процессе сублимирования, то на действие подсознательной базы разума в памяти человека указал Ницше в своей известной концепции воли к власти. Поэтому если воля определяет исторические события мировой цивили-

зации, то влечения человека определяют ценности культуры. В этом смысле, мы можем констатировать, что мы живем в такое время, когда культуры очень много, даже чрезмерно много, а цивилизации практически нет, то есть нет какой-то разумной стратегии ее развития.

Не трудно заметить, что современный «цивилизованный» человек, фактически, является человеком неразумным, то есть тем существом *Quasi Homo*, которое способно проявлять в социальном пространстве массовой псевдоцивилизации только свои сублимированные влечения и, соответствующий этим влечениям, поверхностный рассудок. Этот рассудок в полной мере является продуктом культуры, но не цивилизации, поскольку активность цивилизации есть следствие какой-то разумной стратегии действия воли человека в мировой истории. Впрочем, понятно, что подобное представление о «цивилизованности» проистекает из политического пространства, где еще век назад производились высшие ценности, а потому сомнения в подобном критерии «цивилизованности» не допустимо.

Размышляя над природой разума, мы понимаем, что основной критерий отличия от его рассудка — это наличие какой-то метафизической меры. На это впервые в философии обратил внимание Кант с позиции критического, а не поверхностного, рассудка, когда определил метафизическую реальность в качестве по ту сторонней к познавательным возможностям человеческого рассудка в силу невозможности человеческой логики проникнуть в противоречивую природу метафизического мира. Но наше время показало, что постулат о существовании бога как источнике метафизической реальности исчерпал себя, поэтому необходимость введения новой основополагающей метафизической меры является принципиальным для современной цивилизации. Этой объективной мерой мы полагаем онтологический поток времени, который воздействует на сознание человека через подсознательные слои памяти, присутствующие в его инстинкте смерти. Собственно, самые решительные события, как в отдельной судьбе человека, так и в мировой истории, происходят именно под воздействием этого инстинкта, который является начальной метафизической интуицией сознания человека, указывающего ему на путь в будущее. Ведь будущее суще-

ствуется только в том, что полностью отображает прошлое, когда прошлое воздействует через подсознательные слои памяти человека на непосредственные импульсы его воли. Так, ложно ассоциируют это воздействие только влиянием традиции, поскольку, она в основном, оперирует лишь к рассудочному обращению в прошлое. Только традиция в первой фазе своего становления выражает импульсы воли в достаточно полной мере, ибо в этот момент еще не сложилась устойчивая сословная система.

Когда мы размышляем над конструкцией лигаристического союза, то понимаем, что его внутреннюю систему никак нельзя назвать сословной. Вообще существование сословий следует относить все-таки к чему-то матриархальному, что стремится закрепить достигнутое в прошлом в качестве какой-то догмы. Но в лигаристическом союзе главным является — поддержание метафизической границы в ее чистом виде, а точнее — действия «огня» этой границы, если под огнем мы будем понимать максимальное напряжение действия воли к власти как разрушительной по отношению к влечениям человека проявлению субъективного начала разума его индивидуальности.

Размышляя над событиями мировой истории, когда гибнут целые цивилизации, и когда мировая цивилизация должна почти каждый раз начинать с нуля, мы замечаем, что разрушение сословий, определявшее влияние аристократического класса на внутренние процессы цивилизации до начала расовой катастрофы, не относится к структуре лигаристического союза. Лигаристический союз строится на полной внутренней замкнутости по отношению к любой социальной организации, поскольку идея социума — кардинально иная, чем идея лигаристического союза. Поэтому перед началом революционных событий, как правило, все лучшие представители аристократического класса исчезают вместе с исчезновением рациональных коммуникаций. В социуме же основные функции человеческих коммуникаций строятся на деятельности рассудка и непосредственного восприятия человека, тогда как активность лигаристического союза определяется разумными движениями человеческой души. Как мы полагаем, основная задача лигаристического союза — выработать метафизическую границу между людьми в качестве

зачаточной основы рациональных коммуникаций. И если таковой до недавнего времени полагалась идея существования единого бога, то будущее мировой цивилизации должна определяться идеей производящего онтологического потока времени.

С точки зрения объективности исторического разума, главная задача лигаристического союза — преодолеть тотальный иррационализм, определяющий нравы и ценности эпохи Темных Веков. Собственно, тотальный мрак стучается в восприятии человеческой жизни в это историческое время, потому что практически полностью исчезает пространство высших ценностей. Исчезновение этого пространства не может заменить пространство «свободы», из которого полностью исчезли высшие ценности. А ведь именно оно и предлагается в этот исторический момент для слабоумного человека, не обладающего рациональными способностями мышления. Ценности свободы — это социальные ценности, то есть ценности, которые имеют косвенное отношение к разуму, а потому культивируются, как мы видим в наше историческое время, в агрессивном отношении к любому проявлению разумной воли человека. Воля в этой иррациональной системе представлений о мире воспринимается как «насилие», поскольку воля к власти действительно разрушает систему обыденных представлений низших ценностей, требуя существования пространства высших ценностей. Вообще, массовое общество — это тоталитарная система извращения человеческого существа из разумного — в неразумное. Подобного рода тотальное извращение стало возможным после второй мировой войны, когда в пространстве существования Западной Европы полностью рухнули рациональные коммуникации. И хотя осколки аристократии остались, эти осколки благополучно структурировались в систему массового общества, поскольку вне лигаристического союза эти аристократы практически не отличаются от среднестатистического массового человека. разве что внешность выдает в них воспоминание о великом прошлом мировой истории, однако — это пустой «футляр», который массовое общество демонстрирует так же, как оно демонстрирует высшие исторические ценности прошлого в своих многочисленных музеях. И, в целом, мы находим бесконечное множе-

ство этих «демонстраций» в массовом обществе в качестве причастности к мировой истории, которые направлены на то, чтобы доказать какой-то разумный смысл существования человека там, где его давно уже не существует.

Если попытаться охарактеризовать массовое общество, то первое, что приходит на ум, — почти абсолютное моральное дно. Так, старые моральные ценности отброшены, или переведены в область мифологии, а новых не существует, в результате чего в социальной системе массового общества успеха добивается тот, кто, полностью деградировав как человек, обладает некоторыми способностями держаться на плаву в этой тотальной клоаке человеческих отношений, где полностью ликвидированы признаки разумной человеческой души. Вообще, создается такое ощущение, что для получения какого-то политического или социального успеха в массовой псевдоцивилизации, нужно стать каким-то «прокаженным» по отношению к человеческой полноценности, выражать глуповатую улыбку на лице и некоторый набор обезьяньих ужимок, доказывающих, что неразумный человек действительно произошел от обезьяны. Впрочем, с неразумным человеком всегда было все понятно, но нас интересует судьба человека разумного и мировой цивилизации, которую создал именно разумный человек.

***

Размышляя над судьбой мировой цивилизации, мы можем заметить, что необходимость возникновения лигари-стического союза, в первую очередь, связана с установлением метафизической границы, по отношению к которой должна проявляться объективность процессов мировой цивилизации. Так, почти тысячелетняя метафизическая граница оказалась исчерпанной в наше историческое время, когда возникла необходимость осмысления новых законов развития мировой цивилизации. Собственно, Ницше возвестил об окончании существования метафизической границы лигари-стического союза, который сформировал начала модели развития западноевропейской цивилизации, действующего в ней, начиная с образования рыцарских союзов. Окончание второй мировой войны, одновременно, совпало с исчезновением всех признаков су-

ществования производственных мощностей высших ценностей в Западной Европе.

***

Если оценить социально-политическую конструкцию современной массовой псевдоцивилизации с точки зрения объективного исторического разума, то становится очевидным, что в ней разумные коммуникации исключены. За счет чего же держится вся эта мифологическая конструкция политической реальности? Мы полагаем, что она держится за счет особых свойств фрактальных структур — связывать иррациональное в целое, которое способно создавать иллюзию чего-то разумного. Главный метод создания этой иллюзии — поток непрерывной слабоумной болтовни, конструируемой поверхностным рассудком в качестве чего-то происходящего. Например, система экономических отношений является тем почти полностью иррациональным проявлением человеческой жизни, которое за счет имитации с использованием различных математических моделей создает нечто целостное, что полностью захватывает и держит в напряжении поверхностный рассудок.

Таким образом, любая модель мировой цивилизации, определяющая ее существование на одно-два тысячелетия, выражается системой рациональных коммуникаций, которые формируются в лигаристических союзах, фактически, пресекающих течение эпохи Темных Веков. Принципиально, что эта система предполагает не конструкцию сословного общества, а, первоначально, систему, в которой человеческие отношения строятся как отображение метафизической границы мира. И если в спартанских союзах такой границей была вера в богов, а в рыцарских союзах — вера в единого бога, то особенностью новых лигаристических союзов, таковой должна быть вера в разум. Впрочем, понятно, что под разумом в наше историческое время мы должны понимать нечто принципиально иное, чем те идеи, которые разрабатывались в западноевропейской рациональной философии. Эти идеи, как мы видели в XX веке, были во многом погребены в небытие марксистской идеологией, ставшей опорой различных варварских масс людей во многих странах мира.

Особенностью действия любой веры, определяющей судьбу мировой цивилизации, является неизбежный мо-

мент окончания ее романтического периода, когда ее интеллектуальное начало переходит в область действия непосредственного усилия воли человека. Так, если интеллектуальная основа христианской веры сложилась под влиянием жалких остатков от великой греческой философии, то начала веры в разум были разработаны в выдающейся западноевропейской философии. То, что утвердить новые начала веры приходится варварам и народам, до этого момента существующих на периферии мировой цивилизации, вызвано тем, что для производства высших ценностей необходимы огромные неистраченные ресурсы высшей человеческой психики. Эти ресурсы, как мы видим по судьбе западноевропейских наций, полностью истощаются в результате производства высших ценностей мировой цивилизации, вследствие чего нации, их производители, становятся неразумными массами людей, мало чем отличающихся от варваров по отношению к историческому разуму. В этом пространстве наверху социально-политической жизни всегда оказывается какой-нибудь Швундер или Шариков. В этом смысле идея действия воли по ту сторону добра и зла, которую разрабатывал Ницше, необходимо рассматривать как окончание исторического процесса производства высших ценностей, который почти две тысячи лет горел в наследии лигаристических союзов западноевропейской модели цивилизации. Так, хотя рыцарский Тамплиерский орден и был разгромлен Капетингами, огонь долга, чести и достоинства человека, горевший в его системе, вплоть до поражения Наполеона наполнял волю причастностью западноевропейского мыслящего человека к ценностям, где действует система рациональных коммуникаций. После Наполеоновских войн, как это заметил Лебон, романская раса стала исчезать из влияния на мировые исторические события, когда напряжение ее воли иссякло и когда, собственно, появились первые робкие признаки доминирования ценностей массовой культуры. Германские же народы, как мы полагаем, попытались прорваться в новую модель цивилизации силой, что, в принципе, невозможно, поскольку бесконечная полнота нового мира требует не только воли, но и понимания простейших элементов разума для ее построения.

III. ВРЕМЯ — МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА НОВОЙ МОДЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава 7. Современный начальный этап новой цивилизации — Темные Века

Мы утверждаем, что в основе современных низших ценностей массовой псевдоцивилизации лежит ложный принцип сравнения научно-технологических достижений человека цивилизации с животным миром. Подобный оценочный принцип не предполагает, что могут существовать и другие цивилизации, помимо человеческой, например, на других планетах, по отношению к которым современная человеческая цивилизация находится на ничтожно низком уровне по развитию своих технологических возможностей. Современная наука допускает такую возможность, поскольку она еще не окончательно утратила разум в своей основе познания мира. Но даже если на этих других планетах цивилизаций не существует, то сравнение возможностей технологий человеческой цивилизации через несколько тысяч лет с современными технологическими достижениями дает возможность рассматривать современную цивилизацию как своего рода «животный мир» с ее ничтожными научно-технологическими успехами, как это делает современная культура, сравнивая себя с животным миром.

***

Размышляя над современной политической ситуацией в России, мы должны понимать, что, начиная с событий 17-го года, российская цивилизация вступила в эпоху Темных Веков, когда патриархальные нормы жизни, определяющие ее историческое развитие, были ликвидированы

после нашествия большевистской орды. Впрочем, любые нашествия варваров всегда указывают в будущем на становление какой-то принципиально новой модели мировой цивилизации, после того как животная активность этого дикого единства постепенно ослабевает. Понятно, что после постепенного угасания животной жажды жизни, которая является следствием почти полной ликвидации патриархальной психологии человека, следует попытка отката назад, то есть попытка вернуться туда, где практически все тотально разрушено. Проблема состоит в том, что исчезла старая расовая порода людей, носителей патриархальной нормы, а искусственно ее не создать, поскольку полноценный человек формируется не средствами различных массовых технологий, а метафизической действительностью своей индивидуальной разумной воли. Другими словами, для существования элементарной нормы разумного образа жизни человека необходима минимальная система рациональных коммуникаций. Существовала ли эта система рациональных коммуникаций в России до 17-го года?

Если мы рассмотрим не мифологически, а объективно рационально, события Темных Веков, которые протекают в России, начиная с 17-го года, то обнаруживаем, что здесь полностью отсутствует то, что рациональным языком определяется как «разумная индивидуальность человека». Ведь разум — это не реализация человека в какой-то профессиональной области культуры, а выражение его индивидуальности в процессах мировой цивилизации как исторического существа. Со стороны варварского мира, который обозначился на территории Российской империи после разгрома ее большевистскими ордами, мы обнаруживаем первые попытки строительства лигаристического союза на тех варварских принципах, которые всегда проявляются при отсутствии наличия разумного начала человеческой жизни. Мы имеем в виду так называемую «социалистическую собственность». Речь здесь идет об интуитивной попытке в варварской душе придать собственности какой-то разумный смысл при отсутствии понимания, что такое разум. И действительно, если так называемый «старый мир» разрушен, то есть, фактически, ликвидированы все признаки какого-то разума в системе человеческих от-

ношений, то следствием является ликвидация и какого-то права на собственность.

Когда мы ищем исторические аналоги существования России до 17-го года другим историческим фрагментам мировой истории, то обнаруживаем фрактальное историческое подобие ее системы политической конструкции микенской цивилизации до момента нашествия дорийских орд. Так, с одной стороны, мы находим принцип государственности, сформированный под влиянием великого стиля высших ценностей прошлого египетской цивилизации, а с другой, очень узкий слой элиты народа, которая формировала внутреннюю модель микенской самобытности. Таким образом, оценка Шпенглером становления начал российской цивилизации под влиянием высших ценностей западноевропейской цивилизации, вполне рациональна. Фрактальное подобие отображает здесь откровение онтологического потока времени в топологической ветви мировой истории, которая выявляет определенную историческую позицию воли к власти. Понятно, что под влиянием великого стиля цивилизации, которая производит доминирующие высшие ценности, подобная политическая система имеет раздражательный характер.

Не трудно понять объективно рациональное содержание словосочетания «Темные века» у Гегеля. Оно указывает на полное отсутствие рациональных коммуникаций между людьми в это историческое время. Отсутствие этих рациональных коммуникаций обусловлено буферным характером процессов, происходящих в цивилизации в момент перелома: от одной модели — к другой. И действительно, в исторический перелом: от античной — к христианской модели развития цивилизации, старые боги подверглись катастрофической девальвации в силу кардинального изменения метафизической границы, а новый, единый бог, еще не утвердился в повседневной жизни человека. Именно такая историческая ситуация имела место в Темные Века Западной Европы. Если же мы спроецируем эту ситуацию на наше историческое время, то это будет означать, аналогичным образом, кардинальное изменение одной метафизической границы — на другую.

Объективно, рациональные коммуникации между людьми создает метафизическая граница, по отношению к кото-

рой ценность человеческой жизни является относительной, поскольку высшая ценность по самой своей сути выше ценности человеческой жизни. Именно в контексте утраты старой метафизической границы, следует объективно рассматривать субъективно-рациональную мысль Ницше о «смерти бога». Так, понятно, что подлинно-философская мысль является таковой только при условии, что в ней присутствует определенное рациональное содержание. В этом смысле, философское наследие Ницше указывает на необходимость поиска новой метафизической границы с точки зрения ее объективно рационального начала. Ведь очевидно, что в идее о «смерти бога» речь идет об объективной трагедии утраты взаимосвязи с метафизической границей, которая выражала разумный смысл развития цивилизации не только два последних тысячелетия, если рассматривать период влияния монотеистических вер, но и с древнейших времен политеистических религий. Полагать же, как это делают современные примитивные материалистические теории, что в основе истории мировой цивилизации лежит линия развития научно-технического прогресса — это, значит, отказаться от основного критерия отличия человека и животного, который утверждает, что именно разум определяет это отличие. Любопытное животное, массовый человек, очевидно, может полагать себя «разумным» только по отношению к чему-то самому примитивному, то есть к обезьяне, например. Собственно, по этой причине Ницше и утверждал, что сверхчеловек относится к человеку, как человек относится к обезьяне, то есть, рассуждая объективно рациональным языком, между человеком в новой метафизической модели развития и старой моделью развития существует бесконечная пропасть. Эту пропасть, как известно, Ницше выражал в образе каната, натянутого над бездной онтологического потока времени как потока течения подсознательной расовой памяти.

***

Понятно, что новая метафизическая граница между людьми вырабатывается очень медленно. Она начинает формироваться за несколько столетий до появления своего ощутимого влияния на исторические события, как, например, появилась монотеистическая вера в бога Ато-

на в египетской истории, отодвигая в сторону политеизм. Аналогичным образом, и метафизическая граница времени, должная возникнуть в качестве основы рациональных коммуникаций новой модели мировой цивилизации, начала обозначать свое осязаемое присутствие в непосредственной жизни человека лишь после второй мировой войны. Она начала обозначать свое осязаемое присутствие только тогда, когда стало очевидным, что линейные события мировой истории обрываются, обозначая очевидным тупик дальнейшего исторического развития цивилизации. Именно в этот момент мы обнаруживаем объективное осознание начала системы развития рациональных коммуникаций в последние десятилетия советской власти в известной политической программе «Время». Подобным образом, в Темные Века западной Европы возводятся великолепные храмы, указывающие на становление новой метафизической границы мира, которой в последующие два тысячелетия было суждено кардинально изменить судьбу мировой цивилизации. Вера в единого бога в это историческое время в среде варваров Западной Европы обнаруживает себя только в очень узком круге людей, тогда как основная человеческая масса пребывает в полной прострации наивных мифологических представлений о жизни. Так, и мы обращаемся к той очень немногочисленной мыслящей элите в России, которая не потеряла разум в этой тотальной вакханалии безумия самых диких мифологических представлений об исторической реальности, происходящих в России событий.

***

В вопросе понимания подлинной природы метафизического мира, мы исходим из того, что его сущность полностью определяет глубину подсознательной психики человека, которая взаимосвязана с его индивидуальным инстинктом смерти. Другими словами, мы исходим из природы бессознательного в глубинах человеческой психики, которая кардинально противоположна массовому инстинкту человека, связанного с его биологическим инстинктом самосохранения. И если на понимание этой природы в предыдущие тысячелетия истории мировой цивилизации было наложено табу, то в наше время она откры-

лась с той зловещей неопределенностью исторического будущего, когда человечеству предстоит существовать по ту сторону добра и зла.

Размышляя над природой метафизической границы, которая создает рациональные коммуникации между людьми, которые определяют разумные процессы развития мировой цивилизации, мы полагаем, что Темные Века отличает от начала Средневековья момент, когда исчезает тотальное подражание в среде варваров системе внешних процессов псевдоцивилизации. Другими словами, когда происходит выявление позиции субъективного разума, указывающего на отчетливое присутствие индивидуального начала человеческой души. Однако то, что мы наблюдаем в российской истории, начиная с 17-го года именно с позиции отчетливости позиции субъективного разума разумной индивидуальности — это движение разного рода человеческих орд, сознание которых проникнуто многообразием мусора самых примитивных представлений о ценностях. Ведь не можем же мы полагать, что истерия эмоционального подъема неполноценной массовой души, экзальтированной воздействием примитивной коммунистической идеологии, является чем-то разумным. Разного же рода научно-технические достижения — это не разум, а лишь человеческий рассудок, который действует не в сфере метафизического мира, а в сфере непосредственной чувственной реальности, которая не относится к высшим ценностям. Именно эти низшие ценности и были главным аргументом достижений советской власти, тогда как факт тотальной ликвидации русского национального самосознания игнорировался, как, впрочем, игнорируется он и в наше время в России.

То, что мы наблюдаем в России, начиная с 17-го года, — это почти тотальная утрата разума человеком, которая имеет массовый характер. Ведь разум — это причастность человека каким-то высшим ценностям. И если до 17-го года эта причастность в России реализовалась хотя бы косвенно, хотя бы на интуитивном уровне, то после нашествия большевистских орд любая попытка полагать существование идеи высших ценностей была равносильна опасному вызову всей этой массовой социальной системе по производству неразумного человека. В этом смысле

процесс производства Шариковых и Швундеров продолжается и в наши дни, поскольку разграбление варварами так называемой «социалистической собственности» ничего не изменило по отношению к факту отсутствия разума, как в самом человеке, так и в системе массовых социальных коммуникаций. Причем, в наши дни мы не можем полагать, что современная российская социальная система настроена агрессивно к высшим ценностям. Проблема состоит в другом. Эта система является лишь плохо и наспех сконструированным подобием советской системе, то есть подобием все той же тотальной системе неразумных коммуникаций между людьми. Здесь появился даже подобный в советском режиме институту марксизма-ленинизма — институт, пытающийся регулировать эти неразумные процессы, но уже не стороны мифа о победе мирового пролетариата, а со стороны мифологии мировых экономических процессов, ВШЭ. В этом институте поколения вчерашних комсомольцев и их моральных учеников предаются новым фантазиям своих примитивных представлений за пределами исторического разума по поводу российской реальности. Понятно, что разграбление варварами собственности СССР, прикрываемое очередным мифом о приватизации, лишь сильно подорвало эту отработанную систему по производству неразумного человека, ничего принципиально не изменив, по существу по отношению к разуму. Все здесь движется все в том же направлении, то есть в направлении реализации дикости человеческой души по отношению к историческому разуму на фоне тотальной мифологии массового социального пространства.

Проводя фрактальное сравнение Темных Веков Западной Европы с современными Темными Веками на постсоветском пространстве, мы находим интуитивное направление будущего развития мировой цивилизации — обращение человека в космос, в котором должны формироваться новые коммуникационные элементы. Не случайно поэтому, что идея освоения космического пространства и начало процесса его освоения были заложены именно в России. С другой стороны, если отбросить все многообразие примитивной мифологии, определяющей современные либеральные ценности и, что самое главное, их социальную основу в цивилизации — систему эконо-

мических процессов, то жизнь современного массового человека в западноевропейском обществе мало чем отличается от насекомого. Ведь если насекомое имело бы возможность сравнивать свою жизнь с мертвым камнем, то она показалась бы ему высочайшим достижением природного разума, поскольку оно способно двигаться и производить обмен веществ, в отличие от бездушного камня. Поэтому и современный массовый человек, сравнивая свои достижения с приматом, в первую очередь, конечно, в своей способности создавать научные технологии, мнит себя «разумным» существом. Но мы уже имеем в опыте истории философии оценку этого массового человека в философском наследии Ницше, когда человек новой модели цивилизации в образе сверхчеловека сравнивается у него с массовым человеком в образе примата. Другими словами, здесь исключительно важна начальная мера сравнения. Разговоры же о существовании какой-то мнимой «элиты» в современной цивилизации, которая существует независимо от процессов массового общества, — это иллюзия, поскольку следы влияния разумного человека на события в западноевропейской истории исчезли после второй мировой войны.

Мы полагаем, что события, происходящие на постсоветском пространстве после 91-го года, можно сравнить с распадом на ее территории Золотой Орды, когда отдельные племенные кланы начали борьбу за власть между собой. Понятно, что стравливание варваров, которое происходит на постсоветском пространстве под мифологическими заклинаниями о «российской угрозе» со стороны западноевропейской политики, предназначено для предотвращения возможного возникновения российской цивилизации. И действительно, когда определенная территория, на которой проживают народы, существует во власти Темных Веков, рассуждать здесь о каком-то самостоятельном рациональном проекте развития мировой цивилизации не приходится. Возможность существования самостоятельного рационального проекта возникает только тогда, когда в ней возникает хотя бы минимальная взаимосвязь между разумными людьми, то есть они начинают влиять на политическую ситуацию хотя бы по минимуму по отношению к разуму.

Глава 8. Реальность фрактального подобия исторических процессов

Размышляя над основой рациональных коммуникаций в цивилизации, определяющих взаимосвязь человека с историческим прошлым и указывающим на его будущее, мы должны понимать, что культура, в отличие от цивилизации, всегда имеет дело с элементами реальности, в котором разума уже нет. В культуре основную функцию понимания выполняет абстрактный рассудок, чья деятельность направлена на то, чтобы минимизировать метафизическую реальность, то есть, фактически, метафизическую границу рациональных коммуникаций, а лучше, полностью ее ликвидировать. Подобная направленность деятельности рассудка обусловлена подсознательной активностью матриархальных инстинктов человека к самосохранению, то есть к устранению опасности, которая всегда присутствует в метафизической реальности. И если в начале становления модели мировой цивилизации метафизический мир максимально опасен, поскольку он практически не обжит с позиции рассудка, то в момент распада ее модели, то есть исчезновения метафизики мира, чувство опасности практически исчезает, вследствие чего абстрактный рассудок скользит по поверхности явлений, потеряв взаимосвязь с разумом. Поэтому идея о «смерти бога», высказанная Ницше столетие назад, определила феномен расовой катастрофы в истории человеческой цивилизации как исчезновение в ней какой-то взаимосвязи между разумными людьми.

Основная проблема становления российской цивилизации состоит в том, что в ее истории не были выработаны высшие ценности, определяющие самостоятельный путь индивидуальной модели исторического развития. Другими словами, в ней не существовало истории лигариристических союзов, в которых закладываются начальные элементы рациональных коммуникаций, разрушающих племенной характер человеческих отношений. Исторически, здесь не существовало того, что получило название в греческой истории как «спартанские союзы», а в западноевропейской истории как «рыцарские ордена». Ведь для того,

чтобы возникла самостоятельная модель цивилизации, необходима минимальная взаимосвязь между разумными людьми, которая формируется в замкнутых союзах, где действуют разумные импульсы исторической воли новой модели мировой цивилизации.

***

Поверхностный рассудок, утвердившийся на развалинах рациональных коммуникаций в массовой системе ценностей современных мегаполисов мира, немало потрудился, чтобы дискредитировать понятие «метафизическое». В первую очередь, подобная дискредитация была направлена на метафизику божественного мира, где просветители методически критиковали все, что может быть определено как «разумное», связанное с этой метафизикой. Но вместе с этой критикой метафизики как сферы божественного начала мира, можно заметить, что разумное, в целом, исчезло из повседневной жизни человека, когда все действия человека стали выполняться по схеме монотонности технологических процессов псевдоцивилизации. Фактически, человек культуры Просвещения добился того, к чему он стремился, то есть к полному слиянию с природой, однако при этом он почти полностью потерял свой индивидуальный разум.

Анализируя элементы новой модели мировой цивилизации, мы должны понимать, что ветхий завет веры в разум, заложенный западноевропейской научной метафизикой, уже прочно доминирует в системе массовой псевдоцивилизации в качестве отсчета механического времени. Время стало той определяющей магической силой, пронизывающей все действия массового человека, которая контролирует полностью всю его жизнь. Все цели и намерения человека отсчитываются строго по течению монотонности механического времени, которое, в свою очередь, сливается в нечто непостижимое с точки зрения известных теоретических построений научной мысли. Можно сказать, что метафизика времени — единственное, что связывает объективный разум человека с его прошлым и будущим в качестве разумного основания жизни. Здесь мы наблюдаем процесс, подобный тому, который происходил в момент исчезновения античной цивилизации, например, в исчез-

новении ее последнего живого проявления мысли, а именно в наследии философского учения неоплатонизма, когда оно обрывается в сфере мифологии, растворяясь в наступающих Темных Веках нового начала мировой цивилизации. Аналогичным образом, и последний живой импульс западноевропейской философии, обрывается в полумифологических рассуждениях Хайдеггера, где философия времени предстает некой иррациональной силой, обволакивающей существо человека спасительным туманом новой мифологической реальности. Можно сказать, анализируя рассуждения Хайдеггера, что время есть начало бытия, но постигнуть его нельзя, а можно рассуждать лишь о его непостижимости, экзистенции, исключая разумное понимание. Подобным образом, рассуждали и последние неоплатоники о едином боге, пытаясь, с одной стороны, каким-то образом найти компромисс его существования с существованием античных богов, а с другой, сблизить его понимание с достижениями греческой философии. Однако, очевидно, что любая традиция мысли остается «за бортом» понимания метафизики, обнаруживающейся в откровении нового мира, погружающего человека во мрак очередных Темных Веков в момент становления новой модели мировой цивилизации. Ведь любая традиция направлена на спасение человеческого существа от возможности познания наиболее разрушительных истин этого нового мира. С другой стороны, мы замечаем, что школа неоплатонизма имела огромное влияние на средневековую западноевропейскую школу мысли, поскольку Плотин сделал все необходимое, чтобы адаптировать наиболее значительные достижения греческой философии к новой модели мировой цивилизации. Подобную особенность философского наследия мы находим и у Ницше по отношению к формированию современной философской мысли.

***

Если мы будем искать основную психологическую особенность подобия различных Темных Веков мировой истории, то найдем ее в утрате субъективного разума человеком, что и приводит к этой кромешной тьме, которая обнаруживает себя как пустыня на месте существовавших ранее рациональных коммуникаций мировой цивилиза-

ции. В этом смысле, известное суждение Ницше «пустыня растет», мы должны уже трактовать, с позиции объективного исторического разума, как «пустыня везде». В первую очередь, речь идет о том, что исчезли самые элементарные рациональные взаимосвязи между людьми, когда все социальные представления стали мифологическими, причем эта мифология обосновывается известными заклипаниями современной массовой культуры: «наука доказала». Каким образом наука как оплот разума, стала источником потока мифологических представлений, еще следует понять, однако грубой ошибкой было бы полагать, как это делал Хайдеггер, что «наука не мыслит». Подобного рода попытка — отвечать на один миф — другим мифом, лишь еще больше запутывает понимание исторической ситуации, в которой оказалась современная цивилизация. В действительности же, мы должны осознавать, что почти тотальная утрата разума современной наукой, когда вся ее активность свелась к гонке за новыми технологиями, следует не из того, что «наука не мыслит», а из того, что исчезло метафизическое основание науки, заложенное первыми учеными метафизиками, вылившее в известную формулу Ницше «бог умер». Ведь все родоначальники науки, разработавшие ее фундамент, полагали, что разум и бог — суть грани одного большого пути познания. Но после научных экспериментов, доказывающих, например, что в результате научной техники клонирования — не бог, а сам человек, может создать другого человека, формула Ницше стала во многом разумно доказанной.

Вязкая, мутная жизнь, подобная жизни в канализации, характеризует социальное постсоветское пространство. При этом западноевропейской массовой идеологической системой создан миф о какой-то «виновности» русских в бедах других народов на постсоветском пространстве, хотя именно западноевропейская политика привела к «оранжевой» революции в России 17-го года, закончившийся в ней нашествием большевистской орды. Фактически, больше всех в этом нашествии пострадали именно русские, неся огромные потери в лице своей национальной элиты вплоть до нашего времени. Однако в силу отсутствия действия разумной индивидуальности в новейшей российской истории Темных Веков, максимальная актив-

ность низших человеческих инстинктов, тотально владеющих человеческой психикой, исключает разум в современной российской цивилизации как активную политическую силу. Иррациональные же политические силы, которые доминируют в российской истории, начиная с нашествия большевистской орды, не относятся к области разумных законов развития мировой цивилизации, хотя, конечно, относятся к области культуры, поскольку культура, в отличие от цивилизации, не требует отчетливости разумного понимания мира, довольствуясь разного рода мифологическими представлениями о реальности.

Размышляя над фрактальным подобием исторических процессов в мировой истории, мы замечаем, что принципиальный перелом от времени Темных Веков — к Средневековью происходит в качестве заключения морального договора в среде разумных людей, который удовлетворяет исторической ситуации своего времени. Но что это за договор, если позиция субъективного разума учит о существовании человека по ту сторону от добра и зла? Здесь мы должны понимать, что моральный принцип цивилизации всегда отображает меру метафизического мира, который определяет историческую активность разумной воли человека в определенную эпоху. А таковой, в наше историческое время, является граница между животными влечениями человеческой психики, из которой формируется массовая душа, и высшими слоями человеческой психики, из которых формируются импульсы воли. Для нас, в этом смысле, очевидно, что подсознательной основой разума в человеческой душе, которая формирует метафизическую интуицию реальности, является подсознательный инстинкт смерти человека. Другими словами, мы должны осознавать, что культура — это всегда определенные социальные инстинкты человека, тогда как цивилизация — это всегда его разумная историческая воля.

Особенностью подобия фрактальных политических структур в мировой истории Темных Веков является их специфический *Blitum*: как качества человека, доминирующего в культуре этого исторического времени, так и качества ценностей, где воля бездействует, а животные влечения приобретают абсолютную власть над человеческой душой. Ведь особенностью подсознательных влечений че-

ловека является то, что они живые, то есть постоянно вовлекают сознание человека в сферу непосредственных чувственных ассоциаций. Именно эта живость человеческой души, о которой впервые стал рассуждать Юм в английской философии, и стала тем рассадником низшего человеческого существа, опирающегося на тотальный миф единственности эмпирической достоверности мира. Именно на этой почве и произрастает та живость массовых ценностей, которая исключает разум в современной активности мировой псевдоцивилизации. Можно сказать, что массовая культура — это тотальный мусор, сорняк, который всегда активизируется тогда, когда разумная воля человека ослабевает в исторических процессах. Эта историческая эпоха становится именно *Blitum* Темных Веков мировой истории, то есть такой средой человеческих коммуникаций, в которой разум практически не существует. При этом, конечно, заклинания о необходимости существования «культуры», то есть системы мифологических представлений об окружающей реальности, присутствуют здесь в избытке, когда на этом мифологическом языке говорят одинаково: и в Америке, и в Азии, и в России, и в Африке, тогда как об отсутствии разума в непосредственной жизни человека не говорит никто. Этот мифологический язык стандартен: «инновации», «новые технологии», «экономическая целесообразность», «инвестиции» и тому подобное.

То принципиальное, что отличает эпоху Темных Веков от исторического времени, в котором каким-то минимальным образом присутствуют рациональные коммуникации, является наличие метафизической границы между людьми, которая показывает, что высшее начало в человеке имеет не животное происхождение. Понятно, что попытки найти метафизическую границу между человеком и животным на протяжении всего XX века в истории западноевропейской мысли закончились полным провалом, а потому мы и наблюдаем ту трагическую утрату в ней какой-то адекватности с разумными процессами мировой истории, которые происходят в Западной Европе в наше историческое время. Единственное, что осталось делать на фоне катастрофического исчезновения рациональных коммуникаций — это заниматься поверхностной болтов-

ней, возможность которой неограниченно предоставляют представления рассудка.

Глава 9. *Blitum* Темных Веков

Размышляя над переломным моментом: от истории Темных Веков — к Средневековому периоду мировой истории, мы обнаруживаем, что условием окончания этого «темного времени» является установление между людьми жесткой метафизической границы, показывающей, что человек — это не животное, что в нем есть нечто, что относится к области разумного мира. Понятны также и причины наступления очередных Темных Веков: их следует искать в исчерпании метафизических ресурсов воли, которая выражает активность разумных процессов мировой цивилизации на определенном историческом интервале времени. Самое мрачное, что в эпоху Темных Веков сам человек становится *Blitum* массовых ценностей. По-видимому, заметив этот феномен, когда массовое общество только начинало формироваться, Ницше утверждал, что человек — это то, что необходимо преодолеть, чтобы быть разумным существом. И, действительно, в коммуникациях массового общества мобильность человека требует чего-то крайне неполноценного, переустройства психики в сторону низшего животного существа, реагирующего исключительно либо биологически на происходящее, либо в качестве активности поверхностных представлений о реальности. То, что эти поверхностные представления, в частности, в научном мышлении, достигли исключительной силы абстракции — что до этого разуму? — ведь разум не абстракция, а выраженная в своей максимальной полноте в отображении метафизической границы основа бытия. Чистая абстракция — это прерогатива рассудка, а не разума, поэтому не случайно Гегель, как объективный рационалист, высказывался против тех, кто мыслит абстрактно. Чистая абстракция, по-видимому, начинает противостоять в истории разуму тогда, когда исчерпываются ресурсы человеческой воли в разумных процессах цивилизации, и тогда начинает доминировать начало человеческой души. Именно чистая абстракция мысли и есть культура, тогда как полно-

та жизни — это реальность цивилизации. Поэтому там, где господствует варварство, абстрактная культура способна создать миф о существовании цивилизации.

Чем является культура по отношению к объективному разуму? Мы полагаем, что она является имитацией веры в жизнь, когда таковая по существу отсутствует. Да, по существу, человеческой жизнью можно назвать мусор любого набора низших ценностей, но проблема состоит в том, что мусор низших ценностей — это именно *Blitum*, живой сорняк, обильно произрастающей в том месте, где исчезли разумные процессы мировой цивилизации, то есть, фактически, исчезло разумное усилие воли человека. Понятно, что активный сорняк жизни подбирает для активности своих коммуникаций соответствующую низшую природу человека, которая способна тотально блокировать разум, как в себе, так и в другом человеке. Именно так и формируется власть мифологии представлений, то есть исключение разумного существования человека в среде, где власть над его существом полностью захватывают влечения. То, что, например, в современном западноевропейском массовом обществе этот мусор низших ценностей размалеван яркими красками стремления к чувственному удовлетворению непосредственным восприятием жизни, доказывает лишь факт, что волевые начала психики здесь полностью иссякли. И действительно, многие исторические факторы указывают на фрактальное подобие процессов падения римской цивилизации в сравнении с современной западноевропейской цивилизацией. Но главная причина состоит все-таки в исчезновении метафизической границы между людьми, которая была заложена лигариистическими союзами в качестве определенной традиции рыцарских орденов, где существовали понятия о чести и долге перед высшим началом бытия. Ведь даже после исчезновения системы рыцарских союзов, опыт исторического прошлого удерживал в подсознательной памяти человека систему активности высшей человеческой психики, связанной с простейшими элементами заложенной рациональной системы коммуникаций.

Почему для нас принципиально выделение в процессах мировой истории таких политических образований как спартанские или рыцарские союзы? Момент выделения

подобных политических организаций является необходимым условием перехода от одной модели мировой цивилизации — к другой, когда происходит фрактальное течение ветвей топологии исторических событий, связанное со сворачиванием одной модели и возникновением принципиально новой модели. Основой этой необходимости является исчерпание ресурсов воли, определенной группы народов, находящихся долгое время в эпицентре мировых исторических событий, когда эта воля поддерживает внутренние рациональные процессы мировой цивилизации. Фактически, только воля способна обладать присутствием в онтологическом потоке времени в его полноте метафизического мира, тогда как влечения — это нечто, что относится исключительно к культуре, то есть к чему-то, так или иначе, массовому. Разумное понимание мира — это и есть цивилизация. Между разумными коммуникациями и массовой культурой существует бесконечная пропасть: когда, в первом случае, в пространстве между людьми действует импульс воли, а во втором случае, импульсы влечений. Фактически, если в первом случае, человек живет и действует, исходя из сознания первичности метафизического мира, то во втором случае, он ощущает себя только чем-то материальным, когда его цели и интересы не выходят за пределы непосредственного чувственного восприятия и рассудочных мыслей, проистекающих из первичности этого чувственного восприятия. В этом смысле, становится понятной субъективно рациональная позиция мысли Ницше о преодолении «человеческого», поскольку человек как конечное смертное существо не может быть высшей ценностью. Однако в системе массового общества мы наблюдаем прямо противоположное: именно человеческая жизнь является основой ее высшей социальной ценности.

Основной характеристикой эпохи Темных Веков является моральное дно, на которое опускается человеческая жизнь, лишенная разума. Но подобное моральное дно никак не мешает развитию научного прогресса, а в каком-то смысле даже ему способствует, поскольку наука в это историческое время практически полностью деградирует до развития различных технических разработок, концентрируя все умственные усилия человека лишь в области рассудка и непосредственного чувственного восприятия.

Ведь принципиальное отличие достижений научно-технологических от достижений фундаментальной науки состоит в том, что фундаментальная наука всегда имеет дело с какой-то философией нового взгляда человека на мир, в котором превосходство высших ценностей над низшими ценностями не подвергается сомнению. А новые научные технологии в своих достижениях всегда ограничиваются только изменением многообразия эмпирического знания человека, которое выражает лишь деятельность поверхностного человеческого рассудка. Для рассудка же очень важно исключить иерархию ценностей человеческой жизни, поскольку, в противном случае, он теряет возможность строительства единой системы понимания мира, в которой все опирается на определенные стереотипы представлений. В результате, в сравнении человека с животным миром, который не имеет культуры, человек, безусловно, очень выигрывает, однако подобное превосходство имеет очень косвенное отношение к разумным основаниям жизни.

То, что мы наблюдаем в качестве простейшей основы действия новой модели мировой цивилизации во мраке Темных Веков, так это синхронность внутренних процессов псевдоцивилизации на основании течения механического времени. Подобного рода зачатки новой модели мировой цивилизации в Темные Века характеризовались в судьбе германских варваров в качестве христианских храмов, когда они опоясали Западную Европу, объединяя неразумную жизнь варваров в нечто целое, где из этого мрака с трудом можно было увидеть тусклый свет исторического будущего. Впрочем, мы полагаем, что аналогичным образом развивалась и античная модель мировой цивилизации и арабская модель в свое историческое время, то есть в качестве первоначальной попытки: отделить зачаточные импульсы разумной воли человека от животной активности непосредственных племенных инстинктов. По крайней мере, так мы рассматриваем фрактальные зарисовки исторических событий мировой истории у Шпенглера, то есть в качестве единого фрактального рисунка топологических ветвей событий мировой истории.

Если мы будем искать ближайший фрактальный аналог современных событий в мировой истории нашему историческому времени, то обнаруживаем его в последних десяти-

тилетиях существования Византийской империи, когда эта империя распространила свое могущество за счет погружения человечества в некую буферную историческую эпоху между двумя классическими моделями: античной и западноевропейской. Эти две модели кардинально различались метафизической границей существования своих лигаристических союзов: ориентированных на политеистическую веру и на монотеистическую веру. Однако следует понимать, что вопрос веры, когда речь идет о базовой основе рациональных коммуникаций, уходит на второй план, поскольку она является вторичной по отношению к самой воли к власти как процессу начального обживания новейшей метафизической границы. Поэтому рассмотрение истории СССР в качестве зачаточной конструкции лигаристических союзов должно предполагать, что основные признаки лигаристического союза: существование «священной» коллективной собственности и военизированный образ жизни человека определяют это политическое образование как начальную фазу новой модели мировой цивилизации на ранней стадии ее образования. А, с другой стороны, мы видим, что современная стремительная деградация политической системы США определяется тем, что в ее истории никогда не существовала системы лигаристических союзов, в которых были бы заложены принципы рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Отсюда — та мифология ценностей «свободы», которую она пытается навязать всему миру.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ
МОДЕЛИ
СОВРЕМЕННОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

IV. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ НОВОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ

Глава 10. Метафизика границы разумного мира

Повторим, нашей позицией отношения к ценностям мировой истории и мировой цивилизации является объективный рациональный принцип. В этом смысле, мы противопоставляем ценностям культуры — ценности цивилизации. Другими словами, мы противопоставляем ценности человеческого рассудка, которые соответствуют ценностям культуры, — ценностям разума, которые по существу не могут быть только «человеческими», и, как следствие, социальными, поскольку их основа проистекает из метафизического начала мира. Здесь мы сталкиваемся с ложными представлениями современной мифологии массовой культуры, что метафизика — это обязательно что-то религиозное, проистекающими из стереотипов эпохи Просвещения, утвердившей свои ценности в противостоянии с многовековой школой схоластики. И лишь немецкая классическая философия пыталась преодолеть эти примитивные стереотипы конечных представлений рассудка эпохи Просвещения, ища различные методы примата разума над рассудком. Именно эти исследования давали возможность для развития мировой цивилизации вплоть до второй мировой войны. Поэтому основную идею Ницше о «смерти бога» мы должны рассматривать как окончание истории развития рациональных коммуникаций западноевропейского мира и, соответственно, как постановку вопроса о необходимости существования новой метафизической границы.

Как известно, основную проблему в определении объективности онтологии времени вызывало отчетливое определение субъективности как рационального подхода к метафизической границе, где ближе всего к пониманию ее сущности подошли Гуссерль и Хайдеггер. Однако их подход: чисто-научный или полумифологический, с учетом максимального приближения к рациональной структуре времени как онтологического феномена, все-таки не является подлинно философским с точки зрения субъективности понимания метафизики объекта. Ведь техника рассудка научного понимания все равно остается в пределах так или иначе исследуемого представления о феномене, за пределы которого не может выйти мышление, имеющего дело не с метафизикой, а с чисто человеческой логикой. Это особенно заметно в логических построениях Хайдеггера, который, в первую очередь, пытается выйти именно за пределы этой чисто человеческой логики, но, к сожалению, за счет новой мифологии, которая лишь спасает от влияния этой человеческой логики, не предлагая взамен какой-то рациональной позиции мысли.

Подлинно рациональной позицией субъективности понимания онтологии времени, которая существует в необходимости подхода к феномену его метафизической сущности, является идея Ницше о «смерти бога». Понятно, что необходимо отбросить в сторону примитивные представления, имеющие отношения к религиозной мифологии и вообще к религии. Разумный субъект, демонстрируемый Ницше в качестве субъекта исторического, оказывается перед истиной исчезновения метафизической границы как основы существования многовековой модели мировой цивилизации. В результате, объективная реальность расовой катастрофы, только намечаемая в его историческом исследовании на материале судьбы европейских народов, становится основой разумной субъективности новейшего исторического времени. Мы вообще не обнаруживаем до нашего объективного рационального понимания в философии Ницше в трудах его исследователей отчетливую позицию рациональной субъективности.

Причины, в силу которых Ницше был вынужден выйти за пределы научного подхода западноевропейской мысли к разумному пониманию мира, следует искать в непосред-

ственной реальности объективности расовой катастрофы, которую он почувствовал. Ницше, как мы видим по структуре его мысли, обращается к сфере подсознания и бессознательного человека, что является не случайным, поскольку его субъективной задачей было нахождение новой метафизической границы в глубинах человеческой психики. Именно здесь он обнаруживает то, что является базовой основой разума — волю к власти как основу исторических процессов цивилизации и, одновременно, как альтернативу власти влечений человеческой психики в пределах известной культуры. Впрочем, понятно, что эта линия мысли идет от Шопенгауэра, первого придавшего воле метафизическое содержание, однако Шопенгауэр все-таки остается в пределах конечных представлений рассудка. Чтобы понять, почему именно воля является производящей силой разумного отношения к миру на границе сознания и подсознания, необходимо противопоставить воле — влечение, действующее в человеческой психике из принципиально различных резервуаров бессознательной психики. Если воля черпает свои импульсы из подсознательного инстинкта смерти, то влечение — из подсознательного животного инстинкта самосохранения человека. Таким образом, человек является и животным, имеющим инстинкт самосохранения, и разумным субъектом, умеющим производить разумные действия воли на основании духовного опыта исторического прошлого.

***

Размышляя над метафизическим началом бытия, мы должны понимать, что это объективность, которая, одновременно, и определяет собой весь мир, во-первых, а во-вторых, не может быть материальной объективностью, что противоречило бы самому определению метафизического объекта. И если таким метафизическим началом до недавнего времени в истории мировой цивилизации было сознание бога, то новейшее историческое время таким метафизическим началом выражает свою онтологическую сущность. Мы видим, что синхронность всех действий людей в массовой цивилизации определяется ориентацией их сознания на течение времени, с одной стороны, с другой

стороны, никто не может указать на какой-то материальный образ времени.

Есть нечто общее, что сближает интуитивное ощущение метафизики времени и интуитивное метафизическое ощущение бога — это нечто максимально иррационально-разрушительное в глубинах человеческой психики, что определяет действие подсознательных импульсов воли человека. Так, в отличие от иррационального движения влечения, которое характеризует человека как биологическое животное, импульсы воли возникают не из инстинкта самосохранения, а из инстинкта смерти. Собственно, именно инстинкт смерти и указывает на наличие в человеческой психике духовного начала души, которое отображает движение онтологического потока времени как присутствия в сознании событий мировой истории. Математический же отсчет времени, который определяет ритм социальной организации массового общества, — это мифология времени, которая формируется не из онтологической структуры времени, а из рассудочного представления о нем как о некой геометрической линии, в которой точки механически складываются, создавая иллюзию его течения. Но время имеет фрактально-топологическую сущность, которая характеризует невозможность представления времени как прямой линии, то есть представление о времени как линейной функции — одно из принципиальных заблуждений, на котором строятся все традиционные представления о мировой истории.

Чтобы понять, почему время имеет не линейный, а фрактально-топологический характер, необходимо сравнить движение импульса воли и движение импульса человеческого влечения. Так, воля никогда не ограничивается только узко-человеческой динамикой психики, которая целиком и полностью направлена на чувственно воспринимаемый объект, как это имеет место в движении влечения. В ней всегда присутствует некая «рассеивающая» сила метафизического поля темпоральной реальности, которая взаимосвязана с подсознательной расовой памятью человека. В этом смысле, рациональные моральные принципы существуют не в каких-то нравоучениях, регламентирующих поведение человека в той или иной социальной ситуации, а в действии воли человека, которая

проистекает из подсознательного инстинкта смерти и, следовательно, не дает человеку реализовывать его подсознательные животные влечения, буквально «выжигая» их соприкосновением с метафизической границей. Другими словами, ограничительный моральный принцип действия воли является не социальным, а рационально метафизическим. Можно сказать, что дух мировой истории протекает в присутствии реальности воздействия высших ценностей на человека и, наоборот, исчезает, когда эти ценности перестают производиться в мировой цивилизации. В этом смысле, современная цивилизация может полагаться таковой только условно, то есть как некая буферная социально-политическая реальность, связывающая ее две принципиально различные рациональные исторические модели. Все же заклинания американской демократии о том, что она является оплотом современной цивилизации, в действительности являются не более чем мифологией массового сознания.

Если определить основное отличие существования человека в полноценной цивилизации от псевдоцивилизации, где существует только «культура», то речь должна идти об активности высшей психики, связанной с подсознательным инстинктом смерти, в первом случае, и об активности животного инстинкта самосохранения, во втором случае, в человеческой душе. Заметим, что речь идет именно о «душе», а не о «психике», поскольку человеческая душа есть метафизическая часть движения онтологического потока времени. В этом смысле идея о «воле к власти» равносильна новому типу метафизической реальности, протекающей в онтологическом потоке времени, в которой человеку будущего придется научиться строить новые политические структуры мировой цивилизации. Их принципиальное отличие от современных иррациональных структур массового общества, в которых присутствие разумного человека не предусмотрено, состоит в том, что метафизика времени имеет не линейный, а фрактальный характер течения, когда историческое событие является не продуктом математического отсчета времени, которое представляет человек, а мерой рационального взаимодействия людей на основе действия воли. В массовом обществе, человек — это животное, которое стоит на высшей

ступени эволюционного развития по теории Дарвина. Подобный принцип сравнения человека с чем-то низшим, то есть оценка его в системе низших ценностей, в принципе исключает оценку его как разумного существа, поскольку ясно, что сравнение с чем-то незначительным делает объект сравнения весомым. Но эта весомость испаряется, если попытаться искать историческую перспективу будущего развития мировой цивилизации в том состоянии, в котором она сейчас существует.

Мы должны понимать, что активизация воли происходит в человеческой жизни только тогда, когда существует метафизический объект, на который эта воля направлена. В противном случае, то есть в случае отсутствия метафизического объекта, в человеке действуют только влечения, которые взаимодействуют с определенной материальной реальностью. Вообще, в динамике влечения человек не выходит за пределы биологической активности своей души, какой бы меры сублимирования его влечению не достигали. Так, только воля к власти, действуя против власти влечений, способна определять, как непосредственную жизнь человека, так и все многообразие процессов мировой цивилизации. Именно такой метафизикой и является онтологический поток времени, пронизывающей все процессы мировой цивилизации. Другое дело, что этот онтологический поток времени воспринимается массовым человеком в максимально упрощенном виде, то есть в качестве представления о течении механического времени. Но подобного рода примитивизм всегда имеет место, когда зарождается новая модель мировой цивилизации. Упрощающее представление о метафизическом начале дает возможность максимально снизить уровень ощущения опасности, когда имеешь дело с метафизической реальностью. Именно поэтому в момент становления предшествующей модели мировой цивилизации, где метафизическим началом бытия полагался бог, строились различные религиозные храмы, чтобы создать ощущение спасения человека от разрушительного воздействия с новым метафизическим началом мира. Аналогичным образом, и в современном массовом обществе синхронное течение времени во всех социально-политических процессах демонстрирует ощущение «спа-

сения» в неуничтожимой сущности «матери» -природы от воздействия онтологического потока времени.

Культура, в отличие от цивилизации, строится на двух низших познавательных возможностях человека: непосредственном чувственном восприятии и поверхностном рассудке. Именно между ними формируется и разворачивается импульс влечения, сублимированный в той или иной мере социальной реальностью. Заметим, что речь идет именно об иерархическом взаимоотношении познавательных возможностей человека, когда разум не вписывается в явление культуры, поскольку импульс воли не направлен на сохранение достигнутого рубежа человеческих возможностей, а каждый раз направлен на его преодоление в активных исторических событиях мировой цивилизации. Другими словами, разум, в отличие от познавательных возможностей рассудка и непосредственного чувственного восприятия, всегда существует в авангарде исторических событий, указывая на стратегическую перспективу развития мировой цивилизации, тогда как рассудок действует в области уже известного знания. Известное же знание всегда описывается определенной системой представлений.

Глава 11. Субъективность и объективность полноценной метафизической меры

Как известно, одним из основных вопросов истории философии XX века был вопрос о поиске разумной субъективности, поскольку очевидно, что объективность мира, в том числе и метафизическая объективность, может быть постигнута только тогда, когда отчетливо определен субъект. С другой стороны, в метафизическом знании всегда существует иерархия, когда метафизическое знание предполагает иерархический принцип выстраивания познавательных возможностей человека от низшего — к высшему, то есть от непосредственности чувственного восприятия — к разумному пониманию.

Поскольку мировая история имеет фрактальный характер, то есть постоянно возвращается к определенному «рисунку» архитектоники исторических событий на

основании новой фрактальной структуры, мы должны осознавать, что исторические события нашего времени уже повторялись в прошлом. Принципиальным отличием прошлых исторических событий от современных, в нашем понимании, является новая основа рациональных коммуникаций между людьми — в качестве метафизической границы мира. Собственно, онтологический поток времени — это то единственное, что реализует суровую границу действия подсознательного инстинкта смерти человека с безумием массовых ценностей, которые стремительно ликвидируют последние остатки того, что когда-то полагалось разумным между людьми. Разумное, существовавшее в историческом прошлом, становится мифологическим в настоящем в силу полной обжитости рациональных коммуникаций через систему спасительных влечений, формирующих базу матриархальной психологии массовой культуры. Человеку в этой системе низших ценностей становится настолько «хорошо» и комфортно, что он полностью теряет в ней разум, становясь тем неразумным стадным животным, в котором выражается его массовое существо низших инстинктов. Таким образом, необходимостью исторического развития мировой цивилизации является постоянное обновление рациональных коммуникаций, которые постепенно «изнашиваются» до массовых коммуникаций, погружая процессы цивилизации в Темные Века. Это «изнашивание» происходит в силу того, что в процессе обживания рациональных коммуникаций в них исчезает чувство риска, которое всегда присутствует, когда действует импульс воли, вследствие чего в основе коммуникаций возникает активность сублимированных культурой влечений. Но в основе действия импульса воли существует не опыт культуры, а наоборот, то, что не имеет какого-то исторического опыта, поэтому это состояние риска в авангардных событиях мировой истории способны реализовывать только очень мужественные люди. Это та идея, которую с субъективно-рациональной позиции Ницше формулировал как «воля к власти». И действительно, если воля не властвует, то властвуют влечения, то есть многообразие низших ценностей, которые определяют историческое безвременье.

Воля к власти — это, собственно, и есть позиция субъективного разума в мировой истории, поскольку, в противном случае, максимально активируются влечения человека, то есть его неразумное животное существо. В этом смысле, уровень развития научно-технического прогресса является не критерием развития разума человека, а критерием возможностей его рассудка, которые ограничены системой его представлений о реальности. Можно сказать, что в ограниченности системы представлений рассудок человека движется по «кругу» в том смысле, что «новое» в его знании не выходит за определенные табу культуры. Табу же складываются в силу постоянного стремления матриархального начала человеческой души к самосохранению, то есть усилий по блокированию разрушительных импульсов воли, обусловленных разрушительным воздействием подсознательного инстинкта смерти.

Современные разговоры об обосновании того или иного суждения «научным методом» фрактально подобны требованиям, например, в средневековое время в схоластической философии обосновывать свои утверждения идеями из библейского откровения. Ведь принцип стабильности представлений средневекового человека полностью базировался на табу, которое запрещало сомневаться в библейских истинах. Аналогичным образом, мыслители эпохи Просвещения, критикуя догмы средневековых схоластов, постепенно создали предпосылку для возникновения новых догм, например, о совпадении научно-технического прогресса с историческим развитием мировой цивилизации. И если поздняя средневековая схоластика мысли оказалась не в состоянии выйти за пределы «круга» представлений рассудка, обусловленного библейским откровением, то новейшая мысль западноевропейской рациональной школы замкнулась на невозможности преодоления предпосылки, что разумное — это обязательно «научное». В действительности же, пытаться обосновать научным методом метафизическое начало бытия в эпоху Темных Веков — безнадежное дело, поскольку научный метод может быть эффективен только в определенную историческую эпоху, в которой рациональная модель цивилизации не только отработана в системе рациональных коммуникаций, но уже понемногу начинает приходить

в «негодность» в силу ослабления производства высших ценностей.

Субъект воли к власти присутствует в онтологическом потоке времени в качестве исторической реальности, то есть объективность исторического события определяется наличием или отсутствием ее реализации в качестве рациональных коммуникаций. Следует заметить, что современная реальность массовой псевдоцивилизации не дает нам примера действия воли, как разумного субъекта нигде в мире, а потому мы и констатируем, что современное историческое время — это время Темных Веков. Впрочем, минимальный запас прочности западноевропейской модели цивилизации, демонстрирующей в наше время примитивный оптимизм, продлевает эту агонию старых политических структур, в которых социум является одной из «высших ценностей». Мы же полагаем, что современные представления о ценности социума полностью противостоят идеи разумного существования человека в качестве его образа жизни, ориентированного на существование метафизической границы. Везде в непосредственном образе жизни массового человека мы встречаем исключительно ценности низшие, причем навязываемые не просто тотально, а с максимальной агрессивностью *Blitum* неполноценного образа жизни, чуждого разумным движениям человеческой души. Эти два начала активности человека в мире: влечения и воля — постоянно находятся в определенном противоборстве, когда влечения побуждают человека искать пути к самосохранению, а воля — к разумному познанию мира. Собственно, эти два полярно противоположных начала человеческой души: инстинкт самосохранения и стремление к разумному пониманию явлений, было замечено еще Платоном, когда он утверждал, что, первоначально, в момент своего появления человек был гермафродитом.

Понятно, что для развития собственной базы российской цивилизации необходима хотя бы минимальная взаимосвязь между разумными людьми, которая отсутствует полностью. Ведь невозможно же полагать мифологические представления об исторической реальности, которые доминируют в современной российской гуманитарной школе, какой-то системой рациональной мысли. В истори-

ческом смысле, после распада социалистического лагеря речь должна идти о какой-то племенной системе человеческих отношений, доминирующих в той или иной степени в среде различных народов, переживших большевистское нашествие. В этом смысле, практически все государства, возникшие из этого «лагеря», должны иметь приставку «квази», поскольку племенной элемент в них является основополагающим в человеческих коммуникациях. Поэтому все разговоры о «России» как о современном государстве на территории бывшего СССР, являются мифологией, направленной на то, чтобы отвлечь от реальной катастрофы, произошедшей здесь в XX веке.

***

В современной исторической реальности мы видим не систему функционирования какой-то рациональной модели цивилизации, а лишь примитивную мифологию сознания, навязываемую СМИ, которая рассчитана на полностью неразумного человека и которая поддерживается мифологией о наличии «разума» в научно-техническом прогрессе. Ведь миф — это то, что дает возможность избавиться от необходимости разумного понимания мировой истории и стратегии развития мировой цивилизации. Такого рода квазигосударственные образования всегда возникали после нашествия каких-то орд, например, дорийских орд — на микенское государство, или германских орд — на Римскую империю. Русский национальный элемент в этой социально-политической жизни практически отсутствует на фоне дикости человеческой души, как, впрочем, и на всей территории бывшего социалистического лагеря отсутствует полноценный национальный элемент других народов.

Размышляя над началом формирования самостоятельной модели цивилизации, где существует элементарная взаимосвязь разумных субъектов, мы должны понимать, что речь должна идти о пространстве ценностей, где нет мифологии разного рода представлений. И здесь не принципиально, какого рода эта мифология: религиозного или научного направления, главное, что разум необходимо должен присутствовать в коммуникациях между людьми в качестве свободного от разного рода мифов пространст-

ве ценностей. Но массовая культура, как мы видим, является тем буферным пространством между двумя моделями цивилизаций, где одна модель фактически закончила свое существование, а вторая почти не начинала его. Так, к новой модели развития цивилизации можно, конечно, отнести такие процессы, как развитие научно-технического прогресса или нашествия разного рода орд, таких как большевистская орда или красных кхмеров, но явление нашествий этих национальных анклавов все-таки следует относить к процессам расовой катастрофы. Ведь варвары не способны создавать новую модель цивилизации, поскольку не способны выражать какие-то признаки субъективного разума. Они могут проявлять агрессию, пугая мир своей непредсказуемостью действий, однако это не стратегия новой цивилизации, а лишь иррационализм неразумной человеческой души, в которой отсутствует разумная воля к власти. Новая модель цивилизации возникает тогда, когда есть какие-то минимальные высшие ценности жизни, не относящиеся к мусору неразумной человеческой души.

Размышляя над историческим смыслом действия в системе рациональных коммуникаций воли к власти, мы, в первую очередь, понимаем под этим субъективным выражением разума человека авангардный рубеж развития процессов мировой цивилизации, когда разумные политические силы указывают в ней на существование ее будущего. Если мы рассуждаем о новой модели мировой цивилизации на территории бывшего «социалистического лагеря», то подразумеваем под этим принципиально новые политические структуры, которые возникают в системе образования лигариристических союзов как зачаточных конструкций рациональных коммуникаций. Речь в этой системе должна идти о возникновении границы с диким существом человеческой души, доминирующем в пространстве Темных Веков. Понятно, что возникновение простейших рациональных коммуникаций в среде, где существует тотальный вакуум действия разума человека, предполагает нулевую историческую точку отсчета, европейский нигилизм. Но уже на уровне подсознания, мы обнаруживаем агрессивную позицию низших ценностей массового бессознательного, которая последовательно формируется массовой культурой неразумной жизни человека практи-

чески во всех мегаполисах мира. Впрочем, бессмысленно в этом кого-то винить, поскольку сворачивание одной модели развития мировой цивилизации и формирование ее новой модели предполагает, что в отличие от ценностей мировой культуры, эти процессы протекают в метафизическом пространстве. Это пространство характеризуется наличием разумной воли человека, то есть субъективной позицией разума, которая указывает на какой-то стратегический план будущего развития мировой цивилизации, а он требует ликвидации политических институтов, которые мешают развитию разума человека.

Можно выделить некоторые элементы будущей перспективы развития новой модели мировой цивилизации, которые обозначились в XX веке в качестве ее коммуникационной системы. Это, в первую очередь, влияние на непосредственную жизнь человека процесса освоения космического пространства, а также синхронности его действий по отношению к механическому времени. Последнее, следует рассматривать как определенного рода опыт традиции «ветхого завета» веры в разум, которая опиралась на научно-технический прогресс. И действительно, как только достижения разума переходят в область веры, он перестает быть разумом как таковым, то есть, фактически, разумное является разумным только до того момента, когда становится достоянием культуры, то есть начинает формировать представления человека.

Глава 12. Историческое время — это отображение уровня рациональных коммуникаций между людьми

Название учения «нигилизм» в философии Ницше имеет конкретный объективно-рациональный смысл. В нем речь идет об исторической катастрофе разрушения рациональных коммуникаций между людьми, действовавших в Западной Европе в последнее тысячелетие. А поскольку других рациональных коммуникаций последние века не существовало в среде других народов, то они были вынуждены подражать западноевропейской модели, потеряв разумную взаимосвязь вместе с ее разрушением. Так,

собственно, ничего не связывает в наше историческое время людей, обладающих разумом, поскольку массовое общество — это система коммуникаций, которая направлена на разрушение разумных движений человеческой души. А поскольку мы родились и выросли в эпоху нигилизма, испытав на себе всю полноту утраты связи с полноценной человеческой средой, в которой имеют место хотя бы минимальные проявления разума, то массовая травма психики — это то, что массово распространено в мегаполисах мира. Эта травма — результат разрушения патриархальной нормы жизни, когда вместо нее распространены различные матриархальные массовые социальные институты, цель которых — полностью ликвидировать все проявления человеческого разума. Появился даже термин поверхностного рассудка — «искусственный интеллект», то есть стремление неразумного человека создать техническое подобие поверхностной мысли в качестве механической системы. В этом смысле, Quasi Homo пытается изобрести свое подобие в качестве машины-животного. Это и есть реальность Темных Веков современной псевдоцивилизации.

Поскольку разумный человек оказался в пустыне Темных Веков нашего времени, где действует либо активность варваров, либо глубоких вырожденцев цивилизации, что, собственно, одно и то же по отношению к разуму, то он поставлен перед необходимостью создания новой системы рациональных коммуникаций. Следует заметить, что на бессознательном уровне эта система уже действует в синхронизации действий людей в массовом обществе в потоке механического времени. Однако механическое время — это то мифологическое восприятие времени, в котором человек является лишь биологической машиной, хотя с точки зрения объективного исторического разума он является фрактальной структурой материи, где материи, как таковой, минимум. Фрактальная структура, можно сказать, есть слабое отображение идеального мира, о которой впервые стал рассуждать Платон как о начале бытия. Другими словами, разграничение между миром идеальным и миром материальным проходит в строении фрактальной структуры, когда идеальный мир оказывается доступным для восприятия человека только в качестве определенного рода подобия. Характер подобия определя-

ется особенностью течения онтологического потока времени, который производит мир в качестве многослойной структуры человеческой памяти. Самая примитивная природа памяти — механическая, которая действует в системе бессознательно-биологических реакций человека, то есть, фактически, его животного существа, раскрывающегося в результате сублимирования в социальной культуре. Таким образом, характер восприятия человека прямо зависит от тех свойств его памяти, которые в нем активны. Механическая память работает на уровне влечений, поэтому современный массовый человек и воспринимает себя как животное, что высшая память, связанная с действием его воли, практически не работает. Воля в массовой культуре не нужна для активности человека, поскольку в ней центральным инстинктом является инстинкт самосохранения, который выражает матриархальные подсознательные движения человеческой психики. «Волей» в массовой культуре называется способность человека к биологическому выживанию с помощью разного рода технических средств, то есть прямо противоположное тому, что лежит в подсознательном импульсе воли.

Если воля человека бездействует, то исторические процессы прерываются, поскольку исчезают рациональные коммуникации между людьми, строящиеся на активности высшей расовой памяти человека, связывающего его с духом предков. В результате, человек становится тем массовым животным, которое периодически максимально активизируется в эпоху расовых катастроф мировой цивилизации. «Провал» процессов рациональной активности мировой цивилизации в Темные Века обусловлен исчезновением разумной стратегии ее развития, когда демократические ценности постепенно становятся ценностями охлократическими по своему качеству, в результате чего граница между варварством и разумным миром постепенно исчезает. Так разрушилась граница между исчезнувшей римской цивилизацией и наступающими германскими варварами, и также практически исчезла граница между современным западноевропейским миром и варварством, которое теснит этот мир как изнутри в качестве активности охлократии, так и извне в качестве огромного иммиграционного потока. Культура же, наоборот, расширяется,

становясь максимально влияющей, в отличие от цивилизации, в качестве активности все более примитивных ценностей, то есть в качестве того мирового «детского сада», который всегда появляется на развалинах мировой цивилизации, когда в ней исчезает система рациональных коммуникаций. Ведь разумные люди остаются в ней в полной изоляции.

Мы видим, что исчезновение рациональных коммуникаций цивилизации везде заполняется массовой культурой, где центральной движущей силой внутренних процессов псевдоцивилизации является торговля и производство. Так, кто не задействован в тотальной системе производства или его обслуживании, обречен, как минимум, на забвение, а, как максимум, на уничтожение, поскольку разум не предусмотрен в системе низших ценностей. В этой системе предусмотрены только ценности поверхностного рассудка, который определяется процессом сублимирования животных влечений под воздействием массовой культуры. Культура замещает исчезнувший разум через постоянно усиливающуюся активность производственных мощностей материального мира, направленных на то, чтобы не дать возможность сознанию сконцентрироваться на существовании разумного мира. Именно поэтому в современной науке была открыта фрактальная структура, то есть такая микро модель разумного мира, в которой необходима активизация подсознательной расовой памяти человека. И действительно, если внимательно созерцать фрактальную структуру, то можно заметить, как высшее подсознательное человека «высвечивается» наружу в качестве «размазывания» линейной перспективы мира в процессе созерцания. Можно сказать, что в момент созерцания метафизической фрактальной структуры онтологического потока времени человек смотрит вовнутрь себя как разумный субъект, где существует его разумное начало души, которое совершенно незнакомо, а главное, указывает не на спасение его человеческого существа, а на его гибель. Таким образом, принципиальное отличие новой модели цивилизации, которое формируется в наше историческое время в Темных Веках, от модели, которое доминировало последние два тысячелетия, — это то, что человек в ней не «спасается», а «гибнет». Правда, новейшая мифология

представлений псевдоцивилизации предлагает ему другой тип «спасения»: миф о неуничтожимой материи, в которую возвращается его смертное существо. Однако, в отличие от культивируемой патриархальной нормы жизни монотеистических религий, новейшая мифология «спасения» имеет матриархальный, а не патриархальный, принцип, когда «мать» — материя является спасительной силой, которая не требует активности волевого центра психики. Именно это животное существо человека, сублимированное массовой культурой, и становится той активной силой в современных иррациональных процессах массового общества, которая исключает патриархальную норму жизни, то есть полноценность человеческой души. Именно «бунт» матриархальной психологии человека против патриархальной нормы становится той схемой поведения в среде людей псевдоискусства и неразумной политической среды массового общества, которая исключает наличие полноценного человека в коммуникациях псевдоцивилизации. Понятно, что в этом смысле в варварской среде ситуация лучше, поскольку варварская душа защищена от деградации своим крайне примитивным строением. Однако проблема варварской души состоит в том, что, с другой стороны, она неспособна к восприятию разума, то есть к пониманию существа высших ценностей. Они для нее всегда кажутся чем-то слишком «абстрактными», поскольку для восприятия высших ценностей необходимо благородство человеческой души, полностью отсутствующее в варварской среде людей.

Если культура определяется матриархальными инстинктами к сохранению достигнутого в процессе цивилизации, то авангардные процессы развития цивилизации, наоборот, проявляются в первоначальном разрушении. Ведь даже нашествие варваров, которые стирают разрушенные рациональные коммуникации цивилизации, также следует рассматривать в качестве необходимого обновления внутренних политических процессов, когда первобытное существо человеческой души, лишённое разума, вырывается наружу. И первые христиане, и большевики — в России, и хунвейбины — в Китае, — все это начальный процесс формирования новой модели мировой цивилизации. Однако первоначальный порыв варваров, испытывающих эй-

форию от разрушения патриархальной нормы жизни, неизбежно заканчивается процессом расовой катастрофы, то есть фактическим исчезновением присутствия разумного человека в политической жизни мировой цивилизации. Это время определяется как историческое время Темных Веков, то есть как время доминирования тех политических сил массовой культуры, которые всеми средствами пытаются ликвидировать все признаки патриархальной нормы жизни человека. И если последние признаки разумного существования мировой цивилизации имели место в развитии научно-технического проекта, то наше историческое время демонстрирует практически тотальную власть низших ценностей массовой культуры, начиная от распространения индивидуальных гаджетов и заканчивая тотальным воздействием СМИ на сознание человека. Но научно-технический прогресс — это не разум, а рассудок, который мотивируется не потребностью в глубоком понимании мира, а лишь тем женским любопытством, которое скользит по поверхности явлений, не вникая в сущность их рационального содержания. Вообще, наблюдая над историческими изменениями коммуникаций в мировой цивилизации, мы замечаем, что их стратегия определяется фрактальной внутренней системой. Это то, что Платон определял, как наиболее важный признак в существовании идеи — меру целого, или так называемое «Единое». Для нас же, поскольку мы стоим на позиции объективного разума, речь идет о фрактальном единстве художественного рисунка бытия, который отсвечивается в осознанном действии воли человека, направленной на присутствие в метафизическом мире. А поскольку метафизический мир — это онтологический поток времени, то и воля человека, участвующая в этом потоке, выражает духовную сущность человека в отображении бессознательного потока расовой памяти. Можно сказать, что онтологический поток времени и расовое бессознательное — суть одно и то же, если мы пытаемся найти реальность духовной организации человеческой души.

***

Если искать причину массовой депрессии у современного человека, то она объясняется отсутствием каких-то

рациональных коммуникаций в массовом обществе, когда процессы псевдоцивилизации направлены только на его биологическое выживание. Так, постоянное внушение массовой культурой сознанию человека, что он является исключительно биологическим существом, фактически, приводит к тому, что индивидуальная воля человека исключается из процессов его повседневной жизни, где сублимированные влечения — единственное, что допускается в активности процессов псевдоцивилизации. Биологические влечения человека, в отличие от его воли, задействованы исключительно в сфере массовой культуры, поскольку массовая культура тотально исключает разумную субъективность, в первую очередь, в качестве причастности непосредственного образа жизни человека высшим ценностям. В качестве экспонатов исторического прошлого, упоминание о высших ценностях, безусловно, существует в массовой культуре, но таким образом, чтобы это воспоминание никак не повлияло на возможность его критического отношения к современному состоянию массового общества, которое практически полностью чуждо духу высших ценностей. Собственно, принципиальное отличие культуры — от цивилизации и состоит в том, что культура относится к истории как к «экспонату», тогда как мировая цивилизация демонстрирует свои достижения именно в качестве живого исторического духа. Можно сказать, что в отличие от влечения, какой бы степенью сублимирования оно не характеризовалось под воздействием массовой культуры, воля человека всегда заряжена определенной духовной энергией исторического события. В этом смысле, воля человека участвует в энергетическом потенциале бессознательного, которое определено его расовой составляющей, то есть взаимосвязью с духом предков. Вообще, размышляя над природой влечений человека, мы приходим к выводу, что под их влиянием человек всегда существует в бессознательном состоянии, где единственным выходом из него является поверхностная мысль рассудка, которая оперирует разного рода представлениями, которые исключают действие его субъективного разума.

В вопросе понимания существа исторического духа необходимо избавиться от предрассудков поверхностной рассудочной мысли, что речь обязательно идет о чем-то

религиозном. Здесь в очень большой степени работают стереотипы, сложившиеся под влиянием ценностей эпохи Просвещения, в которой все явления должны иметь исключительно чисто научное объяснение. В действительности же, мы должны возвратиться к пониманию духа у Платона, которое имеет очень мало отношения к монотеистической основе религиозных представлений, в которых дух имеет абсолютное превосходство над материей. В новейшем понимании философского знания, дух является свойством расовой памяти человека — постоянно возвращаться к потоку непрерывного созерцания единства фрактальной структуры мира. Сам процесс возврата имеет духовную природу действия человеческой души, получившей название в философии Ницше «вечное возвращение». Другое дело, что характер действия этого духа невозможно идентифицировать с известным пониманием духа в представлениях монотеистической традиции уже с точки зрения его нелинейного действия — как в событиях мировой истории, так и в непосредственной жизни человека, где влечения и воля постоянно демонстрируют то биологическую сущность человека, то его определенную духовную организацию души.

В известной формуле субъективного рационализма Ницше «бог умер», очевидно, мы не можем искать вслед за наивной позицией просветительской мысли примитивное богоборчество, как, впрочем, и вообще нечто относящееся к религиозному сознанию. Здесь мы должны искать последовательное развитие идей немецкого рационализма, одной из центральных задач которого было — установление иерархии между познавательными способностями человека, которые проецируются в систему рациональных коммуникаций. Собственно, эта идея Ницше относится к исчезновению всей целостности рационального знания, которое складывалось в качестве установления приоритета высших ценностей человеческой жизни — над низшими ценностями. Это только поверхностно-рассудочная мысль просветительской культуры, практически полностью ориентированной на развитие научно-технического прогресса, утверждала, что истинное может существовать только в научном знании. Такого рода позиция, ориентированная на технические возможности рассудка, не предполагает,

что сама техника рассудочных построений мысли ограничена возможностями представлений своей исторической эпохи. Диалектика же рационального мышления предполагает, что рассудочная мысль истинна настолько, насколько она соответствует духу своего времени, то есть направлена на участие воли человека в рациональных коммуникациях своей исторической эпохи. Однако, что делать человеку, если вокруг него существует практически полный вакуум иррациональных человеческих отношений, поддерживаемых тотальной системой низших ценностей? Здесь мы должны понимать, что существуют исторические эпохи, называемые «Темные века», в которых уровень рациональных коммуникаций равен практически нулю. С субъективно рациональной точки зрения, речь идет об эпохе нигилизма, то есть таком историческом времени, в котором объективно отсутствует возможность участия человека в рациональном существовании стратегического плана развития мировой цивилизации. Можно сказать, что в это историческое время старый стратегический план исчерпан, а новый еще не существует. Именно в это историческое время одним из самых важных моментов для дальнейшего развития мировой цивилизации является понимание метафизической границы начала бытия.

Если оценить судьбу мировой цивилизации в потоке иррациональных процессов, происходящих в России, то здесь мы наблюдаем попытку распавшихся кланов постбольшевистской орды имитировать некую преемственность русской истории. В этом процессе можно увидеть фрактальное подобие исторических событий, когда германские варвары, разрушившие Римскую империю, стали подражать ее прошлому. Ведь после ликвидации русской национальной элиты большевистскими ордами, доминирующий социально-политический тип человеческой психологии в России стал выражать ту варварскую сущность души, которая исключает принцип рациональных коммуникаций на подсознательном уровне, поскольку этот человеческий тип способен действовать только на уровне племенных инстинктов. Эти племенные инстинкты и являются основанием для «социальной» активности политической жизни в России на развалинах Российской империи.

***

Проблема понимания не «качества жизни», представления о которой навязывается массовой культурой сознанию человека, а качества ценностей, которые определяют существование рациональных коммуникаций как основание полноценного функционирования мировой цивилизации, лежит в исключительной живучести низших ценностей. Его понимание является доступным для всех, даже для слабоумных людей, а потому имеет такую жесткую системную основу представлений в низших ценностях массового общества. Фактически, массовая система ценностей формирует инфантильную психологию человека, поскольку культура является матриархальной психологической составляющей человеческой души, в которой действие воли сведено к минимуму действия сублимированного влечения. Эта биологическая машина, *Quasi Homo*, не нуждается в разуме, поскольку разум проистекает не из поверхностной любознательности, а из онтологической необходимости быть в соответствии с метафизической границей бытия. Понимание метафизической границы, на основании которой всегда существовали рациональные коммуникации мировой цивилизации, всегда ограничено для большинства людей, так как, в отличие от культуры, цивилизация не «спасает», ибо действие разума всегда разрушительно для конечных представлений рассудка. В отличие от религии, рациональные коммуникации мировой цивилизации не используют в своей системе психологию традиции, поскольку традиция строится исключительно на движении логики рассудка в системе каких-то известных представлений. Собственно, именно по этой причине рациональные коммуникации всегда предполагают какую-то мыслящую человеческую элиту в основе существования мировой цивилизации. Это то, что практически исчезло в ней после второй мировой войны.

IV. ТОПОЛОГИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОТОКА ВРЕМЕНИ В МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Глава 13. Фрактальная природа мировой истории

Особенностью жизни человека в Темные Века является практически тотальный мусор низших ценностей, когда сама жизнь человека становится мусором по отношению к разуму. Ведь человек, каждый день потребляющий низшие ценности массовой социальной системы мифологических представлений, постепенно перестает рационально мыслить, становясь иррациональной биологической машиной по выживанию.

Доверие между людьми, которое было заложено в системе лигаристических союзов, в первую очередь, в рыцарских орденах, строилось на метафизической границе, действующей в импульсе воли субъективного разума человека, опирающуюся на веру в бога. Философия европейского нигилизма заключается в том, что разрушена именно эта метафизическая граница, по которой распространялись рациональные коммуникации, начиная с эпохи раннего Средневековья и заканчивая второй мировой войной. Другими словами, разрушено именно элементарное доверие между людьми, какой-то минимум обращения человека к человеку на основании честолубия, которое характеризовало нравы аристократии. Ведь именно эпоха власти аристократии характеризуется моментом производства высших ценностей, которые являются необходимым условием существования рациональных коммуникаций и, сле-

довательно, условием существования самой мировой цивилизации.

Одним из важнейших моментов в понимании исторических процессов, протекающих в мировой цивилизации, является ее нелинейность. Этот феномен следует относить к фрактальной природе метафизической сущности времени, которая в свою очередь определяет подсознательные высшие свойства памяти человека, связанные с возможностью действия импульсов его индивидуальной воли. И если человеческий рассудок характеризуется свойствами памяти, которые определяются схематизмом технических возможностей логических операций мышления, то разум необходимо выражается в участии в своих суждениях всей полноты противоречивости непосредственной жизни как метафизического потока времени. Именно эта противоречивость выражает логику разума в качестве диалектики движения мысли в восприятии фрактальной метафизической картины мира.

То, что следует осознавать в момент формирования новой модели мировой цивилизации, — это историческую необходимость формирования базы лигаристического союза как зачаточной конструкции рациональных коммуникаций, первоначально, непосредственно в среде социально-племенных человеческих отношений. Так, явление агрессивной активности различных орд на территории разгромленных государств, следует рассматривать в качестве определенной «зачистки» онтологическим потоком времени социальных образований цивилизации, где рациональные коммуникации либо слишком слабы, либо полностью разложились, что в принципе одно и то же. Ведь распад рациональных коммуникаций всегда сопровождается резким усилением активности матриархальных нравов в среде людей, когда высшие ценности становятся слишком абстрактными, тогда как низшие ценности получают максимальную активность в массовом сознании. Поэтому нашествие большевистской орды на максимально ослабленные патриархальные связи Российской империи, которые именуется в современной официальной мифологической школе российской истории «переворотом», фактически, сформировало здесь ту матриархальную культуру, которая почти тотально доминирует с 17-го

года, исключая наличие в своей социально-политической системе разумного человека. Можно сказать, что условием включения в эту политическую систему является именно минимальная активность разумных движений психики, которая гарантируется исключительной активностью животного существа человека. Так устроена именно психология варварской души, чья основная особенность — подражание чужой модели цивилизации, с одной стороны, а с другой, агрессивная воинственность, за счет которой только и могут проявляться полусонные импульсы воли. Это состояние душевного склада в полной мере отражается на физиономии соответствующе политической «элиты» именно как тотальное отрицание разума в человеке. Ведь варварство — это не нечто статическое, что существовало только тысячелетия назад, а периодическое возвращение состояния человека, в котором он почти полностью теряет связь с разумными движениями души. Разумная же воля человека необходимо определяется достаточным благородством человеческой души, в котором выражается доверие человека — человеку. При этом нельзя полагать, что варварство в нелинейных процессах мировой истории существует тотально в эту историческую эпоху. Есть нечто, что всегда указывает на простейшие рациональные конструкции новой модели мировой цивилизации в Темные Века, будь то монотеистические храмы два тысячелетия назад или полная обусловленность жизни современного массового человека течением механического времени. Таким образом, рядом с варварством может существовать выдающиеся достижения архитектуры или науки. Другое дело, что главный критерий эпохи Темных Веков — это именно почти нулевая система рациональных коммуникаций между людьми.

Когда мы размышляем над рациональным содержанием учения нигилизма в философии Ницше, этого последнего опыта неклассической философии, но с классическим отношением к ценности рациональной мысли, то понимаем, что обратной стороной этого учения является преодоление нигилизма именно с позиции новейшего понимания сущности исторического разума. Ведь разум — это не расудочная схема, которая как машинный алгоритм задана на века. Разум — это, прежде всего, постижение бесконеч-

ной сложности жизни, которая обладает внутренним метафизическим содержанием. Это содержание определяет исторический ритм времени, в котором поток расового бессознательного пронизывает действия индивидуальной воли человека. Свойства расового бессознательного и есть, собственно, свойства высшей подсознательной памяти человека, определяющей движение импульсов его воли, в отличие от влечений, которые подчиняются механическому течению социальных и производственно-технологических процессов массового общества. Поэтому вся эта мифология жизни ценностей массового общества выражает лишь степень глубочайшего слабоумия человека, которое стремительно распространяется в последние десятилетия, уничтожая последние осколки рациональных коммуникаций, которые с трудом еще теплились в научной среде. Можно сказать, что наше историческое время продемонстрировало сущность нигилизма в полном его существе, когда все разумное оказалось зачищенным практически везде в процессах псевдоцивилизации, и везде в этой пустыне утвердилась та животная тупость жизни, которая допускает действие в своей системе ценностей только поверхностную мысль.

***

Как мы видим, в момент разрушения старой модели цивилизации, к которой принадлежала конструкция Российской империи, возникает племенной хаос, характеризующийся хаотической активностью варваров на развалинах старой государственной системы. Понятно, что в определенный момент, когда ресурсы государства разграблены, животный инстинкт выживания требует построения хотя бы варварского подобия старой государственной машины, что можно было наблюдать как после прихода к власти Сталина в советский период истории, так и в новейшее историческое время, когда СССР был разрушен перестроечной ордой. Главное, что мы не обнаруживаем даже намека на разумную субъективность в той социально-политической реальности, которая нас окружает. Впрочем, винить в этом самих людей, являющихся продуктом подобной политической системы, — дело неразумное, поскольку разумная среда требует наличия высших ценностей в исторической

памяти прошлого, которое не существует в истории государства Российского. А если отсутствует определенная высшая система ценностей, то и разум не может проявиться в субъективной жизни человека. С другой стороны, все-таки очевидно, что Российское государство было частью исторической мировой цивилизации, тогда как политическое образование, возникшее на ее развалинах с 17-го года, выпадает из исторической реальности, демонстрируя в этом смысле время Темных Веков.

Принципиальным отличием современного исторического времени Темных Веков от фрактально-подобного времени двухтысячелетней давности состоит в том, что умерла сама идея бога как метафизическая мера в разумном понимании мира. С другой стороны, также очевидно, что ощущение метафизической границы, на основе которой всегда строились рациональные коммуникации, является такой же важнейшей бессознательной потребностью человеческой жизни, как и ее физиологические потребности, поскольку только в этом случае проявляются какие-то разумные движения человеческой души. Ведь содержание рационального мышления заключается не в том, чтобы во что-то верить или рассуждать о чем-то с позиции представлений рассудка, а в том, чтобы быть по отношению к метафизической границе, которая определяет онтологическую сущность бытия, то есть черпать знания из его бесконечной сложности и бесконечной полноты.

Если мы оценим рациональную основу современной социально-политической модели российской государственности, то она представляет собой политическую модель эпохи Темных Веков. Так, с одной стороны, мы имеем дело с новейшей метафизической границей, которая исключительно активно функционировала в период существования СССР, а с другой стороны, имеет место попытка возвращения к метафизической границе, связанной с религиозным восприятием. Однако следует понимать, что именно метафизическая граница, связанная с сознанием божественного начала мира, а не вера в бога, была базой для строительства рациональных коммуникаций в Западной Европе, поэтому полагать, что религиозная вера может быть какой-то основой для существования цивилизации, бессмысленно. Основой существования российской цивили-

лизации может быть только онтологическая сущность времени, что показал исторический опыт СССР.

***

Если сравнивать переход: от эпохи Темных Веков — к Средневековью, то главным его критерием должно быть хотя бы минимальное доверие между людьми, которое предполагает начало формирования системы рациональных коммуникаций. Тотальная ложь эпохи Темных Веков, которая характеризует современный уровень развития российской цивилизации, связана не столько с тенденцией осознанной лжи, сколько с невозможностью неразумной человеческой души самостоятельно строить какую-то модель цивилизации. По этой причине почти полное подражание в попытках построения самостоятельной цивилизации она стремится выдавать за собственные «успехи» в этой области. Поэтому эпоха Темных Веков и характеризуется, в первую очередь, нулевым уровнем развития рациональной составляющей в непосредственном образе жизни человека, правда, указывая на огромный потенциал в историческом будущем с точки зрения подсознательных возможностей развития человека. Подобным образом протекала, например, и жизнь древних германцев на развалинах Римской империи, где они пытались подражать как историческому прошлому самой империи, так и соседствующей с ними Византией. Ведь понятно, что современная порода Шариковых и Швундеров, доминируя на развалинах Российской империи, имеет очень косвенное отношение к русской истории, как и германские варвары имели очень косвенное отношение к истории римской. Чтобы в варварской душе начало действовать разумное начало, необходимо существование хотя бы минимального доверия между людьми, которое, в свою очередь, может проявиться только при условии элементарного понимания исторической ситуации.

То, что перестало выражать рациональную конструкцию в современной основе цивилизации — это так называемый «системный» принцип. Рассудок, будучи зависимым средством познания от возможностей человеческих представлений, всегда ограничен конечностью системы этих представлений в попытках исключить все то, что эти

представления отрицает с точки зрения новейших исторических событий. Поэтому любая социальная система ценностей, постепенно складываясь в массовую систему, начинает исключать разумное существование человека. Причем, чем более жесткая эта система — тем более активно она отрицает возможность влияния исторического разума на свое существование. Понятно, что постепенно на службу этой замкнутой системе представлений приходит вера, как, например, в наше время уже необходимо без всяких обоснований полагать, что наука — это критерий всякой истинности, на чем базировались ценности эпохи Просвещения. То, что современная наука перестала выражать позиции разумных начал цивилизации, стало слишком очевидно, однако нельзя также не понимать, что научный принцип является определяющим с точки зрения самосохранения человека как биологического вида. Здесь мы находим фрактальное подобие, например, моменту перехода от начального влияния монотеистической религии — к «системе» канонических принципов, то есть к моменту от ее чисто патриархальной функции — к матриархальному началу с акцентом на идее спасения. Главное, что определяет новейшую сущность процессов мировой цивилизации — это то, что вера в разум должна выражаться не абстрактной позицией ценностей научного знания, а какой-то принципиально новой политической системой коммуникаций. Именно здесь возникает понимание исключительной ценности опыта языческой цивилизации, в которой моральное начало не было выделено в какие-то отдельные рассудочные принципы, однако действовало очень эффективно.

Таким образом, то, с чем сталкивается современный разумный человек в России — это почти полное отсутствие каких-то признаков цивилизации, при условии окружающей его разнообразной культуры: религиозной, научной или искусства. Ведь культура, в отличие от цивилизации, всегда определяется доминантой матриархального начала человеческой души. Поэтому единственным проявлением какой-то воли в Темные Века в среде варваров является воинственность, ибо это единственная возможность варварской души проявить свою волю, пусть даже на самом примитивном уровне. Во всем остальном она стремится

к матриархальному единству, которое наиболее отчетливо проявилось в советской культуре в мифологии «братства народов». Это понятно, поскольку что-то разумное эпоха Темных Веков не может предложить человеку, тогда как человек неразумный вполне довольствуется известными низшими ценностями, которые в большом выборе предоставляет ему массовая культура.

Глава 14.. Функции культуры и цивилизации

Условно, можно полагать, что основное противоречие между современной Россией и западным миром есть противоречие между почти тотальной матриархальной культурой и также почти тотальной матриархальной, но все-таки сохраняющий какой-то бесконечно слабый внутренний каркас, цивилизацией. Впрочем, по отношению к полноценной цивилизации — это уже не цивилизация, однако поскольку мифу о ее существовании отсутствует какая-то альтернатива в современном мире, она претендует на единственную существующую модель развития. Но есть одна глобальная проблема, которая едина практически для всех современных народов — утрата критерия полноценной человеческой психики, поскольку этот критерий всегда формировался во взаимодействии с метафизической границей мира. А метафизическая граница, в свою очередь, поддерживается исключительно усилиями цивилизации через действие рациональных коммуникаций. При этом очевидна ошибочность мифологических представлений массовой культуры, утверждающей, что цивилизация — это достижения научных технологий. Цивилизация, в нашем понимании, это, прежде всего, психическая норма человека, гарантирующая активность действия разума в его душе. Культура же, в отличие от цивилизации, не обладает внутренней жесткостью воли, чтобы диктовать полноценность человеческой психики. Поэтому в советское время, когда полноценная психика человека была практически ликвидирована, так много было идеологических разговоров о «культуре», в то время как научно-технологический прогресс был развит на достаточно высоком уровне.

Основная проблема современной исторической реальности в перспективе становления российской цивилизации — это именно отсутствие полноценной психической нормы человека, в которой хотя бы в некоторой степени был активен разум. Причем, если в западноевропейском мире, эта норма почти исчезла за счет исчерпания ее внутренних ресурсов, то есть, фактически, израсходована в авангардных событиях мировой истории, то в России она почти полностью заблокирована социально-политической реальностью, в которой она исключена как присутствие самостоятельной модели цивилизации. Ведь присутствие цивилизации определяется хотя бы минимумом влияния высших ценностей на образ жизни человека, что практически полностью отсутствует в современной России. Причины следует искать в том, что Российская империя, хотя и была частью мировой цивилизации, обладала в целом подражательным государственным механизмом, в котором полноценность человека была задействована по минимуму. Однако все-таки не следует сравнивать меру причастности разумной психологии человека: в Российской империи — и после событий 17-го года. Сравнение это может быть только в качестве, например, модели крито-микенской цивилизации и исторического времени племенного хаоса, возникшего на ее территории после нашествия дорийских орд. Так, если в Российской империи разум все-таки доминировал, правда, на самом зачаточном уровне, то после нашествия большевистских орд он практически исчез, а новое политическое образование больше напоминало Золотую орду по уровню рациональных коммуникаций. Но не следует забывать, что любые Темные Века являются началом формирования новой модели мировой цивилизации, поэтому политическая конструкция СССР должна быть оценена именно с этой точки зрения.

Анализируя опыт построения СССР, мы обнаруживаем ту зачаточную политическую конструкцию, которая предшествует возникновению новой модели мировой цивилизации, а именно — систему лигаристических союзов. Собственно, лигаристический союз — это такое политическое образование, в котором проявляется первый опыт функционирования новой модели цивилизации на самом примитивном уровне, то есть в момент, когда рациональ-

ные коммуникации еще отсутствуют, но переработка племенного инстинкта варвара уже началась. Здесь и опыт коллективной собственности, и суровый патриотизм, и жесткая дисциплина военизированного типа общины. При этом не стоит впадать в мифологические представления о Темных Веках, как о времени, в котором люди ходят в шкурах и едят полусырое мясо. В действительности, все сферы человеческой жизнедеятельности: наука, искусство, политическая и социальная активность, в них не прерываются, а исчезает лишь система рациональных коммуникаций, в которых существует сфера производства высших ценностей, взаимосвязанная с метафизическим началом бытия. Это метафизическое начало существует рядом, воздействуя на подсознание человека всей своей мощью, однако оно в полной мере непостижимо для него. Так, подобным образом и метафизическая сущность единого бога в Темные Века Европы присутствовало рядом, определяя жизнь варваров, однако не была частью процесса производства высших ценностей, поскольку единственное, что допускалось для понимания монотеистического начала бытия — это укрепление веры через библейские истины. Собственно, Средние века начинаются в истории Западной Европы только тогда, когда вера хотя бы частично уходит в сторону перед попыткой осмыслить библейские истины на уровне рассудка. Мы полагаем, что это связано с тем, что предназначение Средних Веков — заложить зачаточные конструкции рациональных коммуникации в качестве элементарного доверия человека — человеку.

Если в Темные Века два тысячелетия назад в Европе христианские храмы были той метафизической границей, по которой протекало смутное будущее мировой цивилизации, то в новейшее историческое время такой метафизической границей является онтологическая сущность времени. Так, не трудно заметить, что течение времени определяет практически все внутренние процессы современной псевдоцивилизации, оставаясь той непостижимой границей, которая воздействует на подсознательные импульсы человеческой воли на самом минимуме, то есть на уровне его сублимированных влечений. Собственно, массовая культура и есть мера сублимирования подсознательных влечений человека, в которых пролегает бесконечно малая

граница между его животным и разумным существом на уровне поверхностного рассудка. Другое дело, что по отношению к существованию высших ценностей эта граница практически не заметна, поскольку под воздействием высших ценностей разумная воля человека исключительно активна, производя рациональные коммуникации как власть разума в качестве субъекта исторических событий. И наоборот, в период активности разного рода человеческих масс и орд, власть разумного человека становится настолько слабой, что практически незаметна на фоне активности поверхностной рассудочной мысли, выдающей себя за нечто «разумное». В частности, это следует отнести и к марксистской теории. Ведь поверхностный рассудок очень активен именно в примитивной человеческой душе, которая практически незнакома с высшими ценностями, поэтому не имеет возможности классификации ценностей в принципе, сводя все ценности к индифферентному научному знанию как мере достижений мировой цивилизации. Понятно, что в такой системе ценностей иерархия исключена, ибо рассудок, в отличие от разума, не имеет возможностей для построения иерархии знания. В результате, процесс производства новых научных технологий для подобной мысли доступен, а фундаментальное научное знание — нет, ибо последнее возникает только при наличии в научной среде системы рациональных коммуникаций, где происходит процесс обсуждения новейших научных идей. Это объясняется тем, что фундаментальное научное знание является частью развития исторических событий, демонстрируя власть рациональных коммуникаций в процессах мировой цивилизации, тогда как научные технологии выражают лишь достижения культуры. Правда, например, в римской цивилизации, которая является цивилизацией в подлинном смысле этого слова, фундаментальная наука также практически отсутствовала, однако в римской цивилизации, зато в полной мере, от начала — до конца ее существования, присутствовала расовая составляющая воли как безусловный примат разума над рассудком. В этом смысле, можно сказать, что римская цивилизация очень долго сопротивлялась возникновению массовой культуры, которая, собственно, ее и ликвидировала, сопротивляясь за счет активности политической воли, где воля культивиро-

валась, в частности, в таких специфических мероприятиях как гладиаторские бои. В подобных мероприятиях контакт с инстинктом смерти напоминал зрителю о безусловном примате воли над спасительным инстинктом самосохранения, который определяет ценности массовой культуры. Понятно, что современная массовая культура диаметрально противоположна — римской массовой культуре именно в области меры активности человеческой воли, а потому распад западной цивилизации идет значительно быстрее, чем римской модели цивилизации.

С точки зрения высших ценностей, в наше время цивилизации не существует, поскольку отсутствует даже простейшая система рациональных коммуникаций. Существует очень хорошо отрепетированное массовое шоу мифологии существования цивилизации в западноевропейской культуре, которому подражают народы, до недавнего времени находящиеся под влиянием ее действующей модели. Таким образом, с точки зрения объективного исторического разума нас окружает псевдоцивилизация, которая чужда полноценной человеческой психики, и ситуация будет стремительно ухудшаться, поскольку хорошо отработанная мифология существования «демократического» общества не может скрыть очевидное — реальность его почти полной чуждости разуму. Ведь с позиции объективного исторического разума, цивилизация существует только до того момента, пока в ней присутствует разумная воля человека, то есть отчетливость стратегии разумного развития, связывающей ее прошлое и будущее. Мы видим, что когда исчезают последние элементы рациональных коммуникаций, то начинается шоу массовой культуры, направленной на то, чтобы убедить человека в наличии какого-то разумного плана развития цивилизации. В некотором смысле, можно полагать, что культура — это «мать», которая пытается «воспитывать» человека без «отца», то есть развивать в нем все свойства души, кроме ее разумных движений. В частности, именно на этом строилась идеология так называемого «мультикультурализма» в западноевропейской псевдоцивилизации по отношению к иммигрантам, которая привела к тем результатам, когда иммигранты почувствовали себя в большей степени хозяевами Европы, чем сами европейцы. Аналогичным образом,

погибла и римская цивилизация полтора тысячелетия назад, когда народы, существовавшие под властью модели ее развития, начали стекаться на ее территорию в тот момент, когда эта модель рухнула, то есть перестали функционировать рациональные коммуникации ее развития.

Таким образом, мы должны понимать, что функции культуры и цивилизации принципиально различны. Если функции культуры определяются подсознательным инстинктом самосохранения человека и, как следствие, концентрируются в системе его влечений, то функции цивилизации определяются подсознательным инстинктом смерти человека и, как следствие, его активностью его воли к власти. Собственно, воля необходимо существует только по отношению к определенной метафизической границе, которая указывает на наличие разума в непосредственном образе жизни человека. Следовательно, разум мы должны искать там, где есть проявление воли человека, а в самой воле — присутствие исторических процессов мировой цивилизации. Однако именно этой разумной воли мы и не обнаруживаем в современное историческое время, то есть, фактически, в событиях Темных Веков, а потому делаем вывод, что нас окружает система псевдоцивилизации, то есть имитация разума там, где его нет. А если разум отсутствует в коммуникационной системе мировой цивилизации, то и отсутствует какое-то историческое будущее, и практически нет связи с прошлым. Если же не видно исторического будущего, то человек неизбежно должен быть не более чем биологическим существом, то есть той неразумной материей, которая наделяет себя «разумом» исключительно по отношению к животному миру. Ведь метафизический мир подобному существу недоступен, поскольку оно имеет в своем арсенале средств познания только два инструмента: непосредственное чувственное восприятие и поверхностный рассудок.

***

Противопоставляя функции культуры и цивилизации, мы, с психологической точки зрения, противопоставляем импульсы человеческих влечений и волю человека, когда, первое, практически всегда ассоциируется с чем-то исключительно человеческим, а второе — с чем-то хотя бы по ми-

нимуму метафизическим, поскольку воля возникает только в реакции на метафизическую границу мира. Проблема современной псевдоцивилизации, которую называют «массовой цивилизацией», состоит в том, что в ней отсутствует полноценная активность метафизической границы. С другой стороны, так как цивилизация не может полностью исчезать, сжимаясь в определенный минимум своего присутствия в человеческой жизни, она все-таки должна как-то воздействовать на человека, что можно заметить в тотальном влиянии на образ жизни человека механического времени, на основе которого функционируют все процессы массового социума. В этом смысле, мы находим определенное подобие исторических процессов, например, перехода псевдоцивилизации античности — к монотеистическому миру, когда христианские храмы строились как в Византии, так и на территории германских варваров. Подобным же образом, синхронность действия процессов современной технократической псевдоцивилизации существует практически на всех континентах Земли, отгеснив все местные религии народов, медленно, но неуклонно сменяя их быт и нравы процессом формирования новой модели мировой цивилизации. При этом, очевидно, что «библией» новой веры в разум в наше время выступает эмпирическая наука, когда усомниться в истинности ее суждений стало равносильным стать изгоем в социуме. Так, в современной научной мифологии представлений нельзя сомневаться в том, что есть в собственных непосредственных чувствах человека, то есть сомневаться в реальности эмпирического мира, что может подорвать множество мифов, в частности о происхождении человека и Вселенной, на которых держится единая мифология современной массовой псевдоцивилизации.

Основным признаком отличия цивилизации от псевдоцивилизации является существование психической нормы человека. И здесь наивно полагать, что попытка влияния монотеистических религий на сознание человека поможет создать полноценную норму человека в качестве основы государства и семьи в наше историческое время в России или где-то еще. Проблема состоит в том, что психическая норма патриархальной жизни человека сложилась в другой модели цивилизации, тогда как новая модель, где мета-

физической границей является время, не дает возможности ей влиять на человека, если, конечно, речь не идет о какой-то отдаленной периферии ее существования. В силу этого, сравнивая процессы перехода от античной цивилизации — к монотеистической вере, можно было наблюдать, что старая вера еще несколько столетий поддерживала патриархальную норму жизни в народах, существующих на ее периферии. Аналогичным образом, мы видим, что и вера в разум, которая зародилась в западноевропейском мире, могла создать только внешнюю функциональность своего присутствия между людьми, а именно — в действии научно-технического прогресса, тогда как сама разумная индивидуальность человека как исторического существа оказалась вне этой иррациональной активности массового общества.

Принципиальное отличие существования цивилизации — от псевдоцивилизации состоит в отсутствии в псевдоцивилизации рациональных коммуникаций, когда сознание человека практически полностью заполнено мифологией об окружающем его мире. Такой новейшей мифологией нашего исторического времени является тотальный эмпиризм восприятия внешнего мира человека, тоталитарно навязываемый ему массовой культурой. Этот эмпиризм противостоит идеи метафизического мира, когда его власть над действиями человека в массовом обществе осуществляется за счет максимальной активизации его низших инстинктов. С другой стороны, нельзя не понимать объективной причины подобной власти: ее следует искать в необходимости хотя бы внешним образом напоминать человеку, что в его душе есть некое слабое подобие разума в качестве соприкосновения с научно-техническим прогрессом. Подобным образом действовали и начальные рациональные коммуникации в Темных Веках Западной Европы, когда в среде варваров, с одной стороны, почти потерявших взаимосвязь со старой верой, стали появляться христианские храмы как топологическое проникновение исторического опыта в нее осколков античной цивилизации. Также и на развалинах Российской империи мы наблюдаем, как после нашествия большевистской орды здесь были достигнуты выдающиеся результаты в области научно-технического прогресса на фоне непрерывной ма-

триархальной болтовни советской идеологии о «родине» и о необходимости строительства новой «культуры».

Стремительный процесс «обвала» функционирования западноевропейской цивилизации и возникновения из ее обломков псевдоцивилизации начался после второй мировой войны, когда разумная воля какой-то исторической перспективы существования западноевропейских наций практически исчезла. Именно с этого момента начинается процесс перехода исторических процессов мировой цивилизации в псевдоцивилизацию внеисторического содержания, лидером которой, как известно, является США. Уже в наше историческое время стало слишком очевидным, что разумной воли в Западной Европе не наблюдается, тогда как ее имитация в политике США остается только имитацией на фоне тотальной мифологизации сознания массового человека ценностями научно-технического прогресса.

Глава 15. Псевдоцивилизация как сфера действия рассудка

Очевидно, что исключительное влияние учения Фрейда в XX веке имело серьезные исторические причины. Ведь главный объект его исследований: подсознательные влечения в действии массового бессознательного — это, можно сказать, внутренний каркас псевдоцивилизации, ее «нервная система», на основе которой строятся современные коммуникации массового общества. В отличие от действия воли, человеческие влечения являются полностью продуктом природы, не относясь каким-то образом к метафизическому миру. Как мы видим, именно подсознательные движения человеческих влечений, сублимированные массовой социальной системой в движение построений мысли поверхностного рассудка, и создают поле действия псевдоцивилизации, то есть имитацию разума там, где его нет. Понятно, что эта мифология представлений массового общества, в которой основная функция состоит в том, чтобы не допустить действие разума человека, возникла из обломков рациональной модели западноевропейской цивилизации. Ее основные мифологические стереотипы представлений известны: научно-технический прогресс

как основа функционирования цивилизации и свобода человека как его высшая ценность в обществе. Собственно, миф и есть мусор, Blitum псевдоцивилизации, который указывает на ее историческое прошлое и настоящее со стороны рассудка. Ведь главной психологической особенностью поверхностного рассудка является стремление исключить ощущение опасности жизни, которое постоянно присутствует в действии воли человека, соприкасающейся с метафизической границей мира. При этом, вся мощь мифологии ценностей массового общества направлена на то, чтобы показать этот тотальный мусор человеческой жизни чем-то значительным. Но для этого необходимо вернуть человека к инфантильному состоянию души, которое может гарантировать только тотальное влияние матриархальной культуры. Культура, вообще, в целом, есть область матриархальной психологии, где вера во что-либо поддерживается определенным набором стереотипов представлений.

***

Мы не можем следовать за известной системой мифологических представлений о характере Темных Веков, которая полагает, что это отдаленное прошлое исторической цивилизации. В действительности, следуя оценке этой эпохи в философии истории Гегеля, мы должны понимать под Темными Веками историческое время, в котором тотально отсутствуют какие-то рациональные коммуникации между людьми. С психологической точки зрения, речь идет об отсутствии действия воли как бессознательной взаимосвязи с метафизическим началом мира, которое указывает на будущую стратегию развития мировой цивилизации. Поэтому все многообразие процессов цивилизации, связанное с выживанием человека и совершенствованием его технологических возможностей не прерывается, а продолжается и в Темные Века. Время имеет только один вид пространственной специфики метафизического восприятия — фрактальную структуру, в которой отображается архитектура бытия как художественный принцип целого. В силу этого, мировая история также отображается как фрактальная структура, где индивидуальность челове-

ка выявляется в качестве этой топологической «натянутасти» воли на метафизическую границу.

Размышляя над внутренней взаимосвязью процессов исторической цивилизации, мы понимаем, что она существует только тогда, когда в ней действует метафизическая граница, то есть способность человека проявлять свою разумную волю. Только в действии разумной воли человек выражает свою разумную индивидуальность как эффективное присутствие в мировой истории. В противном случае, его воля бездействует, а сознание заполнено разнообразным мусором низших ценностей. Так, мусор, или *Blitum* псевдоцивилизации, становится тотальной мифологией человеческой жизни, лишённой разума, но в полной мере активной в сфере рассудка, который структурирует человеческую жизнь в проекции на явления, где дух мировой истории отсутствует. Здесь очень показательны исторические представления рассудка с позиции человеческих влечений, когда история рассматривается чисто биологически, как это имеет место у Фрейда. Граница между человеком и его подсознательным животным инстинктом в системе влечений практически отсутствует, поскольку исключение метафизической границы, связанной с идеей бога, не предполагает, что может существовать какая-то другая метафизическая граница. Так развивается вообще система логических конструкций рассудка — в области представлений о чем-либо, не предполагая того, что требует логическая структура разума — первоначального разрыва между физическим и метафизическим миром. Ведь в подсознании человека этот разрыв существует в качестве различной психической энергии — воли и влечений, когда вторая — черпается исключительно из природы, а первая — из чего-то неприродного. Всегда в мировой истории неприродная психическая энергия относилась к сфере духа. Но если, следуя логике субъективного разума Ницше, «бог умер», умер ли дух в душе человека? Понятно, что ответ на последний вопрос требует принципиально нового понимания процессов мировой истории и понимания происхождения разума человека.

Размышляя над природой духа в человеческой душе, мы не можем встать на точку зрения чистой науки, поскольку наука — это область не высших ценностей, а сфера

познания, которая стоит рядом с разумом, иногда способствуя его развитию, а иногда, как показывает современные процессы мировой истории, и противостоит ему. Наука, как мы видим, почти каждый день в повседневной жизни человека, научилась имитировать разум, подменяя идею высших ценностей процессом конструирования технологических средств выживания человека как биологического существа. Этот взгляд на человека, как на чисто биологическое существо в мифологии современной эмпирической науки, утвердился в силу исчерпания метафизической границы, существовавшей в последние два тысячелетия под влиянием сознания божественного происхождения мира. Однако исчезновение этой регулирующей метафизической границы привело к разрушению внутренней системы рациональных коммуникаций в мировой цивилизации, когда в последние полвека она постепенно структурировалась в псевдоцивилизацию.

Понятно, что в системе функционирования псевдоцивилизации существуют ее анклавные территории, где мрачность Темных Веков ощущается наиболее остро. Мрачные лица, искаженные гримасой дикости — это реальность современной России, утратившей взаимосвязь с процессами мировой истории после нашествия большевистской орды. Попытка «изнасиловать» события мировой истории, которая наблюдается в современной «гуманитарной» школе российской мысли, где всеми средствами затушевывается русская национальная трагедия, приводит к процессу глубокой деградации человеческой природы, что можно было наблюдать на территории бывшей Российской империи, начиная с советской власти, когда идеология марксизма стала почти религией для освободившихся рабов на фоне почти полной ликвидации русской национальной элиты. С другой стороны, процесс перестройки рациональной модели мировой цивилизации всегда имеет определенное географическое пространство, где он происходит наиболее интенсивно. Это место определяется историческими причинами. Так, если процесс становления новой модели мировой цивилизации в Западной Европе два тысячелетия назад был вызван исчезновением модели античной цивилизации, то процесс становления новой модели мировой цивилизации на территории бывшей Российской империи

вызван практически полной ликвидацией системы рациональных коммуникаций после второй мировой войны в Западной Европе. Здесь следует понимать, что процесс формирования псевдоцивилизации на развалинах рациональной модели цивилизации происходит в качестве смещения ее географического места на территорию, куда перемещаются ее представители, лишенные воли, но продолжающие накопление знаний культуры. В этом смысле мы имеем исторически-фрактальное подобие: Византия — США, где известный опыт исторического знания поддается тщательной обработке рассудка. Принципиально новое знание возникнуть здесь не может, поскольку буферная модель цивилизации, или псевдоцивилизация, чужда разуму. Особенностью фрактального исторического подобия является то, что мозаика ее элементов архитектоники исторических событий в некотором смысле производит историческое прошлое в определенном рисунке. Другими словами, историческое время имеет фрактальную, а не линейную структуру, — этот момент крайне важен для понимания новой модели мировой цивилизации. Особенностью фрактального течения времени является момент исторического прошлого, и момент исторического будущего в уничтожении настоящего момента времени. Так, момент настоящего времени буквально «разъят» прошлым и будущим в ничтожество элементов происходящих событий, демонстрирующих историческую сущность идеи «вечного возвращения».

Размышляя над природой метафизического начала бытия, мы понимаем, что человек как разумный субъект мировой истории может существовать только по отношению к метафизической границе, показывающей, насколько его объективный разум способен действовать в соответствии с высшими, а не низшими, ценностями жизни. В противном случае, то есть в случае действия только низших ценностей в его непосредственном образе жизни, он является лишь биологическим существом, в котором рассудок направлен исключительно на его индивидуальное биологическое выживание. Вообще, размышляя над принципиальным различием между действием разума и действием его рассудка, мы указываем на принципиально различное действие воли человека и активностью его влечений. Так,

в первом случае, действие воли и, следовательно, индивидуального разума человека, происходит по отношению к метафизической границе мира, а во втором случае, действие влечений и, как следствие, действие его рассудка протекает в сфере социального пространства, которое практически полностью определяется инстинктом самосохранения. Можно сказать, что дистанция между позицией разума и позицией рассудка в системе ценностей человека значительно глубже, чем дистанция между позицией рассудка и непосредственного чувственного восприятия. Если границей между непосредственным чувственным восприятием и рассудком является сфера представлений, то есть способность абстрагироваться и систематизировать определенные наблюдения человека, его опыт и знания, то границей между непосредственным движением рассудочной мысли и определенным содержанием разумного образа мыслей всегда выступает диалектика мышления, то есть движение мысли во фрактальном пространстве бесконечного подобия элементов объективной действительности. Именно поэтому наиболее значительные философские труды, где выражалась позиция объективного разума, были написаны диалектическим методом: труды Гераклита, Платона и Гегеля. Собственно, диалектика рациональной мысли — это реальность выражения метафизической и физической границы мира, совпадающие в качестве измерения прошлым и будущим настоящего момента исторического времени. Именно поэтому прошлое, настоящее и будущее всегда «перемешаны» в подлинной исторической мысли, что время не является линейной перспективой рассудка, оперирующей конечными оценками рассудочных представлений, а движется таким образом, чтобы эти конечные представления разрушать по границе отображения метафизического мира. В этом смысле, диалектика рациональной мысли выражает определенную конструкцию фракталов реальности, где соприкасается физический и метафизический мир.

Мы видим, что в системе низших ценностей псевдоцивилизации ни прошлого, ни будущего не существует в ощущении жизни человека, а есть лишь настоящее, которое растянуто в представлении об истории материи, хотя материя не может иметь собственной истории, за исключе-

нием мифологической. Однако система низших ценностей массового общества — насквозь мифологична, где в этой системе представлений биологическое животное — «человек» появился в процессе эволюции материи. Так, мы видим, что эта мифология представлений о происхождении человека и Вселенной в массовом сознании фрактально подобна мифологическим представлениям о происхождении человека в религиозной доктрине. То, что обе эти доктрины пренебрегают своей противоположностью: бог как высшая духовная субстанция, полностью пренебрегающая материальным миром, и материя как единственно существующая реальность, отрицающая существование духа, — делает их слабыми в понимании реальности разумного мира. И действительно, любая противоположность бытия необходимо будет восстанавливать свои утраченные позиции: идет ли речь о духе или материи, причем, как мы видим по историческим событиям мировой истории, в авангарде разрушения осколков рациональных коммуникаций, всегда находятся рабы или варвары. Это объясняется равнодушием рабской и варварской души к высшим ценностям, поскольку подобный склад психики исключает разум. Ведь у власти в современной псевдоцивилизации во всем мире находятся силы почти тотально враждебные разуму, которые озабочены только одним — сохранением власти тотальной мифологии представлений.

Понятно, что понятия «рабский» и «варварский» не встраиваются в мифологическую систему представлений массового общества, поскольку система функционирования псевдоцивилизации не предполагает существование в себе разума, по отношению к которому явления называются своими именами. Так, рассудок псевдоцивилизации исключает существование в наше время человеческого варварства и рабского существа человека, поскольку утверждает, что подобные явления либо локальны, либо являются исключением в мире ценностей «свободного общества». Это стремление рассудка — исключить противоречия жизни, фактически, путем игнорирования реальности их существования, вызваны неспособностью рассудка, постигать противоречивую природу исторических событий. И действительно, наличие подлинной метафизической меры показывает ничтожество ценностей массового

общества, тогда как других доминирующих коммуникационных систем псевдоцивилизация не имеет. Собственно, постоянные разговоры о культуре во всем многообразии ее проявлений ведутся в СМИ, чтобы показать, что «все нормально», то есть внушить массовому сознанию представление о завершении мировой истории в создании современного «свободного» общества.

Для нас, очевидно, что цивилизация существует только тогда, когда в ней присутствуют рациональные коммуникации, то есть возможность человека проявлять свою индивидуальную разумную волю, а не только сублимированные влечения, возникающие под воздействием массовой культуры. Так, воля, в отличие от подсознательного влечения человека, отталкивается от метафизической границы мира, которую человек постоянно ощущает в качестве сознания конечности своей биологической природы. Можно, конечно, поддаться влиянию мифологии современной науки, приняв миф о том, что природа «мать» вечна, а потому не стоит беспокоиться о том, что человеческая жизнь конечна. Однако подобная мифология полностью исключает ответственность человека за свои поступки перед высшим началом бытия, то есть исключает его индивидуальную волю как проявление разумной индивидуальности. Мы не ошибемся, если оценим сущность современного поверхностного рассудка человека как ценности псевдоцивилизации, или культуры, тогда как сущность разума — как ценности цивилизации. Но уже в этой простой формуле понимания исторического времени становится понятно, что в современном политическом мире цивилизации не существует, тогда как псевдоцивилизация не предполагает в своем существовании разумных коммуникаций. Таким образом, разумный человек исключен как реальность из процессов современного политического мира.

VI. ВРЕМЯ КАК ФРАКТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Глава 16. Философия фрактального подобия

Когда мировая история в очередной раз втягивается в эпоху Темных Веков, образы и методы науки претерпевают глобальные изменения, поскольку научная мысль — это часть разумного мира, причем очень значительная. В этом смысле, научные представления о фрактальных структурах являются передним рубежом, как научного знания, так и современной метафизической мысли. В первую очередь, речь должна идти о том, что в свое время заметил еще Платон, разрабатывая свое учение об идеях, а именно о художественно-топологической картине бытия. Здесь следует заметить, что др. греческий логос кардинально отличается от механического разума западноевропейской модели цивилизации своей тотальной ориентацией на художественное строение мира. Другими словами, объективность и субъективность идеи Платона не обладает отчетливостью различий восприятия жесткой механической структуры, поскольку фрактальный принцип греческого мира исключает соприкосновение материальной реальности и идеи в силу их различной временной ориентации. Так, если материальный мир всегда направлен на настоящий момент времени, поскольку критерий существования материя — это ее непосредственное восприятие в чувствах человека, то мир идеальный — это всегда либо прошлое, либо, наоборот, историческое будущее, в которых контуры материального мира исчезают, а остается только память о чем-то нематериальном. Память об историческом прошлом, и интуиция исторического будущего — два необходимых момента в понимании структуры идеи разумного мира, которая имеет фрактальный характер.

Размышляя над природой времени, которую мы полагаем метафизической, фрактальная структура является для нас опорной конструкцией в восприятии бесконечно-малого момента настоящего времени, когда материальный мир, можно сказать, исчезает, будучи «зажатым» памятью прошлого и разрушительной силой влияния будущего. Принципиальным здесь должно быть понимание, что настоящее время, доказательством которого является материальный мир, является чем-то бесконечно малым по отношению к метафизической сущности времени, поскольку максимальное сосредоточение внимания на материальной объективности, в конечном счете, исключает субъективность разумного понимания мира. Однако именно эта иллюзия единственности существования материального мира и стала основой функционирования иррациональных процессов массовой псевдоцивилизации, присвоившей себе название «массовая цивилизация». В некотором смысле можно полагать эту псевдоцивилизацию определенным «буфером» между двумя полноценными моделями развития мировой цивилизации, но лишь в силу непрерывности развития ее внутренних процессов, когда бесконечное малое присутствие разума в ее связях рассматривается как все-таки минимальное присутствие поля цивилизации.

Мы видим, что в мировой истории человек периодически теряет разум, пытаясь сохранить знакомую систему представлений о мире, опираясь на средства его познания, которые кажутся ему в это историческое время наиболее удобными. В наше время таким наиболее удобным инструментом для доказательства «истинности» подобных представлений является научный аргумент. Однако научная аргументация используется исключительно на уровне рассудка. Место разумному человеку не предусмотрено в этой системе знания, а потому современная политическая модель псевдоцивилизации исключает даже минимальные разумные политические силы в своем существовании. Это и есть, собственно, культура, то есть мертвое пространство, в котором еще некоторое время назад был разум, а сейчас остались лишь обломки рациональных коммуникаций. Примером реальности рациональных коммуникаций и их имитации может служить наличие их в истории существ-

вования английской колониальной системы, с одной стороны, и отсутствия этих коммуникаций — в современной политической системе США, с другой. В системе исторического фрактального подобия мы находим этот рисунок в сравнении политической системы Римской империи, и ее имитации — в Византии. Наивно полагать, что рациональные коммуникации исчезают мгновенно как машинная система. Они являются проявлением воли человека, которая затухает очень медленно, поскольку человек до последнего момента стремится быть разумным существом, а не животным. В этом смысле, мы видим, что если, например, американская политическая система проявляет еще какие-то минимальные признаки разума до начала второй мировой войны, то после нее — его следы постепенно исчезают. И, в отличие от психологического состояния человека в Западной Европе, где была создана и реализована самостоятельная модель рациональных коммуникаций, служившая базовой основой функционирования мировой цивилизации, американская политическая модель с самого начала момента своего возникновения ориентировалась не на разум, а на рассудок. Именно так мы оцениваем с точки зрения объективного исторического разума ценности эпохи Просвещения, с ее культовым отношением к чувству личной человеческой свободы, этой основы всей исторической модели американской политической системы. Здесь мы находим фрактальное подобие веры в разум, связанной с достижениями научно-технического прогресса — с возникновением и утверждением христианской веры в языческом мире античной цивилизации, которая, фактически, стала концом существования ее политической модели в Римской империи. Аналогичным образом, и вера в разум, зародившаяся в системе ценностей западноевропейской модели цивилизации, подорвала основы христианской религии, в которой иерархия мира выстраивалась в соответствии с пониманием неравенства людей от природы, но равенства перед богом.

***

Как известно, одним из основных свойств структуры идеи у Платона является воспроизведение в ней различного подобия своего первообраза. Мы полагаем, что этим пер-

вообразом у Платона является метафизическая сущность времени, которая, собственно, есть время как фрактальная структура. Структурный элемент этой метафизики времени показывает, что мировая история, как собственно, и все в мире, — подобно, то есть постоянно повторяется в качестве определенного художественного рисунка целого. Это целое — и есть метафизическая сущность времени, определяющая границу между бытием и небытием. С другой стороны, граница по эту сторону от бытия, то есть небытие в образе бытия, выражается в качестве материального мира, который демонстрирует суть мертвое бытие, кажущееся живым в силу исключительной живости непосредственных чувственных восприятий человека, на которых строится вся система коммуникаций массового общества. В этом смысле, мы обнаруживаем фрактальное историческое подобие нашего исторического времени со временем первых веков христианской веры, когда человеческой душе еще очень далекой от понимания единого бога, строительство христианских храмов казалось сакральным действием, достаточным, чтобы прикоснуться к таинству происхождения мира и человека. Аналогичным образом, и попытка воспринимать время механически, вслед за эмпирической наукой, создает то ложное понимание разума, которое исключает метафизику мира, поскольку механическое восприятие времени — это то же самое, что вместо рациональной мысли использовать рассудочное представление. Только если два тысячелетия назад этим стереотипом в понимании бога были традиционные истины библейского откровения, то в наше время этим стереотипом понимания разума является вера в истины, излагаемые эмпирической наукой.

Отметим главное, что характеризует отличие фрактальной структуры — от структуры механической: в первом случае, мы имеем дело с метафизическим миром, во втором случае, исключительно с миром физическим. Впрочем, нельзя забывать, что известные законы Ньютона, прочно вошедшие в повседневную жизнь современного массового человека, также были для того времени новейшей метафизикой мира. Так, мы видим, что граница, которая полтысячи лет назад была метафизической, постепенно обживается человеком, переходя из авангардных по-

зиций разума в цивилизации в область привычных представлений культуры. Но культура всегда создает предпосылки для появления структур псевдоцивилизации. Ведь подлинная вера — это не когда человек рассуждает о ней, то есть это не культура, а когда он непосредственно касается метафизической границы, расширяя познавательные возможности разумного мира. Культура — это бесконечная скука от привычного и знакомого восприятия мира, в котором отсутствует чувство метафизической опасности касания его производящего начала. Поэтому разговоры о «культуре» в современной псевдоцивилизации направлены на то, чтобы отвлечь внимание от глобального характера современной расовой катастрофы, когда практически все связи между разумными людьми разрушены.

Таким образом, мы полагаем, что культура, как проявление активности рассудочных представлений в сознании человека, есть всегда тот или иной миф. Особенностью рассудка всегда является минимальное художественное восприятие, поскольку рассудок исключает противоречивость жизни, обусловленную ее сложным существованием в метафизической реальности. И действительно, это именно рассудок создал миф о минимальной рациональности художественного мира, поскольку в его системе ценностей все должно контролироваться непосредственным чувственным восприятием, исключающим действие метафизических структур. Вне непосредственности чувственного восприятия — иного мира не существует для представлений рассудка. Поэтому, отрицая существование бога как архаики метафизической границы старой модели мировой цивилизации, он, собственно, упраздняет и существование разума, которое может существовать только по отношению к метафизической границе. Время же, будучи онтологическим потоком, указывает на нематериальную реальность своего присутствия здесь и теперь, тотально определяя все многообразие активности человека, правда, по отношению к определенной мифологии времени, где оно воспринимается механически. Здесь не трудно найти историческую аналогию с восприятием единого бога в начале становления новой модели мировой цивилизации в момент гибели античного мира, когда он воспринимался как нечто бесконечно далекое в своем величии, но полностью опреде-

ляющее метафизическое начало существования человека. И если этой связью в начале христианской веры было библейское откровение, то в наше историческое время такой иррациональной связью между людьми в процессах псевдоцивилизации является синхронность действий людей в потоке механического времени. Но механическое время исключает духовное прошлое и духовное будущее человека, поскольку его сфера — миф о существовании «истории» материи, поэтому в низших ценностях бесконечного разнообразия материального мусора, которое псевдоцивилизация производит, места для присутствия разумного образа жизни человека не предусмотрено. Проблема состоит в том, что этот тотальный *Blitum*, который производит псевдоцивилизация, живой, поскольку его сфера проявления — человеческие влечения, максимально активизирующиеся в момент ослабления воли человека.

***

В новейшей позиции субъективного разума, которая была заявлена идеей Ницше о «смерти бога», речь идет именно об исчезновении старой метафизической границы в объективных процессах развития мировой цивилизации. После философии Ницше мы находим различные попытки найти какое-то основание существования человека по отношению к метафизической природе времени, например, у Гуссерля и Хайдеггера. Но первый, остается в пределах технических возможностей рассудка, пытаясь объяснить структуру феномена времени — научно, а второй, искажает субъективную позицию нового понимания разума у Ницше, оказываясь во власти мифологии понимания времени и бытия, а потому вообще теряет какую-то взаимосвязь с разумным пониманием мира. Следует отметить, что в современной истории философии Хайдеггер ближе всего подходит к необходимости осмысления времени как метафизической границы возникновения новой модели мировой цивилизации, но с «обратной» стороны, то есть со стороны попытки спасения от разрушительного воздействия новой метафизической границы на представления рассудка. В этом смысле, психоаналитическая теория Фрейда выглядит значительно глубокомысленнее философских усилий Гуссерля и Хайдеггера, поскольку демонстрирует анали-

тический материал бессознательного, хотя и матриархальных инстинктов человека, но зато полностью вовлеченных в сложную динамику жизни данного исторического момента времени, где прошлое и будущее «стянуто» топологией подсознательных массовых инстинктов, с целью — заново переосмыслить происхождение мира и человека. Следует помнить, что сам Фрейд это осознавал, полагая, что к разуму его теория имеет косвенное отношение, хотя сам разум должен находиться где-то «рядом».

Глава 17. Специфика сущности метафизического начала

Время, являясь метафизической границей бытия и небытия, показывает, что исторические процессы цивилизации являются таковыми только при условии, когда в них действует разумная воля человека. В противном случае, то есть в случае активности человеческих влечений, сублимированных в той или иной степени социальной культурой, исторические процессы как присутствие рациональных коммуникации между людьми исчезают. Возникает тот зловещий вакуум Темных Веков, где множество разнообразных мифов реальности становятся социально образующей системой человеческих отношений. В производстве современных мифов массовой культуры первую роль играет эмпирическое восприятие реальности, в которой существование метафизического мира исключено. Здесь необходимо понимать, что современная наука возникла как идеологическая сила, которая стремилась полностью ликвидировать мифологию метафизического мира, связанного с монотеистической религией. Иную, кроме как религиозную, она метафизику не признает, что обусловлено, собственно, ее фундаментальным обоснованием в материальных началах реальности. Предположение, что может существовать иная, кроме как религиозная или примыкающая к ней идеологически, метафизика, эмпирическая мысль исключает. Здесь действует инерция человеческих представлений, обусловленных активностью рассудка, который всегда стремится к сохранению социальной системы. Особенно последовательно в этом направлении рабо-

тал Кант, который постулировал существование бога в качестве необходимости существования общепризнанного морального договора. Однако здесь следует учитывать, что моральный договор всегда подкрепляется активным действием воли человека, которая, в свою очередь, может быть активна только по отношению к историческому событию. Не подкрепленный действием воли, моральный договор становится пустой абстракцией, материалом пустой болтовни, которую современные социальные работники в массовой культуре довели до уровня глубокого и, можно сказать, катастрофического слабоумия.

Размышляя над принципиальным отличием воли от влечения, мы должны понимать, что их психологическое отличие заключается в наличии риска для жизни человека, в первом случае, и в отсутствии этого риска, во втором. Так, воля активна только тогда, когда человеческая душа соприкасается с метафизической границей мира, тогда как влечение, наоборот, максимально активизируется при условии избегания соприкосновения с ней. Вообще, проявление воли требует проявления индивидуального начала человека, которое, в отличие от его массовых инстинктов, активизируется только при условии метафизической опасности для его существования. Фактически, речь идет о диаметрально противоположных предпосылках для первоначального импульса: воли и влечения. Аналогичным образом, и структуры цивилизации отличаются от структур массового социума этим критерием, то есть, в одном случае, требованием риска для человеческой жизни, а в другом, исключения этого риска. С другой стороны, в этом различии проявляется важнейшее условие для эффективности действия каких-то моральных норм между людьми, когда животные влечения ограничиваются не процессом сублимирования, а процессом активизации в человеческой душе энергии, которая прямо противоположна биологической энергии влечений — подсознательному инстинкту смерти. Именно в активности подсознательного инстинкта смерти мы должны искать то, что в истории мировой цивилизации действовало как энергия духовных ресурсов человеческой души. Так, в подсознательном инстинкте смерти человека обнаруживается психическая энергия небιологического характера, которая, тем не менее, несоизмеримо по сво-

ей интенсивности превышает энергию его биологических влечений. Эти небιологические ресурсы являются следствием активности его подсознательной расовой памяти, в которой действуют фрактальные свойства времени — структурировать человеческую психику в соответствие с процессом воспоминания подобия человеческой жизни опыту духа его предков. Здесь нельзя путать этот процесс с воздействием традиции, поскольку любая традиция ограничена системой конечных представлений рассудка, хотя, конечно, полноценная основа традиции как активная сила внутри цивилизации формируется именно этим процессом. В понимании фрактальных свойств времени речь идет о регулировании духовной энергией человека импульсов его воли — именно так необходимо понимать моральную составляющую учения Платона об идеях. Ведь одним из основных свойств действия идеального мира является принцип подобия, то есть наличия высшей разумной силы онтологического потока времени в каждом бесконечно малом элементе бытия как отображение первообраза — в образе. Очевидно, что это вполне языческое понимание идеи у Платона следует отличать от понимания духа в иудейской традиции, под влиянием которой сложилось его понимание в христианстве. В иудео-христианской мысли дух воспринимается как, в первую очередь, родовое воздействие памяти традиции, где индивидуальный момент личности вытекает в большей степени из матриархальной матрицы подсознания человека, формируя жесткий стереотип сознания первичности родовой культуры. У Платона же, наоборот, идея полагается структурой памяти патриархального типа, в которой дух выражается как мера активности воли человека, где родовой элемент, можно сказать, «пресекается» взаимодействием с чистым началом бытия во времени. Именно этот момент и был определяющей составляющей патриархального духа христианства, который практически иссяк в последнее столетие. Исчерпание этой меры метафизического начала и послужило причиной появления формулы Ницше «бог умер». Противопоставляя феномен культуры и цивилизации, мы все-таки не должны забывать, что в исторической действительности они являются чем-то целым, как аналогично целым являются действия рассудка и разума, если они прилагаются к како-

му-то полноценному объекту познанию. Однако, в случае направленности на объект неполноценный, например, на мифологию представлений, функции рассудка и разума резко различаются. Рассудок продолжает энергично обсуждать, анализировать и развивать представление о мифологической реальности, тогда как разум просто исчезает, поскольку его сущность проявляется только в полноценности суждения. Но как различить: мифологическую реальность от реальности разумной?

Главным признаком сущности метафизического мира является то, что его нельзя воспринять на «ощупь». При этом метафизическая реальность тотально влияет на жизнь человека во всех ее мелочах. Именно здесь мы обнаруживаем метафизическую сущность времени, ее тотальную власть над человеческой психикой, в первую очередь, через свойства высшей человеческой памяти. Высшая память человека — это и есть метафизическое воздействие времени на его психику, где настоящий момент времени обусловлен минимальным воздействием высшей памяти, поскольку стремится к измерению механического восприятия чувственных ассоциаций. Если же в культуре речь идет об историческом прошлом, то здесь начинают действовать ее мифологические представления, в которых прошлое мировой цивилизации обусловлено не разумными, а бытовыми потребностями. Здесь в полной мере проявляется ограниченность рассудка. Понятно, что сознание долга — этот определяющий принцип существования мировой цивилизации, действует только тогда, когда человек осознает свое присутствие по отношению к метафизической границе, поскольку он должен ощущать себя не только материальным существом, но и существом, которое имеет метафизическое происхождение. Ведь метафизическая граница является силой, регулирующей подсознательные моральные движения человеческой души, соприкасающиеся с глубинным существом его индивидуальности, показывая, насколько разумна его душа. Так, социальное во все исторические эпохи являлось лишь определенной мифологией конечных человеческих представлений о мире, демонстрирующих «обжитость» определенного рубежа развития мировой цивилизации, где активность воли человека затухает. Затухание активности воли необходимо сопровождается ростом ак-

тивности человеческих влечений, поскольку без воздействия метафизической границы на непосредственную жизнь человек становится биологическим существом, которое сохраняет лишь опыт достигнутых рациональных знаний цивилизации на уровне рассудка. Позиции разума в активности рассудка, ограниченного конечными представлениями, исключены, поскольку рассудок не способен производить новых идей, за счет которых, в свою очередь, развиваются внутренние процессы мировой цивилизации. Если провести границу между действием разумного поведения человека и его рассудочным поведением, то она будет пролетать в сфере активности его влечений, с одной стороны, и активности воли — с другой. Таким образом, уже на рассудочном уровне жизни человека мы обнаруживаем подсознательную потребность — возвратиться к спасительному существу природы, когда разумные импульсы души ослабевают. Но наивно полагать, что сублимированные влечения, формирующие представления массового сознания, относятся к сфере цивилизации. Массовое бессознательное — это область псевдоцивилизации, которая распространяется как раковая опухоль на обломках рациональных коммуникаций, имитируя их присутствие.

Мы полагаем, что псевдоцивилизация является определенным «буфером», связывающим две модели цивилизации в период распада рациональных коммуникаций между людьми в процессе расовой катастрофы. Так, распад рациональных коммуникаций, то есть причастность человека к высшим ценностям жизни, необходимо влечет за собой тотальную мифологизацию его представлений. Причем материалом этих многочисленных мифов является мусор от распавшихся рациональных коммуникаций, в которых еще некоторое время назад присутствовала разумная воля человека. Если, например, идея развития новых технологий еще два три столетия назад была движущей силой разумных политических сил мировой истории, то уже в XX веке это стало основой для возникновения различных мифологических учений о безграничных возможностях человека, опирающегося на научно-технический прогресс. Именно на эту мифологию опиралось коммунистическое учение, которое поразило воображение рабов и народов, практически не имевших отношения к высшим

ценностям мировой цивилизации. С другой стороны, очевидно, что для формирования новой модели мировой цивилизации в момент обновления метафизической границы мира необходимы свежие ресурсы человечества, которые обладают неистраченным потенциалом воли, чтобы строить эту новую модель. А эти ресурсы могут присутствовать только в такой человеческой среде, где воля либо вообще не участвовала в разумных процессах мировых исторических событий, либо участвовала в них косвенно. Именно эти процессы и характеризовали русскую историю до шестидесятилетия большевистской орды.

Понятно, что движения разного рода человеческих орд в истории мировой цивилизации нельзя оценивать только негативно, хотя для людей, которые причастны к высшим ценностям, присутствие в их среде равносильно смертному приговору. Эти неразумные человеческие массы расчищают пространство для формирования новых рациональных коммуникаций, когда для этого появляется историческая необходимость, которая, в свою очередь, есть влияние метафизической границы на повседневную жизнь человека. Аналогичным образом, мы рассматриваем и явление большевистской орды на развалинах Российской империи, закончившейся ликвидацией русской национальной элиты, а заодно и элиты других народов, проживающих в империи. Дальнейшие события, которые протекали на развалинах Российской империи, мы рассматриваем аналогично событиям, например, гибели микенской цивилизации под ударами дорийских орд. Понятно, что мы отвергаем многочисленные мифы, связанные с «великой революцией» и подобными историческими представлениями, которые были внедрены в рабские умы большевистскими вождями. Впрочем, не имеем мы иллюзий и по поводу нашего исторического времени, когда распад единого «социалистического лагеря» сравниваем с распадом единства Золотой орды, где русским патриотическим силам удалось лишь расколоть монолит этой орды, но отнюдь не ликвидировать последствия ее влияния на непосредственную жизнь человека в современной России. Ведь социально-политическая модель современной России исключает наличие в своей среде разумного человека, поскольку ведет свое происхождение не из политических институтов государства Российского, а из

активности большевистской орды. Впрочем, это легко заметить по кардинальному изменению человеческого архетипа после почти столетнего ига интернациональных анклавов наций, в том числе и анклавов русской нации, на развалинах Российской империи. Но нашей точкой отчета является не активность неразумной материи, которая доминирует на развалинах Российской империи, начиная с 17-го года, а процесс формирования новой модели мировой цивилизации. В этом смысле, мы должны понимать, что мировую цивилизацию создал разумный человек и что только власть разумного человека над процессами мировой цивилизации гарантирует ее существование. В противном случае, имеет место историческое безвременье, когда цивилизация деградирует до псевдоцивилизации, в которой различного рода мусор мифологических представлений определяет образ жизни человека.

С точки зрения разума, принципиального отличия между мифологией божественного откровения и мифологией веры в научно-технический прогресс не существует. Отличие состоит лишь в том, что первая мифология относится к старой модели мировой цивилизации, в качестве метафизической границы, а вторая мифология — это новейшие «достижения» рассудка, формирующего систему представлений в пределах массовой культуры. Понятно, что последняя мифология определяет массовое сознание тотально, и будет определять его в ближайшее время, поскольку это уже сложившаяся мифология веры в разум, которая полностью выражает систему поведения современного массового человека в действии его рассудочных представлений. Однако массовый человек не является разумным существом.

Глава 18. Структурообразующая функция времени

Мы знаем, что существовало много попыток найти альтернативу пониманию линейного процесса развития исторических событий мировой истории, когда, в основном, в качестве альтернативы, были предложены циклические схемы. Наиболее удачной и близкой к фрактальному пониманию исторических процессов является, в этом

смысле, историческая концепция Шпенглера. Однако цикличность в мировых процессах не может быть основой понимания разумных законов развития мировой цивилизации, поскольку любая цикличность выражает лишь зависимость человека от его природного, то есть, фактически, животного существа. Фрактальная сущность времени состоит в том, что вмещает в себя одновременно: и линейный аспект истории, и ее цикличность в качестве строения фрактальной структуры как принципа подобия. Собственно, такова метафизическая сущность времени, когда требует от человека его взаимосвязи с прошлым на основании авангардных идей современных проблем развития мировой цивилизации настоящего времени.

Утрата взаимосвязи сознания человека с метафизическим миром, которая характеризует распад рациональных коммуникаций, предполагает его неизбежную деградацию, поскольку для человека, в отличие от животного, существует бессознательная потребность активности разума, определяющая полноценные процессы течения его подсознательной психики, ориентированные на онтологический поток времени. Эти процессы, как мы полагаем, взаимосвязаны с активностью его воли. Но воля способна активизироваться в проекции на метафизическую границу мира, ибо для действия воли необходим риск жизни, отрицающий ценность биологического начала человека. Именно такой метафизической границей и была идея существования единого бога в рухнувшей модели мировой цивилизации. Поэтому мысль Ницше о «смерти бога» мы должны рассматривать не в качестве какой-то религиозной проблемы, а в качестве поиска нового метафизического начала мира.

Мировая история и ее объективное проявление — мировая цивилизация, принципиально отличаются от псевдоцивилизации и ее объективного пространства — исторического безвременья. Оно выражается в отрицании биологической ценности человеческой жизни по отношению к метафизическому началу мира с позиции существования мировой цивилизации. Так, можно сказать, что если в системе псевдоцивилизации импульс жизни человека отталкивается от физической реальности, то в цивилизации — от реальности метафизической. Очевидно, что и в истори-

ческое безвременье, то есть в сфере внутренних процессов псевдоцивилизации, присутствует активность метафизического начала. Но это присутствие активизирует волевые импульсы человека по минимуму, то есть ровно настолько, насколько необходимо для социальной активности рас-судка. Так, например, воздействовали на сознание челове-ка христианские церкви в Темные Века, когда активности воли хватало ровно настолько, чтобы вырабатывать агрес-сивные импульсы варварской души для защиты террито-рии проживания и реализации животной жажды жизни. Здесь, с одной стороны, старая метафизическая грани-ца почти не действовала, то есть вера в языческих богов, а, с другой стороны, новая вера, то есть вера в единого бога, была прерогативой очень узкого круга людей, почти никак не связанных друг с другом. Подобная же ситуация возникла на развалинах Российской империи после нашествия большевистской орды, когда разгром религиозной жизни и, фактически, ее полный запрет привел в советский пе-риод истории к тотальному распространению скрытого метафизического присутствия онтологического потока времени как структурообразующей системы. И хотя раци-ональных коммуникаций не может существовать в период Темного времени, в этот период истории идет процесс их скрытого формирования. Синхронность существования внутренних социальных и технологических процессов при советской власти на основе механического времени была одна из самых высоких после второй мировой войны по отношению к другим странам. Это было обусловлено тем, что разумная индивидуальность отрицалась, тогда как разум в зачаточной основе новой модели мировой цивилизации требовал максимальной мобилизации агрес-сивности воли для активности рассудка, который стремился раскрыться в военно-техническом потенциале. Вообще, необходимо осознавать, что в Темные Века минимум воли может достигаться только за счет агрессивного состояния нрава человека, поскольку при отсутствии рациональных коммуникаций на подобном историческом пространстве лишь военизированные коммуникации способны ограни-чить тотальное воздействие в человеческой душе живот-ных влечений. Эти коммуникации и поддерживали вну-треннюю структуру советской власти, возникшей из «рас-

плавления» большевистских орд воздействием расовой памяти, существующей на обломках Российской империи. Но следует понимать, что между исторической государственностью Российской империи и СССР существует бесконечная пропасть, поскольку Российская империя все-таки была частью цивилизованного мира в его исторической модели, правда, существовавшей на ее периферии, тогда как СССР был системой племенной, подобной Золотой Орде. С другой стороны, было бы легкомысленно не осознавать, что именно внутренние социальные коммуникации СССР были тем зачаточным началом новой модели мировой цивилизации, чья история начинается с этого почти тотального мрака человеческой жизни, где взаимосвязь между разумными людьми практически отсутствует. Ведь специфика варварского ума состоит в том, что он воспринимает разум вне индивидуального начала человеческой души, что демонстрировал миф о «коллективном разуме» в СССР. Понятно, что с момента распада СССР в этом смысле мало что изменилось, когда мифология представлений — это единственное, что существует в качестве реальности коммуникаций между людьми на постсоветском пространстве. Попытки ввести элементы православия и других религий в повседневную жизнь человека в наше время не могут оказать серьезного влияния на стремительный процесс его деградации, поскольку уничтожена элита нации во время нашествия большевистской орды, которая является носителем расовой памяти, передавая ее из поколения в поколение. В реальности мы наблюдаем несколько кусков разрозненных орд на территории бывшего соц.лагеря, начиная от восточноевропейских государств и заканчивая среднеазиатскими, чья «элита» власти умело натравливается на Россию в качестве главного врага прозападными политическими силами. Однако проблема состоит в том, что против российского влияния в мире выступает уже не цивилизации, а псевдоцивилизация, существующая в системе множества социальных мифов, где разумная индивидуальность исключается также, как и в России, но по другим историческим причинам.

Поскольку мы полагаем, что новая модель мировой цивилизации должна формироваться по отношению к метафизической сущности времени, мы должны сформулиро-

вать ее структурообразующую систему, которая указывает на предпосылку для формирования основы производства высших ценностей как базы функционирования мировой цивилизации. В противном случае, то есть в случае отсутствия производства высших ценностей, мы имеем то, что имеем, то есть полностью мифологическую природу представлений человека, где система низших ценностей создает политическое пространство, исключая наличие в себе разума. В этой системе остается только одно — процесс усиливающейся деградации человека как разумного существа на фоне быстро развивающегося научно-технического прогресса. И вообще, следует принципиально переосмыслить само философское понятие «система», которое сформировалось до открытия в современной математике структуры фрактала. Возможно, со временем мир фракталов станет обыденным представлением рассудка, каковым является современный мир массовой цивилизации, где метафизические законы Ньютона потеряли всякое метафизическое содержание, однако это произойдет только тогда, когда новое метафизическое пространство будет обжито разумной волей человека. В наше же историческое время, где модель новой цивилизации только смутно намечена потоком течения механического времени, в котором протекают процессы массовой псевдоцивилизации, фрактальная реальность присутствует только на самом зачаточном уровне. И здесь мы должны понимать, что феномен расы *Homo sapiens* — это явление не изменения анатомического строения человека в момент отделения его от человекообразной обезьяны, а феномен существования рациональных коммуникаций в человеческой среде, которые формируются разумной волей человека. Так, речь должна идти о наличии или отсутствии человеческой элиты внутри цивилизации, в которой доминируют разумные начала человеческой души. Впервые, с исторической точки зрения на этот феномен обратил внимание, как известно, О. Шпенглер. Массовое же бессознательное, как это убедительно показал Фрейд, связано не с разумом человека, а с его подсознательными влечениями, то есть с импульсами психики, которые практически не выражают волевого начала его разумной индивидуальности. То, что человеческая психика в момент расовой катастрофы возвращается к жи-

вотным импульсам души, сохраняя при этом технические возможности рассудка, еще требует отдельного научного исследования. Но уже стало слишком очевидно по катастрофическим политическим и социальным процессам по отношению к разуму, протекающим в современной массовой псевдоцивилизации, что раса *Homo sapiens* — это особенности психического состояния человека, кардинально меняющиеся в процессе развития мировой истории, а не статический момент анатомической трансформации человекообразной обезьяны в человека. Последнее, есть лишь один из многочисленных мифов.

Анализируя принципиальное отличие действия психической основы рассудка от психической основы разума, мы полагаем, что рассудок формируется системой влечений человека, тогда как разум — действием воли. А поскольку классическая западноевропейская философия формировалась за пределами понимания сложности процессов подсознательной человеческой психики, то ее философские разработки оказываются за пределами возможностей понимания подлинной сущности исторического разума, которая имеет место быть в мировой истории. Впрочем, было бы неразумно предъявлять какие-то претензии этой полноценной философии, которая решала те проблемы, которые ставила перед ней мировая история. Другое дело, что современная историческая ситуация требует разработки современной рациональной школы мысли, чем мы и занимаемся. Ведь философская мысль всегда отвечает на наиболее актуальные вопросы своего исторического времени, указывая на отчетливость субъективного и объективного разума своей исторической эпохи. Собственно, вопросы, которые ставит историческое время и есть метафизика времени.

Размышляя над моментом перехода метафизической границы в обыденность представлений рассудка, мы видим, что, например, признание английского языка международным средством общения обусловлено именно тем, что до недавнего времени метафизика воли определялась научными законами европейской науки. Так, именно для европейской научной мысли во многом разрабатывалась классическая западноевропейская философия, где опора на авторитет науки был определяющим. Только процесс распада рацио-

нальных коммуникаций западноевропейской цивилизации после второй мировой войны, фактически, стал распространять доминирующие позиции рассудка, который перестал нуждаться в метафизическом обосновании разума. В результате, для повседневной потребности в научно-технологических разработках массовой псевдоцивилизации оказались нужны только возможности рассудка, но не разума, поскольку разум существует лишь по отношению к метафизической границе. А эти повседневные потребности как раз и ограничивались научными законами, в первую очередь, Ньютона, который внес наибольший вклад в разработку начал западноевропейской науки. Вследствие этого, современная матриархальная психология, доминирующая в социально-массовых институтах западноевропейской цивилизации, использует исключительно бытовые схемы обыденных представлений о реальности, где отработанная метафизическая реальность стала физической реальностью повседневного быта человеческой жизни.

Вообще, размышляя над центральным тезисом Ницше о «смерти бога», мы понимаем, что проблема будущего развития мировой цивилизации состоит в объективной необходимости принципиально новой системы рациональных коммуникаций, которая должна опираться на метафизику времени также как она опиралась несколько тысячелетий на метафизику существования идеи божественного происхождения мира. Собственно, все аристократические высшие ценности прошлых тысячелетий вырабатывались из метафизической границы идеи божественного откровения мира, политеистической или монотеистической. Однако то, с чем столкнулся объективный разум современного исторического времени — граница метафизической сущности онтологического феномена времени, есть нечто кардинально иное. Проблема состоит в том, что по отношению к метафизической сущности времени разумная индивидуальность человека имеет кардинально иную природу, чем она имела в системе философского знания старой западноевропейской метафизической школы мысли. Именно эта кардинальная новизна разумной природы человека по отношению к метафизической сущности разума, и послужила причиной появления идеи «сверхчеловека» у Ницше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ФЕНОМЕН ПСЕВДОЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Истина есть великое слово и еще более великое дело. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь.

Гегель

---

¹ От греч. «pseudos» — ложный, вымышленный.

VII. ПОСЛЕДСТВИЯ ИЧЕЗНОВЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Глава 19. Мифология представлений псевдоцивилизации

Феномен псевдоцивилизации заключается в том, что интенсивный рост информационного знания культуры практически не касается разумного начала жизни человека, поскольку обусловлен ограниченными возможностями рассудка. Здесь следует заметить, что на ограниченные возможности человеческого рассудка обратил внимание еще Кант, указав на трансцендентальный мир идей как сферу существования разума, используя метод доказательства от противного. Однако математика в качестве средства философского обоснования знания способна быть эффективна только в исторический период достаточно прочного существования рациональных коммуникаций в мировой цивилизации, то есть в момент, когда вопрос о метафизическом начале бытия не вызывает каких-то сомнений. Так, отсылая к постулату о существовании бога, Кант обладает возможностью исследовать метафизическую природу бытия, опираясь на исторически обжитую метафизическую границу мира. Иная ситуация для философского мышления существует в момент распада старой модели мировой цивилизации и становления ее новой модели, когда метафизическая граница кардинально меняется. В это историческое время все существующее знание становится исключительно шатким, поскольку разумная воля человека ослабевает, а влечения, в какой бы степени они не были сублимированы культурой, формируют рассудок, который не проникает в существо разумного мира, оставляя психическую энергию человека в полуживотном

состоянии. В результате, сознание человека становится насквозь мифологизированным в том смысле, что, утратив взаимосвязь с разумным началом бытия, в нем доминируют представления, в которых высшей ценностью является биологическое существование человека. Наивно полагать, что миф о происхождении человека от примата является единственным мифом в мировой истории, когда человек теряет взаимосвязь с разумным миром, представляя себя исключительно животным существом. Тотальный биологизм человеческого существования всегда начинается преобладать, когда одна модель мировой цивилизации перестала существовать, а новая еще не сформировалась. В этот момент, метафизическая сущность мира становится бесконечно малой в повседневной жизни человека, влияя на нее косвенным образом. И вообще, новая метафизическая сущность мира распространяет свою власть очень медленно, поскольку труднее всего преодолеть инерцию старых представлений о мире. В этот исторический момент: перехода от одной модели существования — к другой, цивилизация трансформируется в псевдоцивилизацию, когда процесс производства высших ценностей пресекается, поскольку он существует только при условии существования хотя бы минимума рациональных коммуникаций между людьми. Собственно, отличие цивилизации от псевдоцивилизации состоит в том, что в системе псевдоцивилизации разумное начало исчезает из непосредственности человеческой жизни, в результате чего сознание человека полностью мифологизируется различными представлениями за пределами разумного мира. В этом смысле, моральное является чем-то совершенно иным, чем набором каких-то этических правил поведения, определяемых социальной системой. С метафизической точки зрения, разумное в морали определяется в качестве того, что, наоборот, ликвидирует коммуникации между людьми, которые построены на иррациональном мусоре мифологических представлений. Именно этот *Blitum* массовой культуры и становится устойчивой базой низших ценностей псевдоцивилизации.

Главным критерием перехода разумной жизни человека в цивилизации — к иррациональному образу жизни в псевдоцивилизации является исчезновение метафизи-

ческой границы, по отношению к которой активна разумная воля человека. Например, если последние века вполне обоснованное доминирование ценностей европейской цивилизации было обусловлено активностью разумной воли человека, которая выражалась в научном освоении мира, распространяющимся через технический прогресс, где научные законы полагались постижением его божественного происхождения, то в наше историческое безвременье эта метафизическая граница исчезла. Вместо нее осталось лишь женское любопытство человека Темных Веков, поскольку, фактически, философское обоснование европейской науки уже не удовлетворяет новейшим научным открытиям, где функции самого бога как-то незаметно перешли к самому человеку. И если еще столетие назад можно было ощущать полноценность жизни человека, проистекающую из веры в будущее, когда это будущее существовало, то современные процессы псевдоцивилизации демонстрируют прямо противоположное — отсутствие этой веры, поскольку полноценная цивилизация — это не мифология представлений, а действие здесь и теперь разумной воли человека.

Одним из основных критериев перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации является разрушение принципов патриархальной психологии человека и, как следствие, становление доминирующих позиций матриархата. Речь идет о ликвидации позиций разумной воли человека и возникновении психологии массового «детского сада», в которой для взрослого человека исключается возможность отвечать за собственные поступки, поскольку эти поступки могут существовать только при условии действия у него разумной воли. Псевдодемократия западноевропейского мира, вместо ответственности человека за свои индивидуальные поступки предлагает ему во всем видеть «игру». Эта «игра» во все, начиная от игры в семейную жизнь и заканчивая игрой на бирже, направлена на то, чтобы исключить действие индивидуального разума человека. При этом постоянная истерия информационной лжи СМИ направлена на то, чтобы удержать тотальную власть матриархальной психологии над индивидуальным началом человеческой жизни, когда агрессивность этой матриархальной психологии проявляется в обсуждении

бесконечных сплетен о разного рода ничтожных людях, которые выдаются за «свободу слова» человека в массовом обществе.

Доминирование матриархальной психологии человека происходит везде в современной псевдоцивилизации, что обусловлено потерей в основе ее политических и социальных процессах какой-то метафизической границы, по отношению к которой только и может быть активной воля. Так, воля требует прямо противоположного тому, что лежит в основе матриархальной психологии, то есть инстинкту самосохранения человека, а именно — способности человеческой психики существовать в состоянии постоянной опасности. Это ощущение присутствует в человеческой душе в качестве действия подсознательного инстинкта смерти, который указывает на наличие в мире метафизической границы. Но когда это ощущение исчезает, то есть исчезает непосредственное присутствие глубокой взаимосвязи с метафизическим существом начала мира, тогда остаются только социальные связи псевдоцивилизации, в которых инфантильное сознание человека движется в пределах различных мифологических представлений о реальности. И даже выход человека в космос, в силу исчезновения метафизической границы мировой цивилизации, переносит психологию этого детского сада массового сознания в космическое пространство, хотя будущее мировой цивилизации, безусловно, будет связано с его освоением.

***

Есть некоторые признаки уходящего «хвоста» распавшихся рациональных связей цивилизации, в который окутан иррациональный мусор псевдоцивилизации массового общества. Например, доминирование языка того народа, который вложил наибольший вклад в разработку «технической» основы существования цивилизации. Мы имеем в виду, греческий язык — в поздней античности или современный английский язык в современной псевдоцивилизации, которая нас окружает. Так, именно активность распространения научно-технического прогресса, который заложила европейская цивилизация в момент утверждения веры в разум, практически полностью опирается на

эмпиризм восприятия мира. Правда, есть и существенное отличие между наследием др. греков и англичан. Др. греки все-таки оставили после себя достаточно значительный вклад в производство высших ценностей мировой цивилизации, в первую очередь, великую архитектуру, философию и поэзию, тогда как у англичан к высшим ценностям, безусловно, мы можем отнести немногим более наследия Шекспира.

Размышляя над исторической судьбой России, мы понимаем, что одной из основных проблем ее существования является отсутствие элементарного производства высших ценностей, вследствие чего вся ее социальная реальность строится на бесконечном множестве мифом. Эти мифы продуцируются массовой культурой, которая, в свою очередь, является продуктом рассудка, представления которого движутся в пределах мусора низших ценностей псевдоцивилизации. Но, с другой стороны, и вопрос о свободе человеческой личности, который был в свое историческое время авангардом европейской рациональной мысли, стал в наше историческое время — мифом, поскольку эта свобода стала ассоциироваться исключительно с системой массового общества, которое демонстрирует тотальность своих иррациональных внутренних процессов. Поэтому современной России противостоит не цивилизованный мир западноевропейской системы ценностей, а мир псевдоцивилизации, где разумные связи разрушены и где основная цель этой социальной системы — сохранить тотальность своей мифологии жизни, имитирующей взаимосвязь с разумом.

Точка отсчета новой модели цивилизации нами найдена — это Темные Века, наступившие в истории России, начиная с нашествия большевистской орды. Понятно, что в моральной атмосфере Темных Веков, где разумное понимание событий мировой истории отсутствует, катастрофа, произошедшая в России, старательно затушевывается, когда она называется «великой революцией», «переворотом», то есть чем-то мифологическим, не соответствующим реальным историческим событиям. Ведь главное для варварского ума — сон разума, поскольку, в противном случае, придется стать причастным каким-то образом мировой цивилизации, а на это он не способен в силу вну-

тренней враждебности к ее первооснове — системе высших ценностей. Вообще Темные Века демонстрируют максимальное моральное дно, на которое опускается человеческая душа, лишенная разума. Проблема состоит в том, что современные мифы о сущности цивилизации обусловлены представлениями об уровне развития научно-технического прогресса, которые противопоставляются животному миру природы. Эти мифы ведут свое происхождение из эпохи Просвещения, опираясь на позиции рассудка, где утверждалось, что «человек — высшее творение природы». Но авангард космологических знаний современной науки предполагает, что человеческая цивилизация, скорее всего не единственная во Вселенной и, может быть, существуют другие, помимо белковых, форм разумной жизни. Однако разрушение этих устойчивых мифов о происхождении человека и Вселенной, на которых держится современный социальный каркас псевдоцивилизации, следует отнести к ближайшему будущему, в котором наука опровергнет эти мифы. Мы видим, что особенности существования человека в Темные Века заключаются в том, что культуры в это время в избытке, тогда как уровень цивилизации практически нулевой, поскольку отсутствуют самые элементарные рациональные коммуникации.

Глава 20. Неразумная материя на развалинах мировой цивилизации

Если оценить уровень развития процессов мировой цивилизации в истории России, то его следы теряются после 17-го года, когда Российская империя пала под ударами большевистских орд. Можно, конечно, тешить себя иллюзиями, фантазируя о революционных достижениях веры в «свободу» и «социальную справедливость», которая двигала этим порывом освобожденных рабских масс. Однако мы стоим на позициях высших ценностей, а они утверждают, что разумный человек свободен от природы, а потому не нуждается в том, что есть у него в избытке. С другой стороны, мы не имеем предрассудков по поводу понимания значительного вырождения русского дворянства перед 1917 годом. Проблема состоит в другом. Если

российская история до 17-го года частью внутренних процессов мировой цивилизации, правда, в большей степени на периферийном уровне, то после 17-го года взаимосвязь ее с процессами мировой истории теряется, и пространство на территории бывшей Российской империи погружаются в очередные Темные Века в истории мировой цивилизации. То, что необходимо возникает после коллективного порыва к свободе в рабской душе — это опустошение и моральная клоака социального пространства, когда память предков утрачена. Ведь в исторической памяти, которую так старательно пытается стереть в себе рабская душа, раб является именно рабом, не более того. Поэтому в советский культуре в первые десятилетия мы и встречаем единственный образ российской истории — сборник истории партии ВКП(Б). При этом матриархальное чувство единения, «братство народов», которое проистекает из матриархальной истории веры в свободу и социальную справедливость неизбежно исчерпывается в эйфории инстинктов освобожденных рабов, поскольку это состояние чуждо внутренним процессам цивилизации, уступая место тотальному *Blitum* массовой культуры. Именно тогда и начинается время Темных Веков, то есть практически нулевая точка цивилизации.

Размышляя над нулевой точкой отсчета мировой цивилизации, которая определяет собой исторические события Темных Веков, мы возвращаемся к последнему достижению мировой философской мысли в наследии Ницше. Собственно, учение нигилизма и есть эта нулевая точка отсчета мировой цивилизации, когда все вновь начинает повторяться в исторических событиях, но в принципиально новом метафизическом рисунке фрактальной действительности. Однако речь идет не о природных циклах, а о становлении и исчезновении рациональной модели мировой цивилизации, в которой действует устойчивая метафизическая граница, по отношению к которой активна разумная воля человека. Причем, мы замечаем, что этот процесс имеет не столько человеческий, сколько метафизический характер. Так, ни в Англии, ни в США не было нашествия каких-то орд, как, например, в России, но разумный человек также исчез тотально из связей ее цивилизации, поскольку, как мы утверждаем, исчезла актив-

ность метафизической границы, по отношению к которой возможно усилие разумной мысли человека. Как-то почти незаметно разного рода типы Quasi Homo заняли место Homo sapiens и стали говорить от его имени как представители «цивилизации». Но такие процессы уже происходили в мировой истории, когда поздняя Византийская империя начала демонстрировать катастрофический отток разумной воли людей, при параллельном развитии социальной и государственной инфраструктуры, где рассудок устанавливал свои ценности.

Если оценивать историческую ситуацию в современной России на развалинах Российской империи, то мы наблюдаем знакомую политическую реальность Темных Веков — тотальную мифологизацию сознания человека, который лишен разумного начала индивидуальной воли. Конечно, находим мы и зловещую агрессивность к внешнему миру, в которой можно угадать единственный вид проявления воли в душе, лишенной разума, но имеющий огромную потенцию неистраченных рациональных ресурсов — это воинственность, поскольку только на агрессивной воинственности и может держаться какая-то самая примитивная конструкция государственности в Темные Века. С другой стороны, мы обнаруживаем наступление матриархальной психологии человека во всем, начиная от культа низших ценностей, во главе которых ставится цель накопления богатств и их потребление, до непосредственного замещения патриархальной власти, когда президентами, премьер-министрами и министрами обороны становятся женщины. Такова плата — за слабоумие, торжествующее там, где разум исчез, а его место занял поверхностный рассудок, агрессивно защищающий право на инстинкт самосохранения человека.

Поскольку мы существуем в авангарде понимания формирования новой модели мировой цивилизации, мы должны указать на пространство, где активны не только мифологические представления людей, которыми живет массовое сознание, но и направленность разума человека на метафизическую границу этой новой модели. Нам известна чисто научная попытка, понять время, например, у Гуссерля, однако следует понимать, что в Темные Века становления новой модели цивилизации научные знания,

с точки зрения своих возможностей, крайне ограниченны, поскольку их достижения строятся как проекции старых рациональных идей, уже не отвечающих современной исторической картине мира. В конечном счете, в определенный исторический момент времени, научные достижения мысли цивилизации оказываются не впереди, а позади метафизической картины мира. Ведь наука, как это справедливо заметил Шпенглер, выполняет функцию продления воздействия известных метафизических идей на непосредственный образ жизни человека, что мы и наблюдали последние столетия в процессе кардинального изменения быта и представлений человека в цивилизации. Однако любые идеи «изнашиваются» в метафизике времени, поскольку в любой идее, помимо ее метафизической границы, существует и чисто человеческие представления, которые остаются тогда, когда исторический поток времени ускользает вперед. В результате, исчезает и сама метафизическая граница. Так, речь здесь идет не о вере, поскольку религия существует по своим внутренним законам, в которых разумное присутствует только на самом зачаточном интуитивном уровне, а об историческом пути развития идей западноевропейской философии. С объективной точки зрения, речь идет именно об исчерпании метафизической границы мира, по отношению к которой происходило непрерывное производство высших ценностей, за счет которых только и может существовать реальность единой модели развития мировой цивилизации. В результате, мир исчезает, жизнь погружается во мрак Темных Веков, хотя в ней продолжает быть активной разнообразие типов неразумного человека, которое мы наблюдаем как доминирующую политическую и социальную реальность. Проблема состоит в том, что все связи псевдоцивилизации кажутся очень устойчивыми в конечных представлениях людей, поскольку опираются на постулат о единственности существования материального мира, отрицая мир метафизический. Эта устойчивость гарантируется агрессивной деятельностью рассудка, продолжающего жить набором полностью себя исчерпавших идей: о демократии, ценностях свободы и тому подобное.

То, что мы наблюдаем в современной зачаточной модели мировой цивилизации, фрактально подобно событиям

начала становления ее модели в процессе утверждения монотеистической веры. Первоначально, наблюдается своего рода современная «библия», то есть вера в исключительность возможностей научно-технического прогресса, а затем, попытка самого скромного сомнения во всеилии этого нового «библейского» откровения. И действительно, если последние несколько веков вера в разум обосновывалась исключительно научными аргументами, то после событий второй мировой войны мы видим, что это научное откровение исчерпало себя и необходимы какие-то принципиально новые инструменты в познании новой метафизической картины мира. Ясно, что речь не идет об отрицании ценности научного знания, а лишь о том, что в том идеологическом виде, в котором существует современная наука, она уже не способна быть в авангарде разумного познания мира.

***

Действующая модель мировой цивилизации исчезает, когда разрушаются все связи метафизического единства конструкции лигаристического союза, который, собственно, является основанием ее функционирования в мировой истории. Так, понятия о чести и долге, определяющие аристократическую систему ценностей, могут существовать только при условии направленности воли на реальность метафизической границы. В противном случае, то есть в случае исчезновения реальности метафизического мира, аристократический класс постепенно начинает превращаться в толпу театральных кукол, которую мы может наблюдать в современной Англии, где эти куклы изображают мифологию преемственности исторических процессов, происходящих в английской нации, хотя в действительности речь должна идти о расовой катастрофе. Так, одним из признаков расовой катастрофы является именно исчезновение структуры лигаристического союза, который формируется в онтологическом потоке времени и также растворяется в нем, оставаясь практически незамечным для массового сознания, которое существует по другим законам. Здесь мы видим, что в судьбе немецкой нации метафизическая граница и, как следствие, связи лигаристического союза, существовали самое длитель-

ное время по отношению ко времени их существования в других европейских нациях, что доказывает ее наиболее рационально выработанная философия, где попытка продлить время существования метафизической границы была самая последовательная. Именно у Ницше мы встречаем эту невыносимую боль человеческой души, которая вынуждена черпать свет разума нового мира из полного мрака, не опирающегося на рассудочные «костыли» науки. Но рассудок этого мрака не замечает. Для рассудка «светом» является только научное понимание материальных явлений и технологические достижения человека, в которых он бесконечно превосходит животный мир природы. Это свет чисто человеческий. Причем, чем более он чисто человеческий в своих примитивных связях и целях, тем меньше человек выражает что-то разумное, тем больше он уподобляется животному в своих массовых инстинктах, где агрессивная энергия влечений исключает присутствие разумной воли человека. Собственно, это тот человек, Quasi Homo, которого Ницше требовал преодолеть, чтобы двигаться вперед, создавая возможность для производства высших ценностей.

Одним из главных принципов культуры является требование представления объекта исследования, чтобы им мог оперировать рассудок, тогда как метафизический объект, очевидно, представить невозможно. Впрочем, можно в Темные Века создавать монотеистические храмы, оставаясь в душе язычником, или в наше историческое время следовать механическому времени массовой цивилизации, имитируя «разумность» своих действий, являясь в действительности иррациональным существом, в глубине души подчиняющегося только своим полуживотным инстинктам. Мы констатируем суровый факт нашего исторического времени — разум исчез из современной модели цивилизации, вследствие чего она трансформировалась в феномен псевдоцивилизации, то есть в такую организацию человеческой жизни, где разумный образ жизни человека практически отсутствует. Псевдоцивилизация — это система разного рода имитационных технических средств массовой культуры, цель которой — убедить человека в разумности его действий там, где они полностью отсутствуют. Как мы видим, вследствие исчезновения лигаристического союза (или союзов)

в системе псевдоцивилизации начинает доминировать тот вороватый циничный тип человека, имеющий интернациональный характер, который чувствует себя в этой моральной клоаке псевдоцивилизации как рыба в воде, поскольку он создал эту систему исключительно для себя. Он создал культ денег, возведя систему их накопления в «науку», требуя, чтобы этой тотальной системе низших ценностей подчинялись все, не пытаясь подвергать сомнению тотальный иррационализм человеческой жизни.

Мы полагаем, что психология разумного человека может существовать только в системе лигаристического союза, которая формирует собой определенное метафизическое пространство существования расы *Homo sapiens*, то есть феномен расы *Homo sapiens* является не биологическим, а, в первую очередь, психологическим феноменом. Ведь деградация человека в момент распада рациональных коммуникаций мировой цивилизации заметна не на уровне анатомических изменений, которые классифицируют человека в расовом смысле по биологическим признакам, а на уровне резкого ослабления его высших психических центров, на основании которых формируется его рациональная психология. Так, каждый раз потоки орд варваров не изменяют анатомию человека, но лишь пресекают процесс производства высших ценностей, который формировал разумную основу мировой цивилизации. При этом необходимо переосмыслить как природу варварства в истории, так и сущность разумного основания цивилизации, когда первое не должно ассоциироваться с привычными представлениями о примитивных технологиях, а второе, наоборот, о технологиях высоких. Варварство, как мы полагаем, является признаком полного равнодушия к высшим ценностям жизни, хотя формальная позиция рассудка может вполне их допускать, то есть демонстрировать некую причастность цивилизации. В основе варварства лежит грубый животный прагматизм представлений рассудка, лишенного возможности понимать природу метафизического мира. Поэтому варварство либо обращается к архаике мифологических представлений о метафизической границе, либо относится к метафизической границе как к чему-то внешнему, с чем необходимо считаться в силу биологического выживания.

Глава 21. Обломки западноевропейских рациональных коммуникаций

Результатом расовой катастрофы, то есть исчезновением коммуникационной активности разумного человека, является распад рациональных коммуникаций и захват политической и социальной власти неразумным человеком. Причем процесс этот является тотальным, захватывая и народы, которые доминировали в производстве высших ценностей, то есть составляли наиболее активное ядро развития мировой цивилизации, так и народы периферийные, например, живущие на развалинах Российской империи. Здесь имитация государственного устройства просуществовала недолго после 17-го года, поскольку государственная психология не может строиться на племенных инстинктах людей, а именно они и стали единственной основой социальной активности в России после 17-го года. Ведь эйфория братства «освободившихся рабов», которая питалась верой в коммунистические ценности, может иметь только очень кратковременный успех, ибо ее основа — матриархальное начало человеческой души, где животные начала человеческой психики всегда доминируют над мыслящим разумом. После исчерпания энергии этой матриархальной веры, как, например, это происходило после захвата варварами Римской империи, начинается катастрофический процесс деградации варварской души, поскольку, с одной стороны, связь со старыми богами подорвана, а новая вера требует исключительной внутренней работы полноценной человеческой психики. Однако откуда ей взяться, если при советской власти происходил методический процесс «зачистки» полноценной человеческой души, когда именно ее неполноценность была основой массовых коммуникаций.

Вообще, размышляя над исторической судьбой мировой цивилизации, мы должны осознавать, что понимание ложного и истинного в логических операциях человеческого рассудка формируются не в проекции на какие-то научные схемы, а, в первую очередь, на метафизическую границу. Если же эта граница исчезает, то никакие научные схемы не могут восполнить отчетливое понимание

ложного и истинного в качестве полноценного познания мира. Именно этот философский принцип разумного понимания логических операций имел в виду Ницше, когда утверждал, что западноевропейская система ценностей потеряла понимание ложного и истинного. Ведь человеческая логика рассудка, в отличие от диалектики логики разума, формируется культурой, а культура определяется процессом вытеснения подсознательных животных инстинктов, то есть разумная мера в ней отсутствует. Поэтому любая культура, так или иначе, имеет дело с мусором мифологических представлений, где тотально действует животный инстинкт выживания человека. Миф, собственно, выражает бессознательную попытку человека — сохранить метафизическую границу там, где ее уже нет. Только эта граница воспринимается не в качестве пространства, где существует опасность, а, наоборот, в качестве чего-то «домашнего», где человеку гарантировано спасение от сознания конечности его жизни. Здесь не принципиально, какой тип этого мифа: религиозно-монотеистический или научно-материалистический, главное, что он не требует от человека рисковать в момент познания. Известная формула субъективного разума Ницше о «преодолении человека», выражает объективность утраты метафизической границы, по отношению к которой строилась рациональная система коммуникаций западноевропейской цивилизации. Ведь так или иначе, классическая западноевропейская метафизика сводила свою систему понимания объективного и субъективного разума к понятию бога.

Еще Шпенглер заметил, что в момент окончания производства высших ценностей, то есть в «александрийскую эпоху», следы разумной воли человека теряются. Это и есть момент начала активности псевдоцивилизации, то есть пространства человеческих коммуникаций, целиком и полностью заполненных только массовой культурой, где разум отсутствует. В эту историческую эпоху доминирует эклектика представлений различных мифов, которые вполне уживаются друг с другом, поскольку миф предполагает пассивную позицию человека в жизни, характеризуясь разного рода бытовыми проблемами, которые становятся единственными вопросами его жизни в момент окончания производства высших ценностей.

Высшие ценности мы определяем, как активное действие метафизической границы. Так, например, возникла живопись европейского Возрождения, где откровение мира, первоначально, раскрывалось в известных исторических сюжетах античной и христианской истории как образ света новой метафизической границы мира. Ведь и первые христианские храмы возникали, первоначально, в языческой цивилизации в момент ее распада как зачаточные конструкции новой модели мировой цивилизации, используя сюжеты библейской истории в качестве принципиально новой картины восприятия мира, меняя ветхозаветный библейский смысл для нужд новой религии. В результате, человеческая раса должна была обновиться, ликвидируя архетип человека, который был более неспособен вырабатывать импульсы разумной воли, погрязнув в животных влечениях. Так мы понимаем известную формулу Ницше: «Человек — это то, что нужно преодолеть». Объективно рационально, эта формула предполагает, что ресурсы разумной воли человека в старой модели цивилизации исчерпаны, когда процесс производства ее высших ценностей завершился. В результате, высшая память начинает погружаться в глубины подсознания, чтобы выявить разрушительные импульсы воли. Следует понимать, что высшая память отображается в сознании человека фрактально, то есть имеет не механическую, а феноменальную природу, когда каждый фрагмент памяти выражает равносильный импульс разумной воли. Равносильность, в данном случае, предполагает, что существо человека отображается не от влечений, пусть даже и социально сублимированных, а от границы метафизического мира, то есть от подсознательного инстинкта смерти, в котором протекают образы фрактальной памяти высшей расовой человеческой памяти. Собственно, граница метафизического мира как время и есть фрактальная граница, если мы попытаемся каким-то образом осмыслить эту границу с научной точки зрения.

Феномен появления Quasi Homo следует относить к моменту, когда все рациональные связи между людьми разрушены. Зато, как мы видим, в массовой культуре иррациональная взаимосвязь между людьми выстроена с максимальной активностью, где имитация разумного обра-

за жизни выполняет ее тотальная механизация в процессе сублимирования влечений. В результате, возник миф массовой культуры, что механические процессы и, в частности, монотонный механический образ жизни человека является чем-то «разумным». Мы же полагаем, что механические процессы являются имитацией разума за счет сублимированных влечений человека, то есть формируют не разумные, а иррациональные импульсы психики, которые воспринимаются «разумными» только в проекции на его чисто биологическое существо. Но является ли человек существом чисто биологическим? Мы утверждаем, что нет, поскольку биологическое существо человека есть только «слепок», фрактальный фрагмент отображения его материального существа от онтологического потока времени, если время воспринимается механически.

У Ницше есть одно очень точное замечание по поводу сущности христианства, которое он оценивает, как возврат к египетской психологии жрецов. И это действительно так, поскольку в момент распада устойчивой модели мировой цивилизации в подсознании человека как разумного существа активизируются ресурсы памяти, которые возвращают его сознание к модели предшествующей цивилизации. Ведь очевидно, что процесс производства высших ценностей обрывается в тот момент, когда утрачивается метафизическая граница, то есть исчезает разумный импульс воли, и власть над сознанием человека полностью захватывают влечения. Напряжение же сублимирования влечений, которые создают пространство культуры, не относятся к процессу функциональных элементов цивилизации, поскольку в культуре главное — матриархальный инстинкт самосохранения человека, а не его способности рационально мыслить. Собственно, возврат назад, в новейшей истории, к расовому опыту древних греков, который был открыт в философии Ницше, обусловлен формулой «вечного возвращения» фрактального рисунка метафизической границы мировой цивилизации. Ее суть состоит в том, что повтор определенных исторических эпох в мировой истории, в частности Темных Веков, в которые мы сейчас существуем, определяется в качестве того эстетического рисунка, который формируется мерой воздействия подсознательной расовой памяти человека на импульс его

воли. Если же метафизическая граница исчезает, то сознание человека полностью мифологизируется. И здесь не принципиально, какого рода это мифология: материалистическая или религиозная, главное, что мифологическое сознание, которое лишено причастности к разумному пониманию мира, неизбежно имеет своим следствием деградацию человека как мыслящего существа.

VIII. ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПСЕВДОЦИВИЛИЗАЦИЯ

Глава 22. Доверие между разумными людьми — основание внутренних процессов мировой цивилизации

Не трудно понять, что культура является системой мифологических представлений, которые формируются вследствие исключительной активности рассудка. При этом не стоит забывать, что миф — мифу рознь. Так, монотеистический миф или политеистические мифы все-таки не были таковыми в свое историческое время, а стали ими лишь в результате исчезновения той метафизической границы, которую они выражали в процессе развития мировой цивилизации. Миф вообще становится мифом как результат исчезновения метафизической границы, то есть как окончание реализации того рационального проекта, который выражает определенный план развития мировой истории.

Определяя критерий высших ценностей, мы должны, в первую очередь, указать на существование метафизической границы, которую они выражают как внутренний процесс развития мировой цивилизации. Так, можно ли полагать, что время — это миф? Скорее, наоборот. Все, что не связано с онтологической сущностью времени, является в наше время мифом, то есть выражает тот *Blitum* псевдоцивилизации, которым живет в своих представлениях массовый человек. Этот мусор ему предоставляют механические внутренние процессы псевдоцивилизации. Ведь специфика *Blitum* псевдоцивилизации состоит в том, что этот мусор, этот сорняк низших ценностей именно живой, поскольку живость ему придают те энергичные влечения человека, которые в результате сублимирования создают мифологическое пространство ценностей массовой культуры. В действительности же, по отношению к разуму, вле-

чения не способны реагировать на метафизический мир, на него способна реагировать только воля.

Поскольку разумный человек в массовом обществе полностью погружен в мусор его неразумных ценностей, то существование разумного человека не предполагается реальностью в этом обществе, зато в нем энергично внедряется миф о «разумности» государственного устройства, опирающееся на эти иррациональные структуры массового общества. И вообще, массовое социальное начало жизни, которое стало в наше время тоталитарной силой, уничтожает любую возможность рациональной взаимосвязи между людьми. Это обусловлено тем, что в период расовой катастрофы, когда рациональные коммуникации между людьми отсутствуют, производить и потреблять низшие ценности как единственно существующие, способен человек только крайне примитивного развития по отношению к разуму. Это именно Quasi Homo, то есть неразумное существо, в полной мере обладающее только рассудком, движущимся в пределах конечных представлений. А конечные представления рассудка и есть основа любой социальной организации.

Чтобы указать на что-то немассовое в существе человека, то есть на наличие в нем разумной индивидуальности, необходимо указать на наличие высших ценностей, которые влияют на его жизнь в повседневной реальности. Однако, как мы видим в наше историческое время, они полностью отсутствуют. Вообще, высшие ценности, как мы утверждаем, могут иметь только эстетический характер, поскольку объект искусства — это образ воли во фрактальной действительности, который разумен настолько, насколько между людьми присутствует система рациональных коммуникаций, отражающаяся от метафизической границы мира. Но современная социальная реальность тотально антиэстетична, поскольку мусорное пространство низших ценностей не предполагает наличие в своей реальности разумной воли человека, но предполагает присутствие лишь сублимированных влечений, направленных на поддержание биологического выживания человека. Именно здесь мы обнаруживаем фрактальное подобие современных Темных Веков — Темным Векам в предшествующих моделях цивилизации, например,

в момент перехода от античности — к христианству. Здесь началом формирования новых рациональных коммуникаций служили христианские храмы, вокруг которых протекала иррациональная активность варваров и Quasi Homo псевдоцивилизации. Понятно, что ни варвары, ни Quasi Homo античной псевдоцивилизации не могли заложить новые рациональные коммуникации в силу отсутствия у первых — понимания сущности разума, а у вторых — в силу исчерпания метафизической границы по отношению к которой они этим разумом обладали. Это то, что характеризует современную политическую реальность нашего исторического времени, в котором новая метафизическая граница существует на самом примитивном уровне, а именно, в качестве механического течения времени, которое регулирует через движение механических часов внутренние процессы псевдоцивилизации. По крайней мере, «библия» современной научно-технической мысли написана с учетом пространственно-временной реальности, где максимально примитивное отношение к феномену времени, в качестве свойства материи, исключает время как метафизическое начало бытия. Варварство, в нашем понимании, есть полное отсутствие восприятия в понимании существа высших ценностей. В этом смысле, сознание варвара способно воспринимать разум только в качестве чего-то мифологического, например, в качестве «коллективного разума», то есть такого представления, которое не требует от него отношения с метафизической границей существования бытия. Проблема состоит в том, что взаимоотношение человека с метафизической границей формирует в человеке его разумное индивидуальное начало, тогда как невосприимчивость к метафизической границе, то есть невосприимчивость к высшим ценностям, полностью исключает развитие в нем индивидуального начала разума. В этом случае, им целиком и полностью владеет массовое бессознательное, то есть сублимированная система подсознательных влечений, описанная Фрейдом в теории психоанализа. Другое дело, что эта теория не изучала разумные начала человеческой психики, поскольку исследование бессознательных влечений не относится к возможности понимания импульсов воли. Конечно, животная воля, которая состоит практически полностью из субли-

мированных влечений, тоже может полагаться «волей», но только на уровне конечных человеческих представлений, из которых складывается система низших ценностей человеческого рассудка. Вообще, доверие между людьми как разумными существами может осуществляться только в проекции на метафизический мир, поскольку его основа бескорыстна в качестве возможности присвоения того, что является высшей мерой бытия.

В противопоставлении у Шпенглера цивилизации и культуры можно заметить один из основных признаков различия между разумом и рассудком, когда разум необходимо исключает позицию чувствующей души в силу того, что действие разумной воли отображает метафизическую границу как нечто сверхчувственное. Это сверхчувственное в идеалистической философии, начиная с Платона, играло исключительную роль, поскольку идея есть максимальное выражение действия воли в направленности на присутствие разума в метафизической действительности. Другое дело, что, исторически, эта граница в истории мировой цивилизации менялась. Собственно, изменение этой границы в мировой истории и пытался описать Шпенглер, однако позиция рассудка всегда относится к метафизической действительности со стороны чего-то спасительного. Поэтому он и определял ценности культуры как высшие, в отличие от ценностей цивилизации, что мыслил культуру, вслед за Кантом как взаимодополняющие ценности веры и постигающего мир рассудка. Но позиция разумной воли необходимо сминает пространство культуры полем цивилизации как действие метафизического фрактального пространства, которое указывает на необходимость риска для постижения принципиально нового знания. В этом смысле, наиболее поучительна рациональная философия Гегеля, которая утверждает, что метафизическая граница — это минимум разумного мира, тогда как максимум выражается в качестве самой разумной идеи жизни во всей полноте процессов цивилизации. Можно сказать, что цивилизация внутри себя уничтожает все живое, что содержит слишком малый потенциал воли, то есть не выражает минимум разумного мира. В этом смысле, если рациональные коммуникации мировой цивилизации выражают в ее исто-

рии доминирование в ее структурах разумных людей, то в эпохи расовых катастроф, особенно, в Темные Века, в первую очередь, неразумный человек тотально доминирует в массовых социальных структурах. Куда же исчезает разумный человек в эти эпохи? Мы полагаем, что он оказывается в полной изоляции, как в наше историческое время, поскольку не может быть участником неразумной реальности. Это и есть, собственно, с рационально субъективной точки зрения, европейский нигилизм, то есть отсутствие рациональной взаимосвязи между людьми, которая гарантируется активностью воли к власти, обусловленной существованием метафизической границы.

Для существования устойчивости рациональных коммуникаций в поле цивилизации должна быть активна метафизическая граница, по отношению к которой эти коммуникации устанавливаются. Так, очевидно, что массовые социальные коммуникации не могут быть рациональными, поскольку построены на системе сублимированных влечений, где конечный мотив поступков и мыслей человека всегда остается за инстинктом самосохранения, то есть за его биологическим существом. Но объективность разума как раз и состоит в том, что указывает на принципиальное отличие человека от животного. Доверие между разумными людьми возникает именно из ощущения, что существует неживотное начало в человеке, по отношению к которому только и образуется моральный договор. Другое дело, что характер этого договора неизбежно меняется в мировой истории в силу изменения метафизической границы, поскольку фрактальная природа бытия постоянно изменяется во времени. Ведь отличительной характеристикой метафизического пространства является то, что оно протекает по границе подсознательного инстинкта смерти человека, постоянно напоминая ему об относительности его живого существа перед высшим началом мира. Только в этом случае может существовать моральный договор, основанный на какой-то разумной энергии воли. В противном случае бесконечно-малое усилие воли будет выражать лишь определенные животные влечения, которые полностью зависят от инстинкта выживания, то есть биологического существа человека. Воля же, будучи ориентирована на метафизическую границу, всегда разрушает

склад привычных ассоциаций, связанных с обыденными представлениями о реальности, поскольку в воле выражается проекция действия в человеке подсознательного инстинкта смерти, постоянно указывающего ему на эту границу.

Существует одна принципиальная особенность отличия действия воли от влечения. Подлинная воля всегда несет в себе определенную агрессивность подсознательного инстинкта смерти, направленного на разрушение непосредственных чувственных ассоциаций, обусловленную постоянным воздействием метафизической границы. Собственно, за счет этой активности подсознательного инстинкта смерти, как отображения метафизической границы, и формируется патриархальная психология человека, то есть психология сознания конечности человеческой жизни и, как следствие, поиска высших ценностей, которые дают возможность пренебрегать низшими ценностями, то есть пренебрегать биологическим началом жизни. Поэтому в эпоху расовой катастрофы варварская душа более устойчива к тотальному разложению разумных начал человеческой психики, что практически не обладает рациональной психологией, вследствие чего воздействие новой метафизической границы здесь активно в большей степени. В этом смысле, и пространство Темных Веков, где формируется новая модель мировой цивилизации, всегда более агрессивно, чем пространство социальной активности человека, где еще некоторое время назад шел наиболее активный процесс производства высших ценностей. Ведь процесс производства высших ценностей требует максимальных затрат разума и воли, вследствие чего постепенно уменьшаются ресурсы высшей психики человека, испытывающей на себе в полной мере метафизическую границу бытия. Именно поэтому мы наблюдаем практически полную изношенность высших психических ресурсов человека в современной Великобритании, что начало формирования новой метафизической границы в активности научно-технического прогресса в мировой цивилизации, началось именно в ней. Следствием такого наиболее активного действия новой метафизической границы, которая, в частности, через внедрение технического прогресса в колониях, распространилась на весь мир,

и стало постепенное растрачивание ресурсов разумной воли пространства Британской империи. В наше время мы видим практически ее полное исчезновение в национальном характере современного англичанина. С другой стороны, именно в английской культуре сформировался миф о происхождении человека от примата, уничтожающий возможность существования метафизической границы, по отношению к которой только и может существовать разумная воля человека.

Глава 23. Фрактальная структура как элемент взаимосвязи сознания высшей памяти человека и мировой истории

Размышляя над происхождением начального импульса воли в подсознании человека, мы понимаем, что он каким-то образом взаимосвязан с его высшей памятью, которая имеет расовое происхождение. Здесь мы должны отбросить псевдонаучную мифологию классификации человеческих рас по биологическому принципу, а исходить из того, что существует раса *Homo sapiens*, которая периодически исчезает вследствие разрушения рациональных коммуникаций в мировой цивилизации, или, наоборот, появляется вместе с их восстановлением как ее движущая сила развития. Понятно, что происхождение расы *Homo sapiens* от примата — миф, ставший опорой массового общества, этого политического инструмента по уничтожению человеческого разума. Поэтому, когда мы утверждаем, что время — это начало бытия, то, в первую очередь, указываем на начало происхождения человека не в материальном, а в метафизическом мире. Если же искать пути перехода от метафизического мира — в мир материальный, то здесь мы должны указать на фракталы, эти эстетические конструкции реальности, в которых сжата топология времени как онтологической сущности бытия. Можно сказать, что в топологии метафизических фракталов время «пульсирует» как внутренний онтологический поток, связывающий прошлое и будущее в качестве относительности настоящего момента времени, на котором сконцентрировано механическое время внутрен-

них процессов псевдоцивилизации. Поэтому для понимания настоящего момента времени не с точки зрения его мифологии, связанной с представлением о свойствах материи, а с точки зрения объективного разума, мы должны рассуждать о настоящем моменте времени как о чем-то ничтожном между прошлым временем и будущем. Однако именно это ничтожество настоящего момента времени возведено иррациональной массовой культурой в культ наибольшей значимости человеческой жизни, вокруг которой должны вращаться все мысли и поступки массового человека.

Мы должны понять, что фрактальная реальность выражает нелинейное отображение исторического времени. Так, периодичность расовых катастроф в мировой истории показывает, что опыт высших ценностей находится в подсознании человека, а затем возвращается в период расовой катастрофы в качестве откровения новой метафизической границы. Именно из этой взаимосвязи и формируется разумная индивидуальность человека, которую Ницше сформулировал в известной идее вечно-го возвращения. Следует также заметить, что сам эстетический язык субъективного рационализма Ницше имеет фрактальную природу, когда объективное чувство исторического времени возникает в качестве отображения не линии исторических событий, а топологического «наслоения» этих событий друг в друга. И как первоначальное влияние библейских истин на сознание античного человека казалось чем-то иррациональным для обывателя античной цивилизации, грека или римлянина, так и философский язык Ницше, выражающий субъективный разум исторических оценок, кажется поверхностному рассудку чем-то «неразумным». Однако в объективной действительности речь идет о возврате в подсознательной расовой памяти человека к достижениям высших ценностей исторического прошлого, которые были топологически «заметены» ее последней моделью развития, чья активность проявлялась в последнее тысячелетие. Можно сказать, что в расовой памяти раскрывается взаимосвязь с историческим прошлым, которая в момент своего откровения, пользуясь фрактально-эстетическим языком Ницше, он определял, как «бездну», то есть как метафи-

зическое начало в чистом виде. Отличительная особенность языка этого субъективного разума — его эстетически-структурная взаимосвязь образов. Но понимание, что и научная топология природных явлений имеет эту эстетическую основу образов, пришло только с открытием в современной математике топологической структуры фракталов. Здесь мы видим, что глубокомысленная философская мысль всегда опережает возможности конечного человеческого рассудка, которому требуется время, чтобы обжить принципиально новый рубеж разумного понимания действительности. Поэтому подлинно философская мысль всегда существует впереди научной теории в мировой истории, поскольку необходимо время, чтобы обжить наиболее опасную для привычных человеческих ассоциаций область восприятия мира.

Если мы будем искать то место, где отражается в человеческой психике сознание метафизического времени, то найдем его в высшей памяти человека, которая активизируется только при условии активности в ней действия воли. Последнее условие необходимо в силу того, что непосредственные чувственные восприятия, на основе которых формируются суждения рассудка, в лучшем случае, приводят лишь к идее существования разума как области трансцендентальных идей, как у Канта. Понятно, что позиция научного рассудка, в частности математического мышления, на основании которой Кант строил свою систему философии, возможна только за пределами процессов мировой истории. А ведь история — это и есть отображение онтологического потока времени в многообразии фрактальных топологических ветвей ее событий. Другое дело, что человек во фрактальных событиях мировой истории отображается не как центр, как это имеет место в библейской истории и, в частности, в истории научно-технического прогресса, а как отдельный и, можно сказать, малоприметный фрактал сложной целостности метафизического рисунка целого. Подобный художественный принцип восприятия мира доминировал в сознании древнего грека, когда природные стихии выражали в нем метафизическое многообразие мира, где человек был этим отдельным ничем неприметным фракталом целого. А поскольку история всегда возвращается назад,

к предшествующей модели цивилизации, в эпоху расовой катастрофы, то возвращение этой др.греческой картины мира, но с сильно измененным, с учетом прошедшего исторического времени, содержанием системы новейшего знания, и определяет известную идею Ницше о том, что «человек — это то, что нужно преодолеть». Если мы переформулируем это на современный язык объективного исторического разума, то необходимо рассуждать о фактальной реальности существования человека, в котором его разумные поступки определяет в действии воли его расовая память. Это высшая память, в которой начинают восстанавливаться позиции разумного человека в Темные Века, выражает непосредственную реальность расы *Homo sapiens*, которая суть метафизическое пространство внутренних процессов мировой цивилизации. Таким образом, раса *Homo sapiens* — это не биологический феномен природы, возникший в результате развития научно-технического прогресса, а феномен метафизического опыта существования человека по отношению к высшему началу бытия.

Мы полагаем, что активность человека обусловлена, в первую очередь, свойствами его памяти, то есть как работает его память, так и проявляется его активность в жизни. В философском смысле, рациональное действие памяти есть непосредственное действие идеи вечного возвращения, которая определяет и индивидуальную память человека, и его коллективную память. Здесь следует понимать, что если индивидуальная память человека определяется его расовым бессознательным, то коллективная память — массовым бессознательным. Кардинальное отличие индивидуального бессознательного и массового бессознательного состоит в том, что первое, может проявляться только при условии сопричастности ценностям человека метафизической границе, тогда как второе, вполне удовлетворяется биологическим инстинктом самосохранения человека. Принципиально также то, что только активность расовой памяти человека делает его существом историческим, тогда как память коллективная создает лишь мифологию сопричастности человека событиям мировой истории, то есть пространство культуры. Понятно, что, технически, мифология истории может

быть отлично «отшлифована» рассудком, однако в потоке воздействия представлений этой мифологии человек не чувствует себя существом историческим, поскольку его сознание лишь скользит в определенном наборе исторических фактов и событий, тогда как его воля оказывается за пределами мировой истории. Это особенно характерно для сознания человека Темных Веков, у которого очень слаба взаимосвязь воли с метафизической границей бытия, когда старая метафизическая граница почти утрачена, а новая почти не действует. Именно в это историческое время в мифологическом пространстве низших ценностей проявляет исключительную живость Quasi Номо как активный Blitum псевдоцивилизации.

Наивно полагать, что Quasi Номо — это что-то статическое и законченное. В каждом современном человеке, даже обладающим достаточно глубокомысленным мышлением, существует этот низший склад психики, который формируется в нем массовой иррациональной культурой. Можно сказать, что чем меньше в человеке проявляются какие-то признаки разума, тем больше в нем массовой культуры. Чем более значительны успехи человека в псевдоцивилизации, тем больше в нем психологических свойств Quasi Номо, необходимых для того, чтобы добиваться наибольших успехов в этой тотально иррациональной среде. Основной признак поведения этого человека — сплошная имитация того, что можно было бы отнести к чему-то разумному, с одной стороны, и исключительно высокая мобильность в иррациональных коммуникациях массового общества, с другой. Правда, это полностью чуждое разуму поведение неизбежно отражается на его лице, когда маска явно выраженной деградации исключает эмоции, в которых каким-то образом могла бы проявиться разумная индивидуальность. Такова мрачная реальность современного исторического времени Темных Веков.

Мы полагаем, что подсознательный инстинкт смерти человека каким-то образом взаимосвязан с действием его высшей расовой памяти как разумного существа. Именно на этом принципе действует основы патриархальной психологии человека, когда первичным для сознания является не бессознательный инстинкт самосохранения человека

как биологического существа, а именно инстинкт смерти, то есть единственный инстинкт человека, формирующий в нем метафизическую интуицию существования мира. В противном случае, как это имеет место в наше историческое время, тотальным становится матриархальный инстинкт самосохранения человека, в котором импульсы воли становятся минимальными, поскольку матриархальная культура стремится максимально их подавить, растворив в полуживотных влечениях. Собственно, на этом подавлении импульсов воли и построена современная массовая культура, которая нуждается не в разумном человеке в своих коммуникациях, а, наоборот, в человеке неразумном. Иначе, разумное мышление будет осознавать тотальную ложь и тотальный мусор низших ценностей массового общества, вследствие чего эта система может исчезнуть, что, впрочем, неизбежно с точки зрения процесса развития мировой истории.

Таким образом, рассуждая о феномене Quasi Homo, мы полагаем, что речь идет об определенной психологии человека, которая формируется иррациональным массовым обществом в качестве социального робота, который разумом не обладает, однако обладает достаточно развитым рассудком, который «программирует» человека в систему всеобщего социального безумия. Ясно, что в пределах западноевропейской цивилизации распространение этого типа человека поменьше, поскольку даже почти полностью рухнувшие рациональные коммуникации все-таки продолжают работать, но уже в качестве изолированных осколков. Значительно хуже обстоит дело на развалинах Российской империи, где адаптация кусков большевистской орды, рассеянная на территории бывшего соц.лагеря, так и не смогла создать какие-то элементарные начала цивилизации, погружая человека практически полностью в иррациональное состояние своими лживыми массовыми ценностями. Основная же моральная проблема, с позиции объективного исторического разума, на территории бывшей Российской империи состоит в том, что здесь разумная индивидуальность исключена почти тотально из политической жизни этого социального пространства.

Глава 24. Quasi Homo — Blitum (сорняк) массовой культуры

Человек — это то, что надо преодолеть

Ф. Ницше

Почему великая вера в разум, зародившись в высших ценностях западноевропейской цивилизации, привела в наше историческое время к иррационализму коммуникаций массовой культуры, можно понять, осознавая, что массовая культура — это и есть распавшиеся отдельные фракталы исчезнувших рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Фактически, распадаясь, рациональные коммуникации становятся культурой, то есть непосредственной мифологией человеческих представлений. С морально-психологической точки зрения, патриархальная власть высших ценностей уступает место низшим ценностям матриархата, и тогда начинается исторический цикл становления новой модели мировой цивилизации. Это тот исторический процесс, который пытался описать Шпенглер. Но эта цикличность — не природного, а фрактального характера, то есть процесса непрерывного изменения метафизической границы, по отношению к которой постоянно обновляются рациональные коммуникации как необходимое условие полноценного функционирования внутренних процессов мировой цивилизации.

Человек, теряющий взаимосвязь с метафизической границей мира, неизбежно начинает деградировать, поскольку если разум исключается из его непосредственного образа жизни, то в нем неизбежно максимально активизируются животные инстинкты. И, более того, в мировой истории периодически появляются религии и даже «научные» теории, доказывающие, что человек — это «почти» животное. Тот же минимум, который оставляется для неживотного проявления человека — достижения научно-технического прогресса, доказывает «разумность» человека опять-таки по отношению к технологическим достижениям остального животного мира. Однако, как оценит современные технологические достижения человек в будущем мировой цивилизации через 20 000–30 000 лет? Не покажется ли ему

современный человек с его скромными технологическими достижениями каким-нибудь дикарем, как смотрит современный человек на людей первобытной культуры? То есть в чем выражается подлинная мера разумности человека в мировой истории?

То, что, безусловно, является элементом откровенной мифологии современного массового общества, так это утверждение, что человек — наивысший результат природной эволюции. Размышляя над поведением современного человека в массовой культуре и, в целом, над всем многообразием внутренних процессов мировой псевдоцивилизации, мы вынуждены констатировать, что, наоборот, в действительности человек является тем, что нужно преодолеть, то есть мы возвращаемся к известной идеи субъективной позиции разума у Ницше. И дело, конечно, не в тотальной власти низших ценностей, которые обеспечиваются функционированием мировой финансовой системы, ставшей своеобразным регламентом поведения человека в массовом обществе. Последнее есть следствие, а не причина. Подлинная же причина состоит в неизбежности расовых катастроф в мировой истории, то есть в исчерпании ресурсов разумной воли человека в эпицентре развития мировой цивилизации, когда животная воля остается на уровне сублимированных влечений, достаточных только для того, чтобы поддерживать биологическое выживание человека и удовлетворять его поверхностное любопытство к окружающему миру. Это и есть феномен псевдоцивилизации, которую Шпенглер определял, как феномен «александрийской культуры». Но в силу своей животной энергичности эта сила влечений кажется признаком цивилизации, то есть наличием разума там, где его нет. Ведь и сорняк, появляющийся в среде культурных растений, тоже ведет себя очень активно и агрессивно, когда утрачено влияние разумной воли человека на процесс культивирования полезных растений. Здесь мы вспоминает о суждении Фрейда об агрессивности человеческого либидо, этой центральной силы животных влечений человеческой психики, которая постоянно стремится к власти его животного существа через психологию матриархальных инстинктов.

Мы полагаем, что мораль в абстрактном виде, то есть в качестве суждений рассудка, не подкрепленного действием патриархальной воли, является лишь чем-то формальным, чем-то инфантильным, что в терминологии Ницше определяется как «мораль рабов». И действительно, рабская душа всегда стремится к тому, чем не обладает, — к свободе. Наоборот, как мы знаем, аристократический дух в событиях мировой истории всегда стремился к выполнению долга как условия существования человека внутри определенного лигаристического союза, связанного с понятием чести. Собственно, само аристократическое чувство чести является сознанием обладания истиной, как перед другим человеком, так и перед высшей силой, его породившей. С другой стороны, мы полагаем, что определение Ницше христианской морали как морали рабов — ложны. Фрактальным подобием подобного заблуждения были попытки первых христиан винить в моральном разложении язычников их веру в богов. В действительности же, иссякание веры в богов было не причиной, а следствием исчерпания метафизической границы, которая крылась в потаенных силах природы. Аналогично, и Ницше путает причину и следствие. Обрушение влияния христианской религии в европейском мире обусловлено не самим ослаблением религиозной веры, а исчерпанием метафизической границы, которая проходила в глубине человеческой души как определенная метафизическая загадка мира. Но в наше историческое время эта загадка практически иссякла. Однако совсем другое явление — метафизика времени, где человеческая душа — всего лишь один из равносильных фракталов многообразия мира. Ведь предельная простота жизни человека в массовом обществе гарантируется постоянным его присутствием в настоящем моменте времени, когда будущее и прошлое воспринимается им как миф. Человек, рассуждая математически, постоянно смотрит в одну и ту же точку определенного линейного процесса, практически ничего не замечая вне его. Однако уже картина фрактального пространства показывает, что это фокусирование сознания в одной точке пространства, из которой не видна картина структуры целого, ничего не дает для понимания, поскольку основой понимания фрактального пространства может быть только идея целого.

***

То, с чего мы начинаем, как с начальной точки отсчета субъективной рациональной мысли, — это с позиции европейского нигилизма как субъективно-исторической позиции разума, которая утверждает, что вокруг разумного человека ничего нет, кроме мусора массовой культуры. В силу исключительной плотности мусора этих мифологических представлений, опирающихся на авторитет науки, массовый человек находится в состоянии тотального гипноза со стороны окружающих его технических достижений современного научно-технического прогресса. Так, массовый человек — это фактически, бессмысленный робот, технический придаток всего многообразия мусора массовой культуры, который производит псевдоцивилизация. Этот Quasi Homo потерял взаимосвязь с ощущением тайны мироздания, поскольку старая метафизическая граница практически исчерпана, а новая — еще совсем не изучена. С другой стороны, понятно, что этот Quasi Homo есть в каждом человеке, но в разной степени. Все зависит от того, насколько в этом человеке есть способность к внутреннему сопротивлению тотальной лжи массовой культуры, которая обрушивается на его сознание в течение всей его жизни.

Парадокс исторической ситуации в современном политическом мире состоит в том, что в окружающей нас псевдоцивилизации исчезли практически все признаки расы Homo sapiens, то есть наличия разумного человека, который бы обладал индивидуальностью. Все, что здесь условно можно было бы назвать «индивидуальностью», несет на себе явную печать суррогата, имитации индивидуального начала, которое в действительности является массовым. Так, главный критерий отличия индивидуального от массового начала в человеческой душе является доминирование в ней высших ценностей — над низшими. Но именно этого мы и не обнаруживаем в ценностях того, что принято в наше время называть «цивилизацией». Реальностью декларируемых ценностей псевдоцивилизации является безусловное доминирование финансовых интересов над всеми другими ценностями: искусства, науки, политики. Философию же просто ликвидировали в массовом обще-

стве как классового «врага», который может напомнить человеку о существовании метафизического мира. Для этого создана целая армия болтунов псевдоцивилизации, которые настолько изолгали сущность философии, что она должна казаться постороннему человеку прибежищем слабоумных идиотов. Для этого и существует все многообразие представлений культуры, то есть возможностей конечного рассудка мыслить определенные схемы, по которым движутся представления, возникающие не из импульса воли, а из энергии сублимированных влечений. Ведь любая схема человеческого представления — это граница между непосредственным чувственным восприятием и абстрактным рассудком, существующим только по отношению к этой границе. Понятно, что эта граница не может быть метафизической, когда все, что обсуждается и что представляется, так или иначе, является продуктом непосредственных чувственных ассоциаций, связанных с материальным миром. Совсем иное дело — граница метафизическая. Ее существование может быть следствием ощущений только высшей человеческой психики, которая, как мы полагаем, есть производная от подсознательного инстинкта смерти человека.

Особенностью представлений массовой культуры, которая формирует иррационализм образа жизни человека в процессах псевдоцивилизации, в первую очередь, является то, что сознанию человека тотально навязывается мысль о единственности существования материального мира. Так, массовый человек, если он хочет выжить в этой иррациональной системе внутренних процессов псевдоцивилизации, должен воспринимать себя исключительно в качестве машины: социальной, производственной или какой-то другой, в которой все психические и физические ресурсы направлены на биологическое выживание или какое-нибудь примитивное производство. Какой разумный смысл в этом биологическом выживании, массовая культура ответа не дает, поскольку его просто не существует. Ситуация фрактально подобна всем Темным Векам мировой истории, которые описывал Шпенглер. Правда, время все-таки присутствует в массовой культуре в качестве механического регулятора процессов, однако не как метафизическая мера, а как свойство материального мира.

Именно здесь мы видим ту особенность психологии человека Темных Веков, когда метафизическое воспринимается как что-то внешнее, а не внутреннее для человеческой души. Да собственно, и само понятие «душа» исчезло из современного языка человека, поскольку душа, в отличие от психики, предполагает какую-то метафизическую границу, где она переходит в духовную сущность. Но в мифологии представлений чисто материального мира, где эмпиризм технических возможностей науки является единственным критерием реальности, дух, как реальность, исключен. Причины такого исключения понятны. Если допустить, что дух существует, то тогда настоящий момент времени, на идеализации которого построены все процессы псевдоцивилизации, является чем-то мифологическим, поскольку особенностью действия духа в человеческой душе является воздействие подсознательной расовой памяти. А подсознательная расовая память — это внутренний психический ресурс воли, из которого она черпает свои энергетические импульсы, ориентируясь на метафизическую границу мира.

Сравнивая специфику психологии человека в различные Темные Века мировой истории, мы видим, что переход человека от одной веры — к другой в это историческое время, всегда сопровождается обрушением многовековой патриархальной психологии, в которой отчетливая психическая норма является чем-то незыблемым. С другой стороны, мы замечаем, что политическую основу новой модели цивилизации всегда закладывают варвары, поскольку для строительства этой новой модели необходимы значительные высшие психические ресурсы, связанные с разумной психологией человека, а они у варваров находятся в полусонном состоянии в эпоху Темных Веков. Поэтому, когда рухнет какая-то рациональная модель мировой цивилизации, она разрушает и те подражательные модели развития, которые существовали на ее периферии, например, политическую модель Российской империи.

IX. МАССОВЫЙ СОЦИУМ — ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА, УНИЧТОЖАЮЩАЯ РАЗУМ ЧЕЛОВЕКА

Утверждение, что истина достигнута и что с незнанием и заблуждением покончено, — это одно из величайших заблуждений, какие только могут быть.

Ф. Ницше

Глава 25. Утрата понимания ложного и истинного

Система коммуникаций массового общества — это психологическая атмосфера общества, которая сложилась из анклавов наций всего мира в результате расовой катастрофы. Так, когда рациональная модель цивилизации разрушается, варвары и люмпены исчезающей цивилизации начинают формировать связи псевдоцивилизации, поскольку они способны существовать без ориентации на метафизическую границу бытия. В Темные Века резко снижается качество человека, определяющего политическую жизнь, ибо примитивная душа, почти полностью определяемая животными влечениями, невосприимчива к высшим ценностям. Ведь высшие ценности требуют для своего производства — благородства души, тогда как в Темные Века, как мы видим в наше историческое время, не то что благородство, но и само понятие «душа» упразднено. Вместо этого для массового сознания предложены разнообразные шоу, где полностью выродившаяся аристократия, например, английская, демонстрирует детские картинки о «благородстве» в качестве разного рода свадеб, где эти аристократы,

как театральные куклы, играют свои театральные роли. Понятно, что подобного рода шоу направлено на то, чтобы показать массовому сознанию, что благородство — это всего лишь детская картинка, за которой ничего не стоит кроме еще одного дешевого развлечения, которое предлагает массовое общество. В действительности же, исторически, аристократия была всего лишь средой, где было определенное место для существования благородства человеческой души. Например, средой, где еще до недавнего времени присутствовал разум человека, была научная среда, когда наличие в ней не гарантировало выдающихся открытий в науке, но, по крайней мере, гарантировало возможность развития индивидуального разума человека. Так, и присутствие в среде аристократии, в период доминирования высших ценностей, не гарантировало благородное поведение человека, но давало возможность присутствия позиции благородной человеческой души в исторической реальности в среде, где понятия о чести и долге были основополагающими. В наше же историческое время, ни социальной среды, где возможно присутствие человеческого благородства, ни среды, где присутствует разум человека, не существует. Зато существует бесконечное многообразие для раскрытия возможностей неполноценной психики Quasi Homo, этого энергичного «сорняка» псевдоцивилизации. Проблема состоит в том, что этот Quasi Homo обладает исключительной живучестью и мобильностью в среде массовых коммуникаций, где разум исключен, — это его среда, которую он построил для себя и где способен существовать только он.

То, что мы замечаем в поведении людей в массовом обществе, — это феномен, когда ложь становится нормой жизни. Лгут все, причем лгут даже тогда, когда в этом нет необходимости. Понятно, что главным аккумулятором этой тотальной лжи являются СМИ, где ложь льется нескончаемым потоком, но проблема состоит в том, что современный массовый человек практически разучился отличать истинное — от ложного. Причины подобного феномена следует искать в том, что современная псевдоцивилизация утратила метафизическую границу, по отношению к которой разум устанавливает меру истинного и ложного. Наука же, с ее способностью строить логические конструкции

в качестве представляемого абстрактного знания, ограничена возможностью чисто рассудочных суждений.

Мы полагаем, что феномен массового общества в мировой истории не является чем-то новым. В эпоху расовой катастрофы, когда высшая порода человека, чья психология является производной от благородства человеческой души, оказывается вне политической реальности, ложь и неполноценность человека становятся определяющими в политических структурах псевдоцивилизации. Винить в этом какие-то политические силы — бессмысленно, поскольку периодический распад рациональной модели цивилизации, когда в ней доминируют разумные силы, происходит в силу истощения ресурсов высшей психики народов, производящих наибольший материал высших ценностей. Этот материал черпается из соприкосновения с метафизической границей, которая суть внутренняя структура функционирования мировой цивилизации. Как только эта граница исчерпывается, понимание истинного и ложного начинает исчезать, поскольку рациональная логика человека — это производная от понимания сущности метафизической границы. Одновременно, неразумный человек, который в период полноценного доминирования разума в процессах цивилизации находится на ее периферии, начинает проявлять исключительную активность, поскольку в этот момент начинается его время, время Темных Веков. В частности, и политический инструмент псевдоцивилизации — массовое общество, также является результатом усилий построения массовых коммуникаций неразумным человеком. Размышляя над природой благородства человеческой души, то есть тем, что тотально вытравлено массовыми коммуникациями из повседневности человеческой жизни, мы должно понимать, что это свойство человеческой души есть, в первую очередь, продукт активности воли. Ведь в отличие от человеческих влечений, воля в любом случае формируется воздействием метафизической границы.

В известном тезисе практически всех аристократий народов мира «мы — благородные», лежит не пустое самодовольство своим политическим положением, как это пыталась доказать разного рода торгашеская мораль XX века, а сознание, что высшие ценности имеют бескорыстную

основу. Это мысль о бескорыстии, определяющая разумную природу ценностей, высказывали практически все философы-идеалисты, осознающие, что граница между разумными — и неразумными ценностями, выражает главное условие полноценного существования человека. Но когда основой повседневной жизни человека становится исключительно корысть, навязываемая массовыми ценностями лживой целесообразностью экономических интересов, то и жизнь человека начинает уподобляться «сорняку» мировой истории, от которого ничего не остается потомкам, кроме безнадежной тупости животного существования, умело сокрытого бытовыми радостями повседневной жизни и любознательностью поверхностного рассудка. Понятно, что безнадежная тупость механической повседневности человеческой жизни в процессах псевдоцивилизации, в которой активность проявляет исключительно неразумный человек, обслуживается всем тем набором низших ценностей, которые необходимы для того, чтобы в человеке неожиданно не проявился разум. В этом случае, то есть в случае возможности неожиданного проявления разума, этого человека можно объявить «сумасшедшим» или «иррационалистом», как, например, оценено философское наследие Ницше в современной псевдофилософии. И вообще, за исключением бурного роста научных технологий в современной псевдоцивилизации, практически все сферы разумной жизни человека: искусство, политика, фундаментальная наука — все можно оценить с позиции «псевдо». Причину этой имитации какого-то разумного смысла там, где его нет, следует рассматривать в утрате понимания ложного и истинного с точки зрения восприятия метафизической границы мира, поскольку неразумный человек в принципе не способен испытывать разум в своей душе, если на него нет воздействия энергии высших ценностей извне. Произвести же сам высшие ценности неразумный человек не в состоянии в силу строения своей души.

В чем же тогда выражается так называемая «общность» людей в системе функционирования массового общества? С точки зрения объективного исторического разума, практически, ни в чем. Мы видим, что система массового общества производит множество наукообразных мифов, направленных на то, чтобы создать иллюзию у человека, что

его жизнь имеет какой-то смысл, относящийся к разуму, хотя в действительности образ жизни человека в массовом обществе не имеет к этому никакого отношения. Другими словами, в массовом обществе людей ничего не связывает с точки зрения разума, за исключением огромного количества мифов, опирающихся на авторитет науки. Собственно, так происходит всегда, когда в процессах цивилизации исчезает достаточное влияние метафизической границы.

То, что мы наблюдаем в поведении современного человека, полностью утратившего разум в системе массового общества, так это попытку исключить саму жизнь из собственного образа жизни. Вместо нее человеку в массовом обществе предлагается абстрактная схема, которую он и должен воспринимать в качестве чего-то «живого». Другими словами, человеку в массовом обществе предлагается стать бездушной машиной, поскольку существование души неизбежно влечет за собой и существование какой-то духовной силы, то есть действительности, где материальный мир оказывается чем-то случайным и не существенным. Понятно, что религиозная мифология включена в систему массовых ценностей, поскольку от нее осталась лишь матриархальная выжимка. Мы же полагаем, что онтологический поток времени, в котором зарождается импульс индивидуальной воли человека, необходимо содержит в себе дух как бессознательный опыт расовой памяти. Можно утверждать, что индивидуальный импульс воли человека есть то или иное проявление активности этой расовой памяти, тогда как его влечение — это продукт бессознательного, в котором, в первую очередь, доминируют массовые инстинкты, подавляющие его индивидуальное начало. Расовая же память всегда ориентирована на высшие ценности, ибо высшая психика человека сформирована исключительно их воздействием и сохраняет память только о них, в отличие от массового бессознательного. Как известно, Фрейд занимался исследованием природы массового бессознательного, указав на его центральный инстинкт — сексуальный, который определяет психологию человека как биологического существа. Расовое же бессознательное формируется диаметрально противоположным инстинктом — инстинктом смерти, который мы не можем отнести к сфере биологии, а потому определяем

этот инстинкт как начальную сферу духовной организации человеческой души, формирующей импульсы воли.

То, на чем держится массовая культура — область действия поверхностного рассудка, который строит свои суждения, исключая противоречия жизни. Именно здесь мы должны искать момент распада рациональных коммуникаций, который начал происходить в западноевропейской цивилизации, когда она достигла пика своего развития, что, собственно, и подорвало ее внутренние ресурсы. Ведь в отличие от массовой активности человека, черпающей свои психические ресурсы из энергии бессознательных влечений, расовая активность человека формируется духовными подсознательными импульсами, проистекающими из инстинкта смерти. Инстинкт смерти фрактально «натянут» на топологический поток времени, чья метафизическая граница указывает на происхождение природы не из самой себя, как в этом пытается убедить человека материалистическая наука, а из метафизики онтологического потока времени. В том и состоит специфика восприятия материального мира, когда все, что воспринимается в непосредственных чувствах человека, есть лишь то или иное воспоминание, то есть бесконечное повторение фрактального подобия элементов целого. Именно по этой причине подавляющее число людей запрограммировано только на конечные цели жизни: овладение профессией, воспитание детей и так далее и тому подобное. Эта программа относится не к сфере цивилизации, а к сфере культуры, поскольку цивилизация, наоборот, сминает эти конечные программы рассудка, требуя от человека относиться критически к низшим ценностям, ориентируясь на высшие ценности.

Глава 26. Лживая мифология массовых представлений о мире

В историческую эпоху, где действует разум, значимость человека определялась его вкладом в производство высших ценностей, которые всегда имели эстетический характер, поскольку только эстетический объект не препятствует росту полноценного импульса воли. Ведь эстетический объект субъективно возбуждает воспоминания

расовой памяти человека, усиливая их активность. Поэтому средства массовой культуры проводят большую работу, чтобы не допустить хотя бы минимума полноценного субъективного восприятия эстетической реальности, который может показать разуму человека, что, исторически, он существует в эпоху Темных Веков, то есть в тотальной пустыне по отношению к разуму. Эти средства формируются во всем многообразии инструментов массовой культуры, основной технический прием которых — максимальное понижение уровня всего, что может каким-то хотя бы минимальным образом указать на природу разумного мира. В первую очередь, конечно, речь о ликвидации среды, в которой может проявиться благородство человеческой души и, как следствие, объективность разума человека.

Если же оценить причину тотальной лживости человеческих отношений и саму бессознательную потребность человека — лгать, то мы обнаруживаем ее в неспособности человека в массовом обществе обладать разумным индивидуальным началом, когда вместо разумного индивидуального начала он проявляет лишь свое индивидуальное биологическое существо, сублимированное до нужного состояния выживания. Так, умение приспособливаться, выживать, то есть проявлять те низменные инстинкты, которые свойственны человеку примитивного склада души, чей разум практически неразвит, стали внутренней пружиной социальных процессов массовой культуры. Массовый человек лжет, поскольку это дает возможность выжить, то есть приспособиться, не проявляя своей индивидуальности разумного существа. При этом ложь, как моральная норма, пронизывает все слои массового общества: политику, бизнес, спорт и даже научную среду, где еще полвека назад теплился какой-то разум. Фактически, ложь дает возможность избежать противоречий жизни, то есть жизни как таковой, в которой существует опасность оказаться наедине с истиной, которая дает человеку доступ к его индивидуальному началу, и, как следствие, к осознанию тотального мрака Темных Веков. В этом случае, мировая история оценит лжеца как низшее человеческое существо, которое не имеет право на существование и, значит, требует его разоблачения. Собственно, таково вообще предназначение мировой истории — все ставить на свои места

по отношению к мере высших ценностей, которые достигнуты на определенном промежутке времени определенной эпохой, какие бы мифологические представления не действовали в это время. И если современная мифология массового общества убеждает человека, что он живет в век научно-технического прогресса, то через несколько столетий объективный разум оценит нашу историческую эпоху как состояние дикости по отношению к подлинной сущности разума. Ведь человек в наше историческое время лишен возможности, проявлять свой разум, когда рациональные коммуникации между людьми исчезли. Основная же причина этой тотальной лжи находится в исчезновении полноценного влияния метафизической границы, которая контролирует субъективный разум человека. Так, субъективный разум человека необходимо взаимосвязан с ощущением метафизической границы, тогда как вместо нее в Темных Веках зияет та пустота в области рациональных коммуникаций, которую Ницше определял, как нигилизм.

Особенностью массовых коммуникаций является их исключительная универсальность, связанная с их предельной примитивностью. Так, мы видим, что они возникают даже там, где еще несколько десятилетий назад люди жили в каменном веке. Эта универсальность проистекает из понятной каждому человеку движения животного импульса человеческой души с ее примитивными инстинктами. Именно на этих животных инстинктах и строится психология человека Темных Веков. Для формирования массовых коммуникаций достаточно наличие каких-то технологий, упрощающих быт человека, низкокачественные продукты питания, которые своей дешевизной дают возможность не напрягаться для их изготовления, и торгово-денежные отношения, когда методический труд все менее востребован, тогда как функции посредника и сфера мелких услуг становятся основным видом деятельности в иррациональной среде человеческих отношений.

Не трудно понять, что говорить правду, — это прерогатива человека, который обладает мужеством быть по отношению истине, а истина — это то, что необходимо взаимосвязано с высшей ценностью жизни. Ценность жизни, в том числе и сама биологическая жизнь человека, связана не с сущностью разума — выражать суровую непреклонность

существования человеческой индивидуальности, а с позицией рассудка — избегать необходимости быть самим собой вне социума, интерполируя свою индивидуальность исключительно из социальной значимости. Эту проблему новейшей истории — исчезновение индивидуального начала человека под воздействием множества социальных мифов, навязывающих ему иллюзию существования индивидуального начала, обнаружил еще Ницше, когда этот вопрос не стоял так остро. Он обнаружил проблему исторического будущего субъективного разума — как быть самим собой разумному человеку, когда вокруг течет океан тотальной лжи в системе человеческих коммуникаций? Как известно, философское открытие, которое он сделал, лежит в специфике действия воли к власти, которая всегда имеет источник метафизического происхождения и, как следствие, необходимое присутствие индивидуального начала человека. На другом же полюсе ценностей, то есть ценностей низших, мы обнаруживаем движение человеческих влечений, где изворотливость биологического существа человека в усилиях по выживанию поражает своей способностью отказа от своей индивидуальности. Здесь примитивный человек проявляет виртуозность в способности демонстрировать свою социальную значимость при условии практически полного отсутствия индивидуальности, поскольку социальный миф наделяет его исключительной значимостью в средствах СМИ. То, что дает возможность существования тотальной лжи в наше историческое время в массовом обществе, выражается во всеобъемлющей проекции внимания сознания человека не на наличие процессов цивилизации, а на присутствие реальности культуры. Под цивилизацией в представлениях массового сознания понимаются достижения научных технологий и уровень бытового комфорта человека. Другими словами, в массовом сознании путается понимание культуры и цивилизации.

Вообще, размышляя над системой коммуникаций в массовом обществе, мы приходим к выводу, что имеем дело со средой людей, которые невменяемы к разуму, но вполне комфортно чувствуют себя в массовой культуре, которая не требует от человека быть самим собой. Ведь ничто не напоминает человеку в массовом обществе о том,

что в нем есть индивидуальность, а, наоборот, требует от него постоянно помнить о том, что он всем должен быть обязан социуму. То, что этот социум неразумен, не обсуждается так же, как в Средние Века не обсуждалось: есть бог или нет? В результате, мы видим, что участие в этих неразумных процессах псевдоцивилизации может принимать только неразумный человек, а также армия гумани- тариес, которая занимается разнообразным мифотворче- ством о наличии какого-то разумного смысла в социуме там, где его нет. Это и есть тотальная ложь, которая стала очевидной по отношению к объективной сущности исто- рического разума.

Чтобы рассуждать о подлинной сущности истины, не- обходима принципиально новая среда людей, в которой отсутствует иррационализм массовых коммуникаций. Именно здесь пролегают пути исторического разума, для которого метафизика времени является определяющей границей новой модели мировой цивилизации. Собствен- но, слабый отблеск ее присутствия горит в воздействии механического времени на все внутренние процессы псев- доцивилизации, однако это воздействие чисто внешнее, когда разумная часть души человека остается в стороне. Вероятно, аналогичным образом начиналась новая модель мировой цивилизации в Западной Европе, когда строи- тельство христианских храмов покрыло своей фракталь- ной «сетью» иррациональный образ жизни западных ев- ропейцев, подражающих последнему опыту знания исчез- нувшего античного мира — вере в христианского бога. Так, и в новейшей мировой истории, мифология веры в разум, на которую опирались большевистские орды, разрушив- шие Российскую империю, смогла только уничтожить старый тип индивидуальности, ничего не дав взамен. Вза- мен лишь возникли в различной степени кочевые станы, начиная от Восточной Европы и заканчивая Средней Ази- ей, в которых на сознание человека действует мифология представлений псевдоцивилизации, где место разумному человеку не предусмотрено.

Ища главную причину этой тотальной лжи, на кото- рой строится социальная система массового общества, мы приходим к выводу, что она кроется в том, что главной его ценностью является биологический инстинкт выживания,

именуемый в мифологии массового общества «человеческой жизнью как высшей ценностью». Так, на систематическом уровне массовому сознанию внушается, что биологическая жизнь человека и есть его единственная «индивидуальность», которая демонстрирует превосходство человека над природой в достижениях научно-технического прогресса. Но разумная индивидуальность не может быть массово-социальной, поскольку социум — это объективность культуры, а не цивилизации. Культура же — это всегда миф, ибо в культуре человек относится к метафизической границе как к чему-то по ту сторону, что рассудок не в состоянии понять в силу противоречивости метафизической идеи жизни. Мифологичность культуры объясняется с точки зрения ее матриархальной природы ценностей, где важнейшей ценностью является инстинкт самосохранения человека. Все в культуре направлено на то, чтобы избежать проявления индивидуального начала человека в качестве волевой составляющей, которая расценивается в культуре как «агрессивная» и «нецивилизованная». Но в действительности, культура заботится не о цивилизации, а о псевдоцивилизации, то есть такой системе ценностей человека и человеческих отношений, где разум имитируется в качестве поверхностных суждений рассудка. Отличительная черта подобных суждений — их исключительная «гладкость» и неконфликтность, которая выражает позицию мысли, стремящейся не понять существо другой индивидуальности человека, а обратиться к социальной функции человека, которой его наделяет массовое общество. В результате, диалог здесь происходит не между разумными индивидуальностями, а между социальными функциями, которые массовое общество производит как иррациональные агрегаты разного рода процессов псевдоцивилизации. Этот иррационализм незаметен в силу того, что социальные фракталы структурируются в подобие чего-то «разумного», когда это подобие «разумного» кажется какой-то системой, как, например, движение курсов валют на форексе.

***

То, что Темные Века неизбежно сменяются Средними Веками, Гегель обосновывал процессом раскрытия абсолютной идеи в процессах мировой истории. С учетом

современных знаний науки, мы полагаем под абсолютной идеей Гегеля необходимо понимать движение бессознательной энергии расы Homo sapiens в высшей психике человека, из которой формируется его разумная индивидуальность. Пульсирование этой энергии и создает энергию мировой цивилизации, которая полярно противоположна энергии инстинкта самосохранения человека, на основе которого формируются ценности культуры. Мы полагаем, что эта энергия проистекает из подсознательного инстинкта смерти человека, который каким-то образом взаимосвязан с метафизическим миром. Ощущение этого мира и создает внутренний ритм цивилизации, в котором разумная индивидуальность человека является соучастником проекта, в котором действует мировой разум. В контексте расового бессознательного, мировой разум — это фрактальная реальность, где художественная картина целого действительности обращена к сознанию человека, а ее производная, метафизика времени, сокрыта в глубинах высшей памяти человека. Здесь следует понимать, что понимание природы времени на сегодняшний день для разума человека является почти нулевым. Главное же, состоит в том, что сфера понимания времени отнесена исключительно к науке, хотя, как показывают различные Темные Века мировой истории, наука в этот период находится в зачаточном состоянии по отношению к возможности появления в ней новых идей, способных развивать разум человека. Отсутствие же новых идей, которые появляются только при условии производства внутри цивилизации высших ценностей, неизбежно влечет за собой и исчезновение активности разума человека, когда власть поверхностного рассудка приводит к появлению псевдоцивилизации.

В период варварства в истории человечества, когда разум приходит в забвение, возникает необходимость в появлении таких политических систем, которые восстанавливают его позиции практически из ничего, поскольку метафизика субъективного разума — европейский нигилизм, — это и есть тот минимум позиции пространства существования цивилизации, с которого начинается ее новейшая современная история. Фактически, историческая ситуация в наше время такова, что разум необходимо восстанавливать из полного забвения, в котором он оказался в результате исчезновения

всех рациональных коммуникаций. Иррациональные же коммуникации, которыми «опутала» псевдоцивилизация современного человека, требует от него постоянной лжи по отношению ко всему, за исключением чего-то механического, в чем исключается его разумная индивидуальность. Кто же производит эту механику иррационального образа жизни человека в процессах псевдоцивилизации? Мы полагаем, что это ложное субъективное восприятие человеком сущности времени как свойства материи. Так, с одной стороны, вся научно-технологическая инфраструктура внутри псевдоцивилизации поддерживается за счет ориентации на подлинную метафизическую границу — время, а с другой, эта метафизическая граница воспринимается как нечто материальное, то есть прямо-противоположное своей сущности. Этот феномен можно найти в начале становления монотеистической веры в истории мировой цивилизации, когда единый бог воспринимался язычниками исключительно в русле чего-то политеистического, поскольку сила традиции всегда опирается на века определенного опыта восприятия и преодолеть их крайне сложно. На этот момент обратил внимание Фрейд, когда заметил, что европейцы так и не научились правильно воспринимать монотеистическую веру, постоянно примешивая к ней опыт традиционной политеистической веры. Рассуждая же с современных позиций объективного разума, следует заметить, что попытка воспринимать время как свойство материи, а не как метафизическое начало бытия, есть все та же инерция человеческих представлений — остаться в историческом прошлом, не замечая кардинально изменившейся картины настоящего момента мировой истории.

Действие мировой цивилизации всегда разрушительно, как это правильно заметил Шпенглер. Однако его попытка: противопоставить культуру как сферу высших ценностей — цивилизации, в корне неправильна, демонстрируя позицию рассудка, а не разума. Разрушительное воздействие цивилизации на культуру есть воздействие воли человека на его влечения, по минимуму или по максимуму. Так, инстинкт самосохранения человека и стремление к познанию, которое требует серьезного риска, — два полярно противоположных состояния психики, где одно

образует поле культуры, а второе — поле цивилизации. Активность цивилизации никогда не дает человеку остановиться на чем-то окончательно достигнутом, бросая его в опасность новизны новых идей жизни, а новые идеи жизни — это всегда разрушительное воздействие метафизической границы.

Важнейшей задачей разума в период Темных Веков мировой истории становится формирование такой политической среды, в которой могло бы проявиться необходимое условие производства высших ценностей — проявление благородства человеческой души. Другими словами, нужны политические структуры, которые обладали бы способностью восстановить рациональные коммуникации между людьми, когда между ними есть только мусор массовых коммуникаций, отрицающих разумную индивидуальность человека.

Оглавление

Школа рациональной мысли.....	3
Рациональные коммуникации — условие существования мировой цивилизации.....	3
Часть первая. Время и цивилизация.....	21
I. Мифологическое и разумное	23
Глава 1. Мифология представлений и объективный разум	23
Глава 2. Искусство как отображение фрактальной действи- тельности	38
Глава 3. Социально-уравнительный принцип культуры и иерархический принцип цивилизации.....	61
II. Основание политической модели цивилизации — лигаристический союз	78
Глава 4. Существование цивилизации — это мера устойчивости рациональных коммуникаций между людьми.....	78
Глава 5. Рассудочный схематизм ценностей культуры и разумная мера высших ценностей цивилизации.....	88
Глава 6. Массовое общество как система неразумных коммуникаций	101
III. Время — метафизическая граница новой модели цивилизации	112
Глава 7. Современный начальный этап новой цивилиза- ции — Темные Века	112
Глава 8. Реальность фрактального подобия исторических процессов	120
Глава 9. Blitum Темных Веков.....	126
Часть вторая. Становление модели современной цивилизации.....	131
IV. Возникновение идеи новой метафизической границы.....	133
Глава 10. Метафизика границы разумного мира	133
Глава 11. Субъективность и объективность полноценной метафизической меры.....	139
Глава 12. Историческое время — это отображение уровня рациональных коммуникаций между людьми	145

IV. Топология онтологического потока времени в мировой цивилизации	155
Глава 13. Фрактальная природа мировой истории	155
Глава 14. Функции культуры и цивилизации	162
Глава 15. Псевдоцивилизация как сфера действия рассудка...170	
VI. Время как фрактальная структура	178
Глава 16. Философия фрактального подобия	178
Глава 17. Специфика сущности метафизического начала... 184	
Глава 18. Структурообразующая функция времени..... 190	
Часть третья. Феномен псевдоцивилизации	197
VII. Последствия исчезновения рациональных коммуникаций	199
Глава 19. Мифология представлений псевдоцивилизации... 199	
Глава 20. Неразумная материя на развалинах мировой цивилизации.....204	
Глава 21. Обломки западноевропейских рациональных коммуникаций	211
VIII. Цивилизация и псевдоцивилизация	216
Глава 22. Доверие между разумными людьми — основание внутренних процессов мировой цивилизации	216
Глава 23. Фрактальная структура как элемент взаимосвязи сознания высшей памяти человека и мировой истории.....	222
Глава 24. Quasi Homo — Blitum (сорняк) массовой культуры	228
IX. Массовый социум — политическая структура, уничтожающая разум человека	234
Глава 25. Утрата понимания ложного и истинного	234
Глава 26. Лживая мифология массовых представлений о мире	239

